
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

3'97

ЛІСТАПАД

МІНСК
"УНІВЕРСІТЭЦКАЕ"

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П.М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

П.І. БРЫГАДЗІН (адказны рэдактар),
В.М. ГАДУНОЎ, А.М. ЕЛСУКОЎ, А.І. ЗЕЛЯНКОЎ (нам. адказнага
рэдактара), Ю.Л. КАЗАКОЎ (адказны сакратар), У.Л. КЛЮНЯ,
С.В. РАШЭТНІКАЎ, У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА, А.А. ЯНОЎСКИ

Учредитель:
Белорусский государственный университет
Регистрационный №805

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, №3, 1997

Издательство "Універсітэцкае".
220048, Минск, пр.Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 220-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А.А. Сычоў
Мастацкі рэдактар Дз.Я. Дзівін
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г.І. Хмарун

Набор і вёрстка выкананы ў рэдакцыі часопіса Г.М. Добыш і У.А. Сямёнавым

Падпісана да друку 24.07.97. Фармат 70x108 1/16. Папера афс. Друк афсет. Ум. друк.
арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,52. Ул.-выд. арк. 8,87. Тыраж 500 экз. Заказ 2526. Цана 18000 р.

Надрукавана з гатовых дзяпазітываў заказчыка ў друкарні выдавецтва "Беларускі
Дом друку". 220013, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

© Вестник Белдзяржуніверсітэта, 1997

Г.А.БОЛСУН

ФАШИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ (1941–1943 гг.)

Внезапность нападения фашистской Германии, стремительное продвижение войск противника в глубь страны и отступление Красной Армии, быстрая оккупация республики вызвали растерянность, апатию, дезориентировали значительную часть жителей Белоруссии. В оперативной сводке из СССР №42 от 3 августа 1941 г. немцы отмечали: "Среди населения ощущается огромный спрос на информацию, можно сказать, голод".¹ Стремясь заполнить этот вакуум и отчетливо сознавая, что война за умы играет не меньшую роль, чем военные сражения, фашисты развернули широкую пропагандистскую работу на оккупированной территории Белоруссии. Немецкие трофейные документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Беларусь, дают наглядное представление о формах организации и методах этой работы, помогают понять причины временного успеха пропагандистских акций гитлеровцев, выявить основные направления пропаганды противника и определить, почему в январе 1943 года немцы констатировали: "Всякая немецкая пропаганда, будь то против банд или, например, за поездку на работы в Германию, бессильна".²

С первых дней оккупации республики немцы установили монополию на все средства информации. Многочисленные приказы и объявления гласили об обязательной сдаче в местные комендатуры и отделы жандармерии под угрозой наказания радиоаппаратов, коммунистических книг, пригодных и непригодных фотоаппаратов. Были составлены именные списки граждан, имеющих патефоны и патефонные пластинки. Об отношении гитлеровцев к организации и содержанию учебного процесса в школах убедительно свидетельствует, например, распоряжение Петриковского гебитскомиссариата (1942 г.): "Введенные большевиками учебные планы, учебники, книги для учителей и учеников и прочие воспитательные средства с политической тенденцией (фильмы, карты, картины и т.д.) запрещены".³ Зам. генерального комиссара фон Румор 8 ноября 1941 г. информировал все заинтересованные организации и частных лиц о том, что выпуск газет, журналов, прочих периодических изданий, учебников возможен только с разрешения Генерального комиссара Беларуси. Для организаций постановок, развлекательных мероприятий необходимо было за 14 дней сообщить в местную комендатуру день, место и час проведения, вид организации, доложить программу и полный текст, указать состав художников и исполнителей. До получения соответствующего разрешения проведение подобных мероприятий запрещалось. Библиотечные фонды подвергались тщательной проверке. Так, в отчете айзатцгруппы "Б" за сентябрь 1942 г. говорится: "...Довольно значительная часть книжного фонда библиотек еще не передана для массового пользования в связи с просмотром книг, в особенности в ведомстве Розенберга (Могилёв, Гомель)".⁴

В организации пропагандистской работы фашисты стремились учитывать специфику местных условий, тщательно следили за настроением населения и воздействием на него своих пропагандистских акций. Они видели отличие меж-

ду бывшими польскими и советскими районами в том, что в последних население совершенно подавлено и не имеет своего самосознания. Безучастность и равнодушие населения этих территорий объясняли как "итог психологического воздействия советского террора в течение 23-летнего господства." Характеризуя настроение в бывших польских землях, нацисты в оперативной сводке из СССР №42 подчеркивали: "... радость освобождения от советского ярма все еще продолжается и проявляется она прежде всего в готовности польского и белорусского населения активно участвовать в восстановлении. Сравнение немецких солдат, их поведения, вооружения и т.д. с военными служащими Красной Армии оказались в пользу германского вермахта."⁵ В целом они характеризовали белорусский народ как "аморфную массу, столетиями лишенную своей интеллигенции." Ссылаясь на "безысторическое" развитие белорусов и мелкокрестьянский эгоистический характер, считали, что едва ли существует в широкой массе населения народное или национальное самосознание. Можно встретить в сводках и такую характеристику белорусов: "индифферентные, боязливые (трусливые)."⁶ В связи с этим указывалось, что немецкое пропагандистское обслуживание должно проводиться таким образом, чтобы "оно было доступно для примитивного восприятия местного населения." Единственным критерием принадлежности к белорусской национальности фашисты считали употребление белорусского языка, который называли примитивным. В Приложении к оперативной сводке отдела пропаганды "Остланд" за 31 декабря 1941 г. сказано: "...Если сегодня белорусский язык является официальным языком и пропаганда ведется преимущественно на белорусском языке, то населению непонятно это. В белорусском языке отсутствуют или неизвестны многие научные, административные и коммерческие термины. Часто можно наблюдать, когда белорусы не понимают опубликованные в газетах или изданные другим путем на белорусском языке распоряжения, ибо они содержат незнакомые слова или надуманные неологизмы."⁷

Контроль за настроением населения осуществляли не только сотрудники отделов пропаганды и старосты. Из числа местных жителей вербовались доверенные лица, в задачу которых входило узнавать и сообщать о настроениях населения. Затем подобные сообщения использовались на совещаниях местных пропагандистов для корректировки дальнейшей работы. Поставщиком информации должен был стать каждый немецкий солдат. Так в "Памятке для войск" говорилось: "Там, где вы встречаете или можете связаться с органами немецких частей пропаганды, сообщите им об интересных фактах, которые вы знаете."⁸

Большие надежды гитлеровские агитаторы возлагали на учителей, стремясь использовать их в качестве проводников нацистской идеологии. "По мнению авторитетных кругов, крайне необходимо немедленно уволить с работы ту часть учительства, которая занимает выжидательную позицию, а более достойных привлечь к проведению активной немецкой пропаганды."⁹

Насильственная коллективизация, политические репрессии, шпиономания и другие негативные явления, имевшие место в предвоенные годы, наложили отпечаток на настроение населения республики и давали немецким пропагандистам обширный материал для критики советских порядков. "Характерно, что население возлагает вину за последние годы жизни в нужде не на большевистскую систему, а лично на Сталина... Зачастую можно слышать высказывания: "если бы жил Ленин, все было бы иначе."¹⁰ Однако в сообщении оперативной группы СД о положении в Минске от 15 июля 1941 г. содержится иное, более категоричное заявление: "В целом же повсеместно наблюдается сильное отращение к большевистскому режиму."¹¹ Немцы стремились подогревать подобные настроения, используя карикатуры на руководителей советского государства, переделывая и публикуя тексты известных советских песен. Так на одной из листовок был изображен Сталин, который доит плачущую корову. На обратной стороне текст:

"Колхозы – дойная корова
Для Сталина – "отца родного",
Как только немцы победят,
Колхозы к черту полетят..."¹²

В виде листовки с пометкой "прочти-повтори-запомни" был издан тенденциозно переработанный текст советского гимна: "Союз нерушимый республик голодных Сплотила когда-то великая Русь. Да здравствует ставший тюрьмою народной Единый концлагерь Советский Союз..."¹³

С первых дней войны все средства немецкой пропаганды были брошены на разъяснение освободительной миссии германской армии, якобы спасающей страну от жидо-большевизма и советского режима. Пропагандистские команды, используя агитационные машины с репродукторами, совершали поездки по населенным пунктам Белоруссии и передавали материалы о положении на фронте, подчеркивая значение немецких военных успехов, доказывали, что возврат советского строя немыслим и такого никогда не случится. Населению раздавали портреты фюрера и открытки с его изображением, нацистские флажки, вывешивали плакаты, например "Солдаты Гитлера – друзья народа."

Огромное внимание фашистская пропаганда уделяла деморализации Красной Армии, убеждая в бессмысленности ее сопротивления и призывая бойцов сдаваться в плен. Изданные объявления и листовки расклеивались на специальных щитах в деревнях и на перекрестках лесных дорог. Предписывалось бывших советских военнослужащих, добровольно явившихся для сдачи в плен, с листовками отправлять обратно в лес для агитации своих сослуживцев. Немцы обращались к солдатам Красной Армии и от имени германского командования, и от имени военнопленных, которые якобы прекрасно чувствуют себя в лагерях, от имени матерей и жен, которые "от чистого сердца" призывали своих близких "стараться добровольно сдать в плен и поспешить домой, чтобы не опоздать к разделу земли." Немцы всячески стремились опровергнуть положение о справедливом, освободительном характере войны со стороны Советского Союза. Они пытались доказать, что солдаты защищают не свое Отечество, а интересы кучки жидов, засевшей в Кремле. Гитлеровские пропагандисты утверждали также, что эта война ведется за англо-американские интересы. Сталин, "продавший" союзникам, заставляет проливать кровь и голодать миллионы крестьян, рабочих и солдат. Красноармейцев призывали не воевать за чужие интересы, а скорее сдаваться в плен. На одной из листовок фотография счастливого пленного солдата сопровождалась текстом об особенно хороших условиях для тех, кто добровольно перешел на сторону немцев. На обратной стороне – русско-немецкий разговорник в помощь сдающемуся в плен: "Дайте еще чашку чаю", "Спасибо за сигареты", "Можно еще стакан водки?", "Я хотел бы еще одно одеяло", "Я хочу что-нибудь почитать" и т.п. Складывается впечатление, что бойцов приглашали на курорт. Но достаточно прочитать сообщение отдела пропаганды "Остланд" за период с 10 по 25 января 1942 г., чтобы понять сколько изощренной лжи, цинизма содержали немецкие пропагандистские материалы: "Особое недовольство вызывает среди населения обращение с военнопленными... Во время марша крупной партии военнопленных с Минского вокзала в лагерь немецкой конвойной командой якобы были расстреляны бежавшие военнопленные. Только вечером улица была частично очищена от трупов. Это вызвало у населения возмущение, волнение, большое недоверие к немцам... В целях успешного проведения пропаганды поэтому необходимо потребовать, чтобы в подобных случаях... расстрелы производились не на глазах населения и чтобы оно не видело трупов."¹⁴

Серьезную проблему для немецкой стороны представляло обилие слухов, распространявшихся как из-за дефицита достоверной информации, так и вследствие активной устной пропаганды партизан и подпольщиков. Слухи о плохом обращении в Германии, о несчастных случаях, о размещении женщин и девушек в публичных домах значительно затрудняли вербовку рабочей силы в рейх. Особую тревогу вызывали у немцев слухи, распространяемые в сельской местности в период жатвы о бесполезности уборки урожая, о том, что Сталин дал указание о роспуске колхозов в пользу единоличных хозяйств и т.п. Влияние их было настолько велико, что нацисты с опаской заявляли: "Такая пропаганда существенно затрудняет проведение немецкой политики в области сельского хозяйства."¹⁵ Гитлеровские пропагандисты стремятся срочно принять контрмеры. Витебской пропагандистской командой была создана так называемая колонна доверенных лиц, которая распространяла среди населения слухи, выгодные вермахту:

– своими бессмысленными налетами советская авиация вредит только мирному населению, а не немцам;

– обещания большевиков только и остаются обещаниями, а о громогласно объявленном освобождении Белоруссии не может быть и речи;

– послушные англичанам русские круги арестовали Сталина и хотели убить, но освободили его, когда он твердо пообещал по требованию англичан пожертвовать последним русским;

– чтобы народ не поднялся против Сталина и его еврейской клики англичане и американцы предприняли высадку в африканской пустыне далеко от европейского континента. Сталин объявит народу об открытии второго фронта, который на деле является фикцией.¹⁶

Огромное внимание уделялось пропагандистскому обеспечению вербовки рабочей силы. Немцы стремились показать, что Германия – страна национального подъема, благосостояния и довольства, страна справедливости и свободы. Многочисленные агитационные плакаты, листовки, газетные статьи призывали добровольцев без промедления являться на пункты вербовки, захватив с собой лишь котелок с ложкой, да музыкальный инструмент, чтобы не скучать в дороге. Во всех газетах из номера в номер публиковали письма уехавших на работу в Германию, например, такого содержания: "...Живу прекрасно. Знакомлюсь с Берлином и его прелестями, часто бываю в берлинских театрах... Был в ресторане, в том числе в русском ресторане "Медведь". ...Мне теперь вполне ясно, почему так храбро борется немецкий солдат. Есть за что бороться. Не знаю, как у большевиков поворачивался язык, когда они говорили гадости о Германии."¹⁷ Пропагандисты разъясняли, что проезд в Германию разрешен всем, кто хочет работать, познакомиться с условиями жизни немцев и изучить немецкий язык. В одной из листовок говорится: "Для полного и радикального истребления большевизма потребуется еще много оружия и боеприпасов! Германия выставит еще больше дивизий! Но освободившиеся места у станков должны быть вновь заполнены. Поэтому тысячи белорусов и белорусок идут охотно и добровольно на работу в Германию. ...Кроме того, немецкое государство ручается тебе в том, что ты вернешься на свою родину счастливым и довольным."¹⁸ На производственных собраниях перед рабочими выступали "побывавшие" в Германии. Они делились впечатлениями от поездки. Но, несмотря на все ухищрения гитлеровских пропагандистов, в октябре 1942 года ответственный за использование рабочей силы сообщает: "Принудительная мобилизация была начата в связи с тем, что первоначальная готовность населения добровольно ехать на работы в Германию совершенно отпала."¹⁹

Таким образом, внезапность нападения фашистской Германии и быстрая оккупация Белоруссии, монополия фашистов в области информации, тщательная подготовка и оперативность пропагандистских акций вермахта, умелое использование просчетов советского руководства накануне войны способствовали тому, что в 1941 году немцы сумели добиться определенных успехов на пропагандистском фронте. Однако уже с 1942 года ситуация начинает меняться. В "Сообщениях из занятых восточных областей от 11 ноября 1942 г." говорится: "Если некоторое время после оккупации Белоруссии у населения часто существовало убеждение, что Германия даже в трудных условиях, но все же победит, то сегодня от такого мнения, за исключением некоторых, не осталось и следа."²⁰ Гитлеровская пропаганда потерпела сокрушительное поражение, так как за время оккупации население республики смогло воочию убедиться в ее лживом и провокационном характере, испытать на себе весь ужас фашистского "нового порядка".

¹ НАРБ Ф.4683, оп.3, Д.938, л.74.

² Там же. Д.947, л.229.

³ Там же. Д.539, л.64.

⁴ Там же. Д.949, л.109.

⁵ Там же. Д.938, л.70.

⁶ Там же. Д.948, л.91.

⁷ Там же. Д.931, л.43.

⁸ Там же. Д.337, л.4.

⁹ Там же. Д.931, л.94.

¹⁰ Там же. Л.41.

¹¹ Там же. Д.948, л.89.

¹² НАРБ Ф.359, л.171.

¹³ Там же. Л.36.

¹⁴ НАРБ Ф.4683, оп.3, Д.932, л.8.

¹⁵ Там же. Д.945, л.73.

¹⁶ Там же. Д.949, л.158.

¹⁷ Новый путь (г.Витебск) 1943 г.18 марта.

¹⁸ НАРБ Ф.359, л.131.

¹⁹ НАРБ Ф.4683, оп.3, Д.955, л.105.

²⁰ Там же. Д.948, л.91.

Н.М.ПУРЫШЕВА

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1921–1925)

Восстановление в июле 1920 г. белорусской советской государственности поставило перед партийно-государственным руководством республики и вопрос о путях и формах национально-культурного развития. Специфика ситуации заключалась в том, что в составе высшего руководства КП(б)Б в этот период преобладали сторонники последовательного централизма и классового пуризма (В.Г.Кнорин и др.). Отрицая национальный характер складывавшейся белорусской государственности, они стремились изолировать белорусскую интеллигенцию от участия в культурной работе. Противоположной точки зрения придерживались белорусские национал-коммунисты, представлявшие в КП(б)Б национально-демократические силы (В.М.Игнатовский, Д.Ф.Жилунович, А.Г.Червяков и др.). Рассматривая создание БССР как реальную возможность соединить национальные и коммунистические идеалы, они выступали за полноценное развитие белорусской культуры.

Это противостояние сказывалось на литературно-художественной политике. В 1921–1922 гг. оно проявилось в полемике между первым секретарем ЦБ КП(б)Б В.Г.Кнориным и народным комиссаром просвещения ССРБ В.М.Игнатовским по поводу поэмы М.Чарота "Босья на вогнішчы"¹. Частично взгляды оппонентов совпадали. Оба рассматривали художественную культуру как область идеологии, которая специфическими методами участвует в политике, выполняя функции орудия классовой борьбы. Общей была убежденность в необходимости создания новой художественной культуры. Они считали естественным вмешательство партийно-государственных структур в эту сферу духовной жизни. Однако различий было больше и они имели принципиальный характер. В.Г.Кнорин настаивал на радикальной "пролетаризации" белорусской культуры, на отсечении ее возрожденческих традиций. В.М.Игнатовский же обосновывал необходимость сохранения преемственности в развитии белорусской художественной культуры. По его мнению, принципы постепенности и преемственности должны были составить основу республиканской культурной политики².

Принадлежность оппонентов к высшим эшелонам власти выводила дискуссию за рамки частного мнения и превращала в принципы деятельности, определявшие в начале 20-х годов практическую работу партийных и государственных органов, ведавших вопросами художественной культуры.

Система органов управления сферой художественной культуры тогда находилась еще в стадии формирования. Особенностью этого периода являлось разграничение функций партийного и государственного аппаратов. Высшие партийные органы – ЦБ КП(б)Б и его Агитационно-пропагандистский отдел (Агитпроп) – осуществляли общее идеологическое руководство. Вся организаторская деятельность была сосредоточена в Народном комиссариате просвещения БССР.

Руководство комиссариата просвещения видело свою главную задачу в том, чтобы поставить на практическую основу "дело воссоздания белорусской культуры"⁴. С этой целью Наркомпрос занимался собиранием и организацией художественных сил республики, распределял заказы, контролировал зрелищные мероприятия, осуществлял цензуру печатных изданий.

Особой активностью в проведении национально-культурной работы отличался Академический центр Наркомпроса, при котором действовали Институт белорусской культуры, редакционная, театральная, литературная и другие комиссии. В аппарате Наркомата просвещения преобладала беспартийная интеллигенция, зачастую оппозиционно настроенная к власти. Учитывая это, СНК РСФСР еще в ноябре 1920 г. ввел в состав подчиненных ему наркоматов просвещения новую структуру – Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет), который должен был стать "прямым аппаратом партии в системе государственных органов" и корректировать их работу в нужном направлении⁵. С начала 20-х годов в БССР возникли трудности с координацией действий Агитпропа, Главполитпросвета, с одной стороны, и Наркомпроса – с другой. Разногласия между ними наиболее рельефно проявились в театральной и литературной областях. При активной поддержке Наркомпроса республики 14 сентября 1920 г. в Минске открылся Белорусский государственный театр. 29 июня 1921 г. отдел искусств наркомата, в ведении которого находился театр, был передан Главполитпросвету. Ярво выраженная партийная агитационно-пропагандистская направленность театральной политики Главполитпросвета не удовлетворяла руководство Наркомпроса. Поэтому летом–осенью 1921 г. по его настоянию театр был передан в ведение Академического центра и получил наименование академического. Это наименование, конечно, не отражало творческого уровня театра, но зато позволяло поддерживать его коллектив за счет государства, обеспечивая актеров льготными пайками.

Для пополнения театра квалифицированными актерскими кадрами Наркомат просвещения ходатайствовал перед Наркомпросом РСФСР об открытии в Москве актерской студии. Отсутствие национального репертуара побудило Академический центр Наркомпроса БССР объявить конкурс на написание пьес для Белгостеатра. В условиях конкурса предусматривалось, что произведения должны быть написаны на белорусском материале.

Театральная политика Наркомпроса вызвала активное сопротивление со стороны Главполитпросвета и Агитпропа ЦБ КП(б)Б. Весной 1922 г. зав. Агитпропом Я.Б.Быкин и член коллегии Главполитпросвета, заведующий Киноресбелом Динерштейн выступили в газете "Звезда" с резкой критикой деятельности Академического центра Наркомпроса⁶. Все его театральные мероприятия критики признали "страшно убыточными" и предложили лишить театр государственной помощи, что в тех условиях было равносильно его закрытию. Авторы статей подчеркивали необходимость повышения руководящей роли Агитпропотдела ЦБ КП(б)Б и Главполитпросвета в организации художественной жизни республики.

Несмотря на это давление, президиум ЦИК БССР 24 марта 1922 г. утвердил мероприятия по укреплению Белгостеатра и однозначно высказался за его государственное обеспечение. В дальнейшем правительство БССР постоянно оказывало театру не только моральную, но и материальную поддержку.

Заинтересованность правительства БССР в развитии национального театрального искусства и расширении его влияния на широкие слои населения проявилась в отношении к уникальному театральному коллективу – труппе В.Голубка. Труппа работала как передвижной театр с репертуаром, рассчитанным на массового, в основном сельского зрителя. В 1924 г. она была зачислена на государственное содержание. Первые гастроли в качестве государственной труппы провела во вновь присоединенных восточных районах Беларуси. В отчете В.Голубок писал, что труппа "имела большой успех там, где во главе власти были люди, которые приветствовали белорусское искусство". Однако в Орше труппа не нашла взаимопонимания с руководством железнодорожного узла. Узнав об этом инциденте, председатель ЦИК БССР А.Г.Червяков через газету "Савецкая Беларусь" передал театру В.Голубка благодарность за работу. При этом ЦИК взял на себя убытки, понесенные труппой в Орше, и оказал ей единовременную материальную помощь⁷.

Особое место в деятельности Наркомпроса БССР занимала литературная политика. ЦБ КП(б)Б в 1921–1922 гг. этому вопросу уделяло недостаточно

внимания. В партийном руководстве тогда преобладала пролеткультовская точка зрения, в соответствии с которой литература могла существовать как часть агитационно-пропагандистской работы в массах только в пролетарском варианте. Отрицая возможность использования уже признанных писателей национально-демократического направления, ЦБ КП(б)Б ограничивалось заявлениями о необходимости поддержки представителей немногочисленного тогда нового поколения литераторов. Руководство Наркомпроса не отрицало необходимости постепенной пролетаризации белорусской литературы. Но в целях сохранения стабильности и преемственности литературного процесса считало возможным использовать демократическое литературное наследие. Так, в 1921 г. Я.Лёсик, Я.Купала, С.Некрашевич были приглашены для работы в научно-литературной коллегии Наркомпроса, которая ведала изданием белорусской литературы, определяла тираж и размер гонорара авторам. Деятельность коллегии имела четко определенную национально-демократическую направленность. К изданию рекомендовались пьесы В.Голубка, переводы Ф.Ждановича, произведения Я.Купалы, Я.Лёсика, З.Бядули и др.⁸

Расширить работу в этом направлении должно было кооперативное издательство "Адраджэнне", образованное в апреле 1922 г. В состав правления вошли В.М.Игнатовский, А.В.Балицкий, С.М.Некрашевич, П.И.Ильючонок. Издательская политика "Адраджэння" и особенно содержание первого номера одноименного журнала (главный редактор Я.Лёсик) вызвала резкое недовольство руководства КП(б)Б. Независимая позиция журнала в национально-культурной работе, отсутствие реверансов перед властью стали причиной конфискации его тиража и закрытия издательства осенью 1922 г. Стремясь поставить под контроль каналы распространения художественной культуры, ЦБ КП(б)Б осенью 1922 г. приняло решение о создании вместо "Адраджэння" издательского центра "Савецкая Беларусь" и первого марксистского журнала на белорусском языке "Польмя".

Не получила поддержки партийного руководства республики попытка белорусских деятелей культуры (Д.Жилунович, М.Чарот, Я.Нёманский, Я.Купала, А.Александрович, П.Ильючонок, С.Некрашевич, А.Смолич, А.Демидович, Н.Пономарева) создать в ноябре 1922 г. самостоятельную литературную организацию под названием "Вір". Организация, как указывалось в уставе, должна была содействовать принятию белорусскими писателями советской действительности и отражению ее в творчестве⁹. Ввиду того, что учредители-коммунисты Д.Жилунович и М.Чарот не имели официального разрешения партийных органов на создание литературного общества, документы через НКВД и ГПУ были переданы в ЦК КП(б)Б. Секретный отдел ГПУ дополнил материалы дела политическими характеристиками членов-учредителей. Практически все они были охарактеризованы как политически неблагонадежные лица проэсеровской ориентации.

Ликвидация "Адраджэння", неудача в создании первой белорусской литературной организации были составной частью развернувшейся в БССР осенью 1922 г. политической кампании против белорусских эсеров. Кроме того, сказалось и настороженное отношение руководства КП(б)Б ко всяким проявлениям национальной жизни.

Положение постепенно начинает меняться с 1923 г. Симптомом перемен стало специальное обсуждение на VII съезде КП(б)Б (20–26 марта 1923 г.) национального вопроса. Съезд фактически признал право белорусской культуры на нормальное развитие, но только под идеологическим контролем партии и только на советской основе. Догматически настроенному большинству съезда пришлось считаться с большим влиянием национал-коммунистов на общественно-политическую и культурную жизнь республики. Подтверждением этого стало избрание В.М.Игнатовского кандидатом в члены ЦБ КП(б)Б. Помимо этого, стимулом к активизации национально-культурной политики в республике стали конструктивные решения по национальному вопросу, зафиксированные в резолюциях XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.) и IV совещания представителей национальных республик и областей СССР (июль 1923 г.).

Укрепление позиций национально ориентированных коммунистов в руководстве КП(б)Б способствовало усилению национальных тенденций в культурной политике БССР, что в свою очередь нашло отражение в оживлении литературно-художественной жизни республики.

С весны 1923 г. по инициативе ЦБ КСМБ началась подготовительная работа по созданию общественно-политического и литературно-художественного издания для белорусской молодежи. Она завершилась осенью того же года выходом первого номера журнала "Маладняк". В задачу журнала входило воспитание литературной молодежи в пролетарском духе. В определенной мере "Маладняк" представлял собой альтернативу журналу "Полымя", объединявшему писателей старшего поколения.

Стремление к консолидации, наметившееся в среде белорусской литературной молодежи в конце 1922 г., получило поддержку партийно-государственного руководства. В ноябре 1923 г. была создана литературная организация "Маладняк", основателями которой были члены редколлегии одноименного журнала и его авторы М.Чарот, А.Вольный, А.Дудар, А.Александрович, А.Бабареко, Я.Пуца¹. Организационно "Маладняк" входил в состав Инбелкульта на правах секции и через него финансировался СНК БССР из резервного фонда².

Следует отметить, что ЦК КП(б)Б (с 1924 г.) не столько придавал большое значение литературной деятельности "Маладняка", сколько стремился использовать его как социально-культурное течение с большим пропагандистским потенциалом.

По мере развертывания политики белорусизации партийно-государственное руководство БССР стремилось распространить влияние на новые для республики области профессиональной художественной культуры. Кино, изобразительное и музыкальное искусство находились в стадии становления. Ряд объективных и субъективных факторов, среди которых не последнее место занимал финансовый, замедляли темпы развития этих видов художественной культуры, хотя их фундамент благодаря государственной поддержке был заложен уже в первой половине 20-х годов. Так, в 1924 г. при республиканском комиссариате просвещения было создано управление по кинематографии — Белгоскино. С 1925 г. начинается подготовка к съемкам первого белорусского полнометражного художественного фильма.

Крупнейшим мероприятием, которое свидетельствовало о росте внимания государства к изобразительному искусству, стала организованная Наркомпросом Первая всебелорусская художественная выставка. Некоторое оживление намечилось в развитии музыкального искусства.

Итак, первая половина 20-х годов была периодом становления государственной политики в сфере художественной культуры республики. В целом она имела конструктивный характер. Однако наличие у представителей партийно-государственного руководства БССР разных подходов к принципам ее формирования, формам и методам осуществления делало ее крайне противоречивой.

¹ См.: Мушыньскі М.І. // Акадэмік У.М.Ігнатоўскі: Матэрыялы навуковых чытаньняў, прысьвечаных 110-годдзю з дня нараджэньня. Мн., 1993.

² См.: Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи. Мн., 1990; Ігнатоўскі У. Матывы лірыкі беларускага песьняра М.Чарота. Менск, 1922.

³ Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф.4, оп.21, д.23, л.3–4, 217–218; оп.1, д.561, л.19, 37, 43.

⁴ НА РБ. Ф.4, оп.1, д.760, л.8, 9.

⁵ См.: X съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1921.

⁶ См.: Быкин Я. // Звезда. 1922. 9 марта. С.3; Динерштейн // Звезда. 1922. 22 марта. С.5.

⁷ См.: Другая Беларуская Дзяржаўная трупа на правінцыі // Савецкая Беларусь. 1924. 16 лістапада. С.4.

⁸ НА РБ. Ф.42, оп.1, д.91, л.72 об.84.

⁹ НА РБ. Ф.4, оп.1, д.482, л.73, 76.

¹⁰ См.: Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии: Сб. документов. Мн., 1990. С.94.

¹¹ НА РБ. Ф.4, оп.1, д.702, л.140.

¹² Кароткая інфармацыя аб дзейнасці Інбелкульта (люты–сакавік 1926 г.) // Бюлетэнь СНК БССР. 1926. №8. Дадатак.

БЕЛАРУСКАЯ НАРОДНАЯ САМАПОМАЧ (з гісторыі калабарацыянізма на Беларусі)

Гаворачы аб праблеме калабарацыянізму, нельга ўздаць аб Беларускай Народнай Самапомачы (БНС) – першай арганізацыі такога роду на Беларусі – ў перыяд акупацыі (1941–1944).

Афіцыйна яна была створана 22 кастрычніка 1941 г., што пацвярджае зварот генеральнага камісара Беларусі гаўляйтара Вільгельма Кубэ да беларускага народа, у якім абвяшчалася аб стварэнні БНС. У абнародаваным статусе БНС гаварылася, што яна "мае мэту ліквідаваць бяду – бярэмя, выкліканае польскім і камуністычна-жыдоўскім уладарствам, і стварыць беларускаму народу магчымасць лепшага культурнага развіцця".¹ У кампетэнцыю БНС уваходзілі пытанні аховы здароўя і сацыяльнай апекі; яна мела права ствараць інтэрнаты, дзіцячыя сады, клубы, дамы культуры, адкрываць свае прадпрыемствы, займацца выдавецкай дзейнасцю, арганізоўваць лекцыі, канцэрты, тэатральныя пастаноўкі, ствараць свае філіялы ва ўсіх гарадах і населеных пунктах Беларусі. Бюджэт БНС складаўся з членскіх узносаў (уступныя – 30 пфенінгаў), ахвяраванняў, прыбыткаў ад прадпрыемстваў, збораў з лекцый, тэатральных пастацовак і інш. Да БНС перайшла ўся маёмасць, памяшканні, супрацоўнікі Беларускага Чырвонага Крыжа, які быў створаны ў ліпені 1941г., а затым ліквідаваны.

БНС мела наступную структуру: Цэнтральная Рада, акруговыя, раённыя, валасныя аддзелы. Старшынёй Самапомачы па распараджэнню рэйхсміністра акупіраваных усходніх абласцей А.Розенберга быў прызначаны Іван Ермачэнка, упэўнены прыхільнік супрацоўніцтва з Германіяй, які да вайны ўзначальваў Беларускі камітэт у Празе.

Кіраўніцтва БНС дамагалася ад нямецкіх улад змены адносін да беларусаў, прасіла даць ім магчымасць будаваць сваю дзяржаўнасць і сваё войска. Немцы ніякіх абяцанняў не давалі. Гітлераўская вярхушка не збіралася адмаўляцца ад прынцыпаў расавай тэорыі і ісці на якое-небудзь супрацоўніцтва з народамі Савецкага Саюза.

У той жа час В.Кубэ ў мэтах замацавання акупацыйнага рэжыму лічыў неабходным падтрымаць беларускіх нацыяналістаў, якія ў сваёй большасці зрабілі стаўку на Германію. Арганізацыйнай апорай яго намераў стала БНС – адзіная легальная грамадская арганізацыя, якая сканцэнтравала на той момант асноўныя сілы калабарацыяністаў.

Да пачатку 1942г. было ў асноўным скончана фарміраванне апарата БНС на месцах. Нягледзячы на тое, што па статусу мэтамі БНС з'яўляліся толькі сацыяльная апека і ахова здароўя, па ініцыятыве кіраўніцтва Самапомачы пры падтрымцы гаўляйтэра Кубэ яе палнамоцтвы былі пашыраны. Паступова акрэслілася тэндэнцыя змыкання БНС з адміністрацыйным апаратам, членам гэтай арганізацыі сталі даручаць розныя службовыя абавязкі – пачынаючы ад валасных упраў да генеральнага камісарыята ўключна.

Даведаўшыся пра будучы прыезд у Мінск рэйхсміністра акупаваных усходніх абласцей А.Розенберга, кіраўнікі БНС склалі на яго імя спецыяльны даклад, дзе звярталі ўвагу на дыскрымінацыю ў адносінах да беларускага народа. У дакладзе адзначалася, што роль беларусаў у грамадзянскім кіраванні зведзена выключна да пасіўнага выканання распараджэнняў нямецкіх уладаў. Няма беларускай паліцыі, школ з сярэдняй адукацыяй, настаўніцкіх, духоўных семінарыяў. Не існуе палітычных партый, дапушчана толькі існаванне БНС – арганізацыі са сціплай праграмай матэрыяльнай дапамогі. Словам, з беларусамі абыходзяцца не як з вызваленым, а як з пакараным народам.

Асноўныя высновы даклада звяліся да наступнага:

"Для поўнага выкарыстання беларускіх рэсурсаў трэба зацікавіць усіх беларусаў:

а) вынікам вайны з разгромам руска-яўрэйскага бальшавізма; б) стварэннем новага парадку для беларусаў у Беларусі і яе роллю ў Новай Эўропе пад кіраўніцтвам нямецкага народа".

"Для гэтага неабходна, па меркаванні аўтараў дакументу, актывізаваць беларускі народ, уцягнуўшы яго як зацікаўленага ў непасрэдную барацьбу як на ўнутраным, так і знешнім фронце".²

Наўрад ці нараканні беларускіх калабарацыяністаў падзейнічалі на Розенберга, які скептычна адносіўся да беларускага пытання, аднак палітыка адміністрацыі Кубэ з лета 1942г. набыла благапрыемны для іх накірунак. 29 чэрвеня 1942г. Кубэ на ўрачыстым пасяджэнні Беларускай Самапомачы, прысвечаным гадавіне "вызвалення ад бальшавізму", "адгарнуў, – як адзначыў пасля І.Ермачэнка, – новую старонку нашай гісторыі, прызнаўшы БНС сапраўдным прадстаўніком беларускага народа і даўшы яму магчымасць прымаць удзел у кіраванні сваім краем".³

Генеральны камісар назначыў І.Ермачэнку сваім дарадчыкам па беларускіх справах. Акрамя таго, ён даў права прапанаваць яшчэ трох чалавек у аддзелы культуры, школ і прапаганды генеральнага камісарыята. Нямецкія акружныя камісары таксама павінны былі мець дарадчыкаў ад БНС. На гэтым жа пасяджэнні В.Кубэ аб'явіў аб намеры стварыць Беларускаю Самаахову (БСА).

Галоўным камандантам БСА стаў І.Ермачэнка. У яго абавязак уваходзіла агульнае кіраўніцтва Самааховай і яе матэрыяльнае забеспячэнне за лік БНС. Скліканая Ермачэнкам вайсковая камісія прапанавала праект арганізацыі Беларускага корпуса Самааховы ў складзе трох дывізіяў. Аднак немцы гэту прапанову не прынялі, дазволіўшы стварыць у кожным раёне ад роты да батальёна БСА.

Магчымасць мець уласныя ўзброеныя сілы здавалася беларускім калабарацыяністам важным крокам на шляху да канчатковай мэты: "ад народнае самабытнасці, шляхам самапомачы і самааховы, да поўнага самаўраду".⁴ Яны лічылі, што назначэнне Ермачэнка дарадчыкам пры генеральным камісары ёсць "фактычна запачаткаваны народны самаўрад", які ў будучым можа ператварыцца ў паўнамоцны орган улады.

Як паказалі далейшыя падзеі, гэтыя надзеі аказаліся дарэчнымі. Ідэя аўтаноміі Беларусі не знайшла падтрымкі ў нацысцкага кіраўніцтва. Палітыка Кубэ, спрабаваўшага стварыць беларускі калабарацыянізм апорай супраць партызан і польскага падполля, наткнулася на супраціўленне нямецкіх паліцэйскіх улад. Канфлікт гаўляйтэра Беларусі са службай бяспекі (СД) напрамую сказаўся на лёсе БСА і БНС.

Дзеянні паліцэйскага кіраўніцтва, якое было не супраць выкарыстоўваць Самаахову для барацьбы з партызанамі, тлумачыліся нежаданнем падтрымліваць Ермачэнку і стаяўшага за ім Кубэ, да якога рэйхсфюрэр СС Гімлер адчуваў вялікую непрыхільнасць. Акрамя таго, не ўваходзіла ў іх планы стварэнне ў якой бы та ні было форме беларускай дзяржавы. Нарэшце менавіта гэты палітычны матыў аказаўся рашаючым.

Спачатку адбыліся аргывады. У канцы ліпеня 1942г. быў адкліканы з Мінска кіраўнік СС і паліцыі Цэнэр, які, на думку Гімлера, занадта падтрымліваў Кубэ. Яго прыёмнік, В.Шыман, пачаў штучна тармазіць працэс стварэння БСА.

Паколькі акупанты не давяралі беларусам і баяліся ўзбройваць іх фарміраванні, а тым больш даваць ім якія-небудзь палітычныя перспектывы, у процівагу БСА Шыман стаў ствараць беларускія паліцэйскія батальёны пад нямецкім кіраўніцтвам (шутцманшафт). На статус шутцманшафта новы кіраўнік СС і паліцыі стаў пераводзіць атрады Самааховы.

У жніўні 1942г. Ермачэнка быў пазбаўлены пасады Галоўнага каманданта БСА. Хутка немцы распусцілі штаб Самааховы і забаранілі воінскія званні. Замест гэтага Ермачэнку дазволілі мець пры сабе галоўнага рэфэрэнта па справах БСА і акружных рэфэрэнтаў на месцах. Па сутнасці, роля беларусаў зводзілася толькі да вярбоўкі ў Самаахову і яе матэрыяльнага забеспячэння. Рэфэрэнты падпарадкоўваліся як акружным кіраўнікам БНС, так і нямецкім камандантам паліцыі.

Атрады БСА уяўлялі вельмі жаласны від. Асноўная маса салдат насіла звычайную грамадзянскую вопратку, зброю атрымалі нямногія. Не давяраючы беларускім часцям, акупанты імкнуліся ператварыць іх у звычайныя паліцэйскія фарміраванні пад кіраўніцтвам нямецкіх афіцэраў.

Мерапрыемствы паліцэйскіх улад выклікалі рэзкі пратэст беларускіх нацыяналістаў. Асабліва выразна іх незадавальненне вылілася на з'ездзе БНС у лістападзе 1942г., прысвечаным гадавіне яе стварэння.

Кіраўнікі БНС усё больш уваходзілі ў ролю "прадстаўнікоў народа" і не жадалі быць сляпымі выканаўцамі волі акупантаў. Выступленні дэлегатаў паказваюць рост амбіцый вярхушкі БНС. Так, кіраўнік БНС у Баранавічах Тулейка адзначыў, што ў акрузе 8910 членаў арганізацыі і заявіў, што БНС перарасла рамкі дзейнасці, вызначаныя яе статутам. На заўвагу доктара Вэбера, прадстаўляўшага на з'ездзе акупацыйныя ўлады, што задачы Самапомачы застануцца ранейшымі, кіраўнік БНС Навагрудскай акругі Рагуля адказаў, што працаўнікі яго акругі "спадзяваліся, што на гэтым з'ездзе БНС вырашыць прынцыпальныя пытанні ўсёй Беларусі, аднак ён выклікае ўражанне бацькоўскага сходу ў школе". Кажучы пра БСА, ён заўважыў: "Народ згубіў давер да нас. Няма ніякай магчымасці заставацца няўзброенымі. Мы павінны мець свае ўзброеныя сілы, інакш мы ніколі не адновім давер нашага народа".

Кіраўнік БНС Ермачэнка ў сваім выступленні прызнаў, што "арганізацыя Беларускай Самааховы, па прычынам ад нас не залежачым, злёгка затрымліваецца...". Ён падтрымаў прапанову аб пераглядзе статута і паведамліў дэлегатам, што немцы глядзяць на БНС як на арганізацыю, якая ў будучым "возьме ў свае рукі кіраўніцтва беларускімі справамі".⁵

Праблема БНС абмяркоўвалася ў Берліне ў студзені 1943г. Выступаючы ад СД штурмбанфюрэр СС Гуміч выказаў перасцярогу, "ці не можа доктар Ермачэнка са сваёй БНС выдвінуцца ў народныя правадыры і тады ўяўляць небяспечнасць для нас...".⁶ Нягледзячы на тое, што супрацоўнікі грамадзянскай адміністрацыі адзначалі паяльнасць Ермачэнкі ў адносінах да акупантаў, паліцэйскія ўлады пачалі збіраць кампраметуючы матэрыял супраць яго і самога Кубэ.

У пачатку сакавіка 1943г. адбыўся з'езд БНС, на якім быў выпрацаваны мемарандум аб аўтаноміі Беларусі, стварэнні беларускага ўрада і арміі. У мемарандуме падкрэслівалася, што гэты ўрад "аб'явіць адасабленне Беларусі ад Савецкага Саюза і аб'явіць яму вайну як ворагу беларускага народа, які замахваецца на яго незалежнасць", а "для падтрымкі спакою і парадку ў краі і барацьбы з агульным ворагам – бальшавізмам патрабуе стварыць беларускую нацыянальную армію, забяспечыць яе ўзбраеннем і амуніцыяй, дазволіць сабраць нацыянальныя сілы з-за мяжы Беларусі".⁷

Аднак гэтыя ініцыятывы былі халодна сустрэты паліцэйскім кіраўніцтвам. Следства вакол БНС і Ермачэнкі, інспіраванае службай бяспекі, завяршылася абвінавачваннем яго ў фінансавых махінацыях. Зыходзячы с гэтага, ён быў выправаджаны з Мінска ў Прагу. Абвінавачванні супраць Ермачэнкі былі зняты ў наступным годзе, што гаворыць аб палітычнай падаплёцы гэтай справы. Сапраўдныя матывы раскрыў летам 1943г. начальнік мінскай СД Штраўх у дакладнай запісцы Гімперу: "... згаданы вышэй Ермачэнка быў паслухмяным інструментам правядзення беларускай палітыкі генеральным камісарам. Ён (Кубэ) даў яму зразумець, што ён мог бы быць беларускім прэм'ерам. Ермачэнка ішоў да гэтай мэты ўсімі існуючымі у яго распараджэнні сродкамі пры падтрымцы гаўляйтэра. Справа магла зайсці вельмі далёка, улічваючы зробленыя намі ў гэтым накірунку памылкі. Лічу дастатковым, калі адзначу, што я цэлы год затраціў на тое, каб загубіць Ермачэнку...".⁸

У маі 1943г. былі скасаваныя рэферэнты БСА, а сама яна распушчана. Меўшыся фарміраванні Самааховы былі перададзены пад нагляд паліцыі. БНС была перайменавана ў Беларускаю Самапомач (БСП). Дзейнасць яе была абмежавана двума першапачатковымі накірункамі: аховай здароўя і матэрыяльнай дапамогаю насельніцтву.

Падводзячы вынік, можна сцвярджаць, што Беларуская Народная Самапомач, урэшце, як і іншыя калабарацыйніцкія арганізацыі, не аказала прыметнага ўплыву на становішча ў Беларусі ў перыяд акупацыі. БНС, колькасць якой у лепшыя часы не была вышэй за 20 тысяч чалавек, мела прыхільнікаў сярод інтэлігенцыі, але не мела падтрымкі шырокіх народных мас.

Спробы беларускіх калабарацыяністаў рашыць нацыянальныя задачы з дапамогаю акупантаў, роўна як і адыграць колькі-небудзь самастойную ролю, аказаліся марнымі. Лёс Беларусі вызначаўся вынікам барацьбы Савецкага Саюза і нацысцкай Германіі без удзелу якога-небудзь трэцяга боку.

¹ Менская газета. 1941. 28 чэрвеня.

² НА РБ. Ф.4, воп.33а, спр.203, арк.8–10.

³ НА РБ. Ф.908, воп.1, спр.4, арк.76.

⁴ Беларуская газета. 1942. 1 жніўня.

⁵ НА РБ. Ф.384, воп.1, спр.49, арк.1,10.

⁶ Литвин А. Белорусская Краевая Оборона // Неман. 1994, №4, С.180.

⁷ НА РБ. Ф.4, воп.33а, спр.203, арк.7.

⁸ Литвин А. Белорусская Краевая Оборона // Неман. 1994, №4, С.180.

Н.А.ГЛУШАКОВА

КАНЦЭПЦЫЯ ЭКАНАМІЧНАГА АДРАДЖЭННЯ БЕЛАРУСІ ВА ЎЯЎЛЕННІ БЕЛАРУСКАЙ ПАРТЫІ САЦЫЯЛІСТАЎ-РЭВАЛЮЦЫЯНЕРАЎ (1918–1924)

Вясной 1918 г., пасля абвяшчэння БНР, беларускі нацыянальна-вызваленчы рух уступае ў якасна новую стадыю свайго развіцця. Ідэя нацыянальнага адраджэння Беларусі пераносіцца са сферы абстрактных разважанняў у вобласць практычнай рэалізацыі і накіроўваецца на вырашэнне жыццёва важных праблем эканамічнага і нацыянальна-палітычнага характару. Ідзе пакутлівы пошук беларускага шляху.

У гэты складаны час партыя беларускіх эсэраў¹ прапанавала ўласную праграму нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва на Беларусі. Залогам яе паспеху сябры БПС-Р лічылі вырашэнне пытання аб эканамічных асновах развіцця краю. Увогуле, яны адзначалі, што «ахілесавай пятой» беларускага грамадскага руху з'яўляецца адсутнасць абгрунтаванай канцэпцыі эканамічнага адраджэння. Не мелі яе ў той час таксама і самі беларускія сацыялісты-рэвалюцыянеры. Яны пакуль толькі абазначалі асноўныя арыенціры будучага эканамічнага ладу Беларусі.

Улічваючы спецыфіку сацыяльна-эканамічнага развіцця краю і сацыяльнага складу насельніцтва (аграрны край са слаба развітой прамысловасцю), беларускія эсэры вялікую ўвагу надавалі выпрацоўцы перш за ўсё канкрэтнай праграмы рашэння на Беларусі зямельнага пытання. Пры гэтым яны зыходзілі з аграрнай праграмы БСГ і ў асноўным яе паўтарылі.

Аднак нельга сказаць, што гэта было механічнае капіраванне праграмных патрабаванняў свайго палітычнага папярэдніка. Крытычна іх перагледзеўшы, сябры БПС-Р прыйшлі да высновы аб неабходнасці істотнай дапрацоўкі. Так, грамадоўцы прапаноўвалі, каб уся зямля, акрамя лясоў, выганаў і вадзяных абшараў, якія абвяшчаліся агульнакраёвай уласнасцю, перадавалася без выкупу ў карыстанне сялянства. Пасля смерці гаспадара, або з прычыны непрацаздольнасці, атрыманы надзел зямлі пераходзіў у карыстанне бліжэйшых яго супрацоўнікаў. Велічыню надзелу вызначала мясцовая дзяржаўная арганізацыя.

Такая фармулёўка беларускім эсэрам падалася не зусім дакладнай. Патрабавалі далейшага высвятлення, па іх меркаванні, два палажэнні. «Па-першае, якой нормай павінна кіравацца пры ўстанаўленні велічыні надзелу гэтая мясцовая дзяржаўная арганізацыя і, па-другое, якім спосабам індывідуальна-падворная сялянская гаспадарка можа ператварыцца ў калектыўную»².

Зыходзячы з гэтага, а таксама ўлічваючы сялянскія наказы, БПС-Р у сваім першым праграмным дакуменце – брашуры «Чаго дамагаецца Беларуская партыя сацыялістаў-рэвалюцыянераў», выдадзенай у чэрвені 1918 г., прапанавала наступны парадак вырашэння зямельнага пытання.

Прыватная ўласнасць на зямлю адмяняецца. Яна лічыцца агульнанародным скарбам. Ніхто не мае права зямлю прадаваць, купляць і дарыць. Усе будынкі, жывы і мёртвы інвентар застаюцца ва ўласнасці сялян.

Памешчыцкія, манастырскія, удзельныя і іншыя землі канфіскуюцца. З іх ствараецца нацыянальны зямельны фонд, падпарадкаваны Цэнтральнаму Усебеларускаму зямельнаму камітэту, які праз свае губернскія, павятовыя і валасныя зямельныя арганізацыі ажыццяўляе надзяленне зямлёй усіх, хто жадае яе апрацоўваць уласнымі сіламі. Форма карыстання зямлёй уста-наўліваецца самім мясцовым насельніцтвам.

Разам з тым эсэры лічылі неабходным устанавіць нормы карыстання зямлёй – «не ніжэй спажывецкай і не вышэй працоўнай», г.зн., што «кожны грамадзянін мае права браць зямлі не больш, чым можа абрабіць адзін, ці у таварыстве, але не менш неабходнага, каб чалавек з сям'ёй мог пракар-міцца»³.

Зямельныя нетры, лясы, рэкі і азёры абвясчаюцца дзяржаўнай уласна-сцю і пераходзяць у распараджэнне цэнтральнай улады Беларусі. Дзяржава павінна клапаціцца аб усіх, хто атрымаў зямлю, аказваючы ім дапамогу шляхам выдачы інвентару, сям'ян, матэрыялаў для будоўлі, правядзення меліярацыі пустака, балот і інш.

Такім чынам, асноўным шляхам вырашэння аграрнага пытання на Бела-русі белэсэры лічылі сацыялізацыю зямлі.

Патрабаванні БПС-Р у галіне рабочага заканадаўства мелі самы агульны характар, а менавіта: усталяванне 8-гадзіннага працоўнага дня, паляпшэнне абставін працы і г.д.

Палітычныя абставіны для рэалізацыі выказаных патрабаванняў былі надзвычай неспрыяльнымі. У ходзе першай сусветнай вайны тэрыторыя Беларусі была падзелена войскамі Германіі і Расіі на дзве часткі. Вясной 1918 г. пад нямецкай акупацыяй аказаліся заходнія і цэнтральныя раёны рэспублікі. Зразумела, што ў такіх умовах немагчыма было весці гутарку аб эканамічных рэформах.

Савецкая ўлада існавала толькі ва ўсходніх паветах Віцебскай і Магілёў-скай губерняў, але і тут сітуацыя была досыць складанай. У той час у кіраў-ніцтве РКП(б) усё больш замацоўваецца левакамуністычная мадэль сацыя-лізму, якая паступова трансфармуецца ў палітыку «ваеннага камунізму». Галоўнымі задачамі гэтай палітыкі былі: правядзенне харчовай развёрсткі, манаполія хлебнага гандлю, нацыяналізацыя ўсёй прамысловасці, жорсткае размеркаванне харчовых і прамысловых рэсурсаў, усеагульная працоўная павіннасць. Прадпрымалася спроба ўстанавіць прамы прадуктаабмен паміж горадам і вёскай.

У снежні 1918 г., пасля вызвалення Беларусі ад нямецкіх акупантаў, амаль на ўсёй тэрыторыі края разам з усталяваннем савецкай улады зама-цоўваецца і «ваены камунізм».

БПС-Р не магла пагадзіцца з такой палітыкай надзвычайных мер, асаб-ліва ў адносінах да сялянства. У сувязі з гэтым беларускія эсэры выступілі супраць увядзення харчазвёрсткі і камбедаў. Яны патрабавалі ліквідацыі ўсіх «незлічоных рэквізіцый і пабораў», неадкладнага вырашэння зямельнай справы шляхам сацыялізацыі⁴.

Пад канец снежня 1918 г. ЦК РКП(б) прыняў рашэнне аб тэрміновым утвара-рэнні Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Сфарміраваны Часовы рабоча-сялянскі ўрад, на чале з З.Жылуновічам, сваім Маніфэстам ад 1 студзеня 1919 г. абвясціў Беларусь «вольнай і незалежнай». Аднак праіснавала яна нядоўга. Ужо ў сярэдзіне студзеня 1919 г. Віцебская, Магі-лёўская і Смаленская губерні былі далучаны да РСФСР, а 27 лютага на ас-нове Гродзенскай, Мінскай, Віленскай і Ковенскай губерняў абвясцілі Літоўска-Беларускую Савецкую Сацыялістычную Рэспубліку.

Такі падыход да вырашэння праблемы беларускай нацыянальнай дзяр-жаўнасці толькі ўзмацніў антыбальшавіцкія настроі у БПС-Р. Супрацьста-янне прывяло да таго, што белэсэры на савецкай тэрыторыі былі вымушаны перайсці на нелегальнае становішча.

Вясной – летам 1919 г. у выніку наступу польскіх войск былі акупаваны цэнтральныя і заходнія раёны Беларусі. У гэтых умовах БПС-Р ідзе на ча-совае замірэнне са сваімі палітычнымі апанентамі – партыяй бальшавікоў.

У снежні 1919 г. у Смаленску адбылася сустрэча прадстаўнікоў БПС-Р і КП(б)ЛіБ, дзе было выпрацавана пагадненне аб сумесных дзеяннях. Пайшоўшы на яго, сябры партыі, аднак, не адмовіліся ад сваіх папярэдніх патрабаванняў, у тым ліку і эканамічных.

4 сакавіка 1920 г. у Мінску адбыўся надзвычайны з'езд партыі, на якім была прынята новая праграма. Значнае месца ў ёй займала распрацоўка асноў гаспадарчага ладу Беларусі.

У дачыненні да зямельнай справы БПС-Р прытрымлівалася сваіх ранейшых патрабаванняў. Уся зямля, што выкарыстоўваецца пры вядзенні сельскай гаспадаркі, сацыялізуецца, а азёры, рэкі, лясы, балоты, а таксама зямельныя нетры нацыяналізуюцца. Пры гэтым партыя выступіла за стварэнне шырокіх магчымасцей у арганізацыі калектыўнага карыстання зямлёй.⁵

У далейшым белэсэры канкрэтызавалі гэтыя патрабаванні і палічылі неабходным аставіць у падпарадкаванні Працоўнай Рады частку былых памешчыцкіх, манастырскіх, удзельных і іншых зямель з мэтай арганізацыі паказальных «вытворчых народных маёнткаў». Але іх доля не павінна была перавышаць 25 % зямлі, што ўжывалася ў сельскагаспадарчай вытворчасці. Пераход ад індыўідуальнай формы гаспадарання да калектыўнай прызнаваўся магчымым толькі на аснове вольнага кааперывання.

Прапануючы сваю аграрную праграму, беларускія эсэры ўлічвалі спецыфіку гістарычных форм землекарыстання на Беларусі, а менавіта значна меншае распаўсюджванне, у параўнанні з цэнтральнымі расійскімі губернямі, сялянскіх абшчын. Таму, па іх меркаванні, раптоўны пераход да калектыўнай апрацоўкі зямлі быў бы шкодным для справы, так як «сялянства нашае, жывучы праз увесь час сваёй асобнай гаспадаркай, будзе незадаволенна гэтай рэформай і можа пайсці супраць улады у той час, калі ідзе змаганне на фронце»⁶.

Адзначым, што партыя адстойвала ідэю шырокага развіцця кааперацыі, вытворчай і спажывецкай, сялянскай і рабочай, разглядаючы яе як альтэрнатыву прыватнай прамысловасці і гандлю. У якасці выключэння белэсэры дэпскалі магчымасць часовай нацыяналізацыі буйнай прамысловасці ў пераходны момант, з удзелам у кіраванні вытворчымі аб'яднаннямі. Уся ж астатняя прамысловасць і гандаль павінны былі кааперывацца. Прыватныя банкі прапанавалася нацыяналізаваць і ўтварыць адзіны народны банк.

БПС-Р прапанавала стварыць адзінае цэнтральнае спажывецкае і вытворчае аб'яднанне (Раду Народнай Гаспадаркі) з прадстаўнікоў кааперацыі, рабочых арганізацый і адпаведных органаў дзяржаўнай улады. Яно павінна было займацца наступнымі пытаннямі: рэгуляваць вытворчасць і спажыванне ў краі, арганізоўваць паказальныя сялянскія гаспадаркі, распрацоўку зямельных няўдобиц, нетраў, эксплуатацыю лясных і водных скарбаў, а таксама ўстанаўліваць цвёрдыя цэны на прадукты масавага спажывання, рэгуляваць экспарт і імпорт.

У працоўным заканадаўстве белэсэры лічылі неабходным абмежаваць фізічную працу 42 гадзінамі ў тыдзень, а разумовую – 36 гадзінамі, з безрапрынным 42-гадзінным адпачынкам у тыдзень і месячным – на працягу года; садзейнічаць паляпшэнню ўмоў працы: забараніць звышурочную працу, а таксама працу ноччу (з 8 гадзін вечара да 8 гадзін раніцы), выкарыстанне працы дзяцей да 16 год і абмежаваць працу моладзі (16–18 гадоў) да 6 гадзін у дзень; забяспечыць дзяржаўнае страхаванне ўсіх работнікаў на выпадак іх калецтва, старасці, няздольнасці да працы і беспрацоўя і г.д.

Вясной–летам 1920 г. усходнія і цэнтральныя беларускія землі былі вызвалены ад польскай акупацыі. У гэтых абставінах у другой палове ліпеня кіраўніцтва КП(б)ЛіБ, БПС-Р, БКА⁸ і Бунда стварыла спецыяльную камісію з мэтай распрацоўкі ўмоў сумеснай працы па аднаўленню савецкай улады на Беларусі. На яе пасяджэннях сябры БПС-Р (Я.Мамонька, Я.Белькевіч, П.Берднік, М.Пашковіч) выступілі з уласнай праграмай нацыянальнага адраджэння, значнае месца ў якой займалі эканамічныя пытанні.

Зыходзячы з таго, што беларускія землі шмат пацярпелі за гады першай сусветнай і грамадзянскай войнаў, белэсэры прапанавалі прыняць рашучыя меры па аднаўленню зруйнаванай прамысловасці і гаспадаркі. Дзеля гэтага

Беларусь павінна стаць самастойнай эканамічнай адзінкай з цэнтрам у Мінску. Прапанавалася, перш за ўсё, устанавіць кантроль і ўлік вывозімай з рэспублікі сыравіны; арганізаваць самастойны, без пасрэднага, гандаль з замежнымі дзяржавамі; стварыць спрыяльныя ўмовы для свабоднага, без усялякага нажыму адкуль бы то ні было, развіцця кааперацыі, як сельскагаспадарчай, так і спажывецкай. Эсэры патрабавалі таксама ад дзяржаў, што ваявалі на тэрыторыі краю, абавязковай выплаты кампенсацыі за нанесеныя народнай гаспадарцы страты⁹.

Большавікі не пагадзіліся з такой пазіцыяй, і 31 ліпеня 1920 г. БПС-Р адмовілася падпісаць «Дэкларацыю аб незалежнасці Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі». З гэтага моманту пачалося жорсткае супрацьстаянне двух палітычных партый. Яно праяўлялася галоўным чынам у пытаннях, звязаных з характарам улады, суверэнітэтам БССР і пашырэннем тэрыторыі рэспублікі да этнаграфічных межаў. БПС-Р энэргічна адстойвала сваё права на легальнае існаванне ў якасці палітычнай апазіцыі.

У сакавіку 1921 г. кардынальным чынам мяняецца эканамічны курс РКП(б). На змену палітыкі «ваеннага камунізму» прыходзіць новая эканамічная палітыка (нэп). Харчовая развёрстка змяняецца харчовым падаткам, уводзіцца свабодны гандаль, адбываецца дэнацыяналізацыя дробных і сярэдніх прамысловых прадпрыемстваў, усталёўваюцца свабода выбару форм гаспадарання, кааперацыя, рыначныя адносіны паміж горадам і вёскай.

Гэтыя крокі савецкай улады не знаходзяць разумення ў лідэраў БПС-Р, для якіх нэп азначаў перш за ўсё спробу рэстаўрацыі капіталізму. «...Большавікі сёння будуць тое, што ўчора самі руйнавалі. Яны адмаўляюцца ад сваёй нацыяналізатарскай дзейнасці і ўстанаўляюць парадкі прыватных капіталістычных адносін, будуць замест камуністычнай, звычайную буржуазна-капіталістычную, мілітарыстычную, цэнтральна-бюракратычную дзяржаву», – адзначаў Т.Грыб на сходзе Загранічнай групы БПС-Р¹⁰.

Аналізуючы эканамічную сітуацыю на Беларусі, белэсэры папярэджвалі аб яе катастрафічным стане. Ва ўмовах, калі фабрычна-заводская прамысловасць краю амаль нічога не вырабляла, а пакупная здольнасць рубля была занадта нізкай, не магло існаваць сапраўднага тавараабмену паміж горадам і вёскай. Таму, каб забяспечыць магчымасць найбольш хуткага эканамічнага аднаўлення Беларусі, БПС-Р прапаноўвала часова вызваліць край ад харчовых падаткаў.

Акрамя таго, сябры партыі крытыкавалі недахопы нэпаўскай сістэмы падаткаабкладання, а таксама недакладнасць падзелу сялянства на заможных сялян, сярэднякоў і беднякоў¹¹.

У красавіку 1921 г. лідэры БПС-Р апублікавалі ўласны варыянт Канстытуцыі. Згодна з ім, Беларусь абвешчалася незалежнай сацыялістычнай рэспублікай, асноўнай мэтай якой прызнавалася ўстанаўленне моцнай дыктатуры працоўнага народа, аб'яднанага ў свабодна выбраныя рады, знішчэнне сацыяльнага і нацыянальнага ўціску, эксплуатацыі чалавека чалавекам.

Што датычыцца эканамічных патрабаванняў, змешчаных у тэксце Канстытуцыі, то яны не выходзілі за межы праграмы партыі, прынятай у 1920 г.¹² Па-ранейшаму беларускія эсэры выступілі абаронцамі інтарэсаў сялянства. Адстойваючы ў цэлым шырокае развіццё кааперацыі, яны звярнулі ўвагу на неабходнасць захавання самастойнай сялянскай гаспадаркі. Сацыялізацыя зямлі назаўсёды засталася асноўным праграмным патрабаваннем БПС-Р. У апошнія гады свайго існавання партыя эсэраў перажывала палітычны крызіс. Група сяброў на чале з А.Трафімавым і М.Маркевічам пайшла на збліжэнне з КП(б)Б і ўключылася ў нацыянальна-дзяржаўнае і культурнае будаўніцтва ў рэспубліцы. Другая ж частка партыі на чале з такімі лідэрамі, як Т.Грыб, П.Бадунова, Я.Мамонька, застаючыся ў апазіцыі да савецкай улады, вымушана была пакінуць межы БССР. Раскол партыйных радоў у рэшце рэшт прывёў да абвешчэння самароспуску БПС-Р у чэрвені 1924 г.

Такім чынам, аб'ектыўныя і суб'ектыўныя абставіны не дазволілі беларускім сацыялістам-рэвалюцыянерам выканаць сваю эканамічную праграму і ўсталюваць такі сацыяльна-эканамічны лад на Беларусі, які найбольш адпавядаў бы іх уяўленням аб нацыянальнай дзяржаўнасці.

¹ Беларуская партыя сацыялістаў-рэвалюцыянераў (БПС-Р) узнікла ў маі 1918 г. у выніку раскола Беларускай Сацыялістычнай Грамады. Кіруючае ядро партыі склалі: Т.Грыб, П.Бадунова, Я.Мамонька і інш. Выступала за ўтварэнне незалежнай беларускай дзяржавы ў этнаграфічных межах, устанавленне дыктатуры працоўнага народа.

² Гл.: Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (у далейшым НАРБ). Ф.242, воп.1, спр.22, арк.1.

³ Небарака Антон (Т.Грыб). Прамовы бунтаўшчыка // Грамадзянін. 1919. 18 сакавіка. С.2.

⁴ Гл.: Змаганне. 1920. 10 снежня. С.2.

⁵ Гл.: Праграмныя дакументы палітычных партый: Вучэбны дапаможнік. Мн., 1994. С.13–14.

⁶ Мамонька Я. На ўзломе // Спадчына. 1995. № 4. С.132.

⁷ Гл.: Праграмныя дакументы палітычных партый. С.14–15.

⁸ Беларуская Камуністычная Арганізацыя (БКА) – арганізацыя камуністычнага кірунку. Дзейнічала з 1 студзеня да жніўня 1920 г. Узначальвалі У.Ігнатоўскі, А.Сташэўскі, І.Каранеўскі.

⁹ НАРБ. Ф.325, воп.1, спр.556, арк.91–93.

¹⁰ Грыб Т. Усебеларускі з'езд Саветаў і чарговыя заданні БПС-Р // НАРБ. Ф.325, воп.1, спр.56, арк.144.

¹¹ Там жа. Арк. 147–151.

¹² Там жа. Арк. 65–69.

Г.В.ГУСАКОВА

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ШОТЛАНДИИ

Этнические процессы весьма разнообразны и зависят от огромного количества различных условий и факторов. Именно факторы, влияющие на развитие процессов эволюции и формирования этносов, и предполагается рассмотреть в данной работе на примере кельтских народов Великобритании.

На сегодняшний день в Соединенном Королевстве проживают несколько крупных кельтских народов: ирландцы, шотландцы и уэльсцы. Этническая история этих народов довольно интересна: многочисленные контакты и взаимовлияния, долгая борьба кельтов с завоевателями, почти полная ассимиляция и новое возрождение. Здесь можно проследить почти все возможные этапы развития и формирования этноса. К сожалению, в литературе этнической истории этих народов почти не уделено никакого внимания, тем не менее нам представляется интересным изучение этнических процессов внутри кельтских народов Великобритании, в частности Шотландии, и факторов, влияющих на их развитие.

Шотландцы – самый крупный кельтский этнос Великобритании. В сущности, в Шотландии исторически сложилось два народа: сохранившие свой язык хайлендеры западной горной Шотландии и перешедшие на северный диалект английского языка лоулендеры – равнинные шотландцы. Это обусловлено историей развития этих земель, географическим положением и экономикой кельтских народов Шотландии.

Этническую основу современного шотландского этноса составили кельтские народы, переселившиеся сюда из Европы в середине I тысячелетия до н.э. На протяжении многих веков в формировании шотландцев участвовали и другие этносы, что привело к потере многих черт кельтской культуры, кельтского языка. Лоулендеры, равнинные шотландцы, разговаривают на диалекте английского языка, но сохраняют свое национальное самосознание, многие культурные традиции.

Следует отметить и другую часть населения Шотландии – гэлов или, как их называют англичане, хайлендеров. Хайлендеры, т.е. "горцы", до сих пор сохраняют свой язык и многие черты древней кельтской цивилизации, имевшей большое значение для развития всей Европы.

Хотя начало этнической истории у обеих групп было общим, основанным на кельтском происхождении, в ходе исторического развития они были разобщены, отдалены друг от друга и по языку, и по культуре.

Причина подобной ситуации лежит как в сложной географии Шотландии, так и в ее истории. По рельефу Шотландия делится на три области: Шотландское нагорье на северо-западе (Хайленд), Южно-Шотландскую холмистую возвышенность на юге (Лоуленд) и большую долину Мидленд между ними. Высокие, труднопроходимые Грамплянские горы разделяют Хайленд

и Лоуленд. Население этих неплодородных земель всегда жило маленькими изолированными общинами.

Южно-Шотландская возвышенность – небольшие холмы, горы и вересковые долины. Мидленд, долина между горными районами, – наиболее плодородная и удобная для проживания территория Шотландии. Здесь сконцентрированы и основные природные ископаемые страны. Кроме того, Шотландия обладает 787 островами, однако обитаемых меньше половины. Наиболее крупными являются три группы островов: Гебридские, Оркнейские и Шетландские. География Шотландии является одним из решающих факторов формирования шотландского этноса.

Огромную роль в развитии шотландцев сыграл исторический фактор. Первые поселения, основанные приблизительно в 2000–1500 гг. до н.э., не поддаются этническому определению. Более поздние, приблизительно IV в. до н.э., относятся археологами к кельтской культуре. Эта первая волна кельтских колонистов, относившаяся к бриттской ветви кельтских языков, обосновалась на восточном и западном побережье Шотландии, проникнув далеко на север и захватив некоторые острова¹. За первой волной кельтских переселенцев последовала другая, и к началу римского завоевания (43 г. н.э.) большинство населения Шотландии было кельтским. С этих пор историю народов Британии можно изучать, используя римские письменные источники.

Одна из первых карт Британии была составлена Птолемеем во II в.н.э. Север страны тогда населяли кельтские племена каледониев (*caledonii*), вакомагов (*vacomagi*), тезалиев (*taezali*) и вениконов (*venicone*). В IV в. Аммиан Марцеллин упоминает уже только два племени. Возможно, небольшие племена объединились в более крупные этносоциальные объединения – союзы племен, послужившие еще одной ступенью в формировании шотландского этноса.

Для ученых остается загадкой древний народ – пикты, населявший север Шотландии, возможно, еще до кельтов. Высказывалось мнение, что пикты – потомки древнейшего иберийского населения Британии, некоторые считали пиктов переселенцами-скифами, другие говорили о них как о "доисторических арктических народах Северной Европы"².

Большинство авторов высказывает предположение, что пиктами римляне называли мощный племенной союз, имевший кельтскую основу и некоторые более древние компоненты³.

В этот период географический фактор (островное положение и рельеф) вновь сыграл важнейшую роль в истории этноса: римляне подчинили своему влиянию лишь южную часть Шотландии. Горные племена не только не подчинились римлянам, но и представляли постоянную угрозу для завоевателей. Свободолюбивый, независимый национальный характер – весьма значительный фактор этнического развития шотландцев. Для защиты своих рубежей римляне построили два оборонительных вала – Антониев и Адрианов, которые с тех пор разделяют остров на две части и отделяют Англию от Шотландии.

В течение всего римского периода и позже северные области Шотландии постоянно поддерживали тесные связи с Ирландией. Сильные племена скоттов, давших свое название Шотландии, переселились сюда из Ирландии в течение IV–VI вв. н. э.

В 410 г. римляне были вынуждены отвести свои войска с Британских островов. На протяжении нескольких последующих веков этническая ситуация на островах оставалась достаточно стабильной. Север Шотландии, до Антониева вала, а также Гебридские, Оркнейские и Шетландские острова оставались заселенными племенами пиктов, на западе Шотландии основали первое кельтское государство Далриаду племена скоттов (*scots*), переселившиеся сюда из Северной Ирландии. Южнее скоттов жили бритты, потомки первых кельтских переселенцев. Они основали свое королевство Стратклайд, занимавшее территорию почти всей Южной Шотландии и большую часть Уэльса.

Ситуация стала постепенно изменяться с началом переселения на острова в V в. германских племен. Если юго-восточная часть Британии довольно быс-

тро была заселена англами и саксами, смешавшимися с местным кельтским населением, а в Лоуленде было основано сильное королевство Нортумбрия, то продвижение германских племен на север было остановлено пиктами. Англи и юты постепенно оттесняли бриттов на север и к западу, и в VII в. королевство Стратклайд было разделено территорией, заселенной германскими племенами. Географический и исторический факторы сыграли здесь решающую роль. Бритты Уэльса утратили всякую связь с бриттами Шотландии и впоследствии развивались самостоятельно⁴.

Немалую роль в этногенезе шотландцев сыграли скандинавские племена – даны и норвежцы, которые на протяжении многих лет совершали набеги на Британские острова и наконец захватили восточное побережье, самую северную часть Шотландии, Шетландские и Гебридские острова (IX в.). Они оставили память о себе в топонимике, некоторых чертах материальной и духовной культуры, антропологическом типе местного населения⁵.

Важным фактором, имевшим большое влияние на ход этнической истории Шотландии, было распространение христианства. В первое время процесс христианизации двух основных областей страны – севера и юга – существенно различался. Бритты, англи и отчасти южные пикты были обращены в христианство миссионерами римской католической церкви, христианизация северных пиктов и скоттов осуществлялась миссионерами ирландской церкви, которая была основана около середины V в. и из-за отдаленности от Рима развивалась обособленно. Эти отличия, естественно, влияли на взаимоотношения соседних племен, ограничивая контакты исповедовавших разную религию народов. Лишь постепенно Рим преодолел расхождения между двумя церквями⁶.

Развитие экономических и политических связей, а также постоянная угроза с юга привели к тому, что постепенно, в IX–XI вв., государства Далриада, Стратклайд и Нортумбрия объединились в единое сильное государство Шотландию (Scotland), названную так по имени кельтских племен скоттов. Территория средневековой Шотландии занимала почти всю северную часть современной Великобритании. Все дальнейшие этнические процессы протекали внутри нового государства.

Экономический, географический и политический факторы позволили Шотландии избежать нормандского завоевания 1066 г. Однако нормандское нашествие оказало некоторое влияние на этническую ситуацию внутри северного государства. На юге Шотландии появились многочисленные англосаксонские беженцы, они селились рядом с местным населением в южных областях нового государства, оказывая на него сильное этническое влияние.

Новая англо-нормандская Англия признала силу и независимость Шотландии. Завязывались политические отношения, развивались торговые связи. Естественно, это также влияло на языковую и культурную ситуацию, особенно в южных районах Шотландии. Англи и саксы шотландского юга, постоянно поддерживавшие и развивавшие взаимоотношения с северными соседями, говорили на северном диалекте англосаксонского языка, а северные шотландцы продолжали разговаривать на гэльском языке – языке кельтского народа скоттов. Продолжали развиваться тесные связи между правящими классами соседних земель. Шотландские короли давали земли феодалам, знать часто вступала в смешанные браки.

Центром новых смешанных поселений стала равнина Мидленд. На этой удобной для жизни, плодородной территории стали появляться первые города – бурги (burgh). Именно здесь из потомков древних кельтских и германских племен – англов, саксов и ютов – в рамках единого государства шло формирование шотландской народности. Однако в XIII в. этнического единства на юге страны еще не создалось. Не было, например, единого языка: речь аристократов была французской; официальным языком администрации, а также языком населения городов-бургов, отчасти и сельских жителей юго-восточных и центральных районов страны был англосакский (один из северогерманских диалектов); на западе значительная часть сельского населения была все еще гэлоязычной⁷.

Этническая ситуация средневекового Хайленда коренным образом отличалась от ситуации в других районах Шотландии. Труднопроходимые горы, небольшие неплодородные долины и скалы являлись серьезным препятствием для переселенцев с юга, поэтому здесь сохранилось древнее кельтское население со своим языком и культурой.

Важным фактором образования современной шотландской народности были взаимоотношения Шотландии и Англии. Начиная с образования северного государства, Англия предпринимала попытки его захвата. С 1296 г. – первой победы англичан над шотландцами – и до 1707 – года подписания совместной Унии, два государства с переменным успехом вели постоянные войны. Военные наступления англичан всегда встречали яростное сопротивление не только шотландской армии, но и местного населения.

Национальная борьба всегда выступала важнейшим фактором сплочения народа, укрепления его национального самосознания, чувства патриотизма, традиций, языка и культуры. Об этом свидетельствует один из документов того периода (1320 г.): "Пока нас не останется меньше сотни, мы никогда, ни при каких условиях не подчинимся господству англичан; мы боремся не ради славы, богатства или чести, а только ради свободы, которую ни один настоящий человек не отдаст, кроме как со своей жизнью"⁸. Считается, что в борьбе за независимость был завершён процесс формирования на территории южной Шотландии шотландской этнической общности.

В этот же период окончательно сложился шотландский язык, который с середины XIV в. стал государственным языком Шотландского королевства. Формирование шотландского языка происходило обособленно от складывавшегося в то же время английского литературного языка. Основой для шотландского языка послужил один из северных англосакских диалектов, включивший в себя много слов из вытесненного им гэльского языка⁹.

Англия неоднократно повторяла попытки подчинения северной части острова Британия, используя для этого самые разнообразные методы. В этих целях активно использовался такой важный фактор, как религия. Постепенно, опираясь в основном на торговую буржуазию Лоуленда и Мидленда, английское духовенство начало распространять в Шотландии протестантизм. В 1560 г. шотландский парламент признал пресвитерианство государственной религией Шотландии. Это событие, во-первых, повлияло на дальнейшее этническое сближение шотландцев, принявших протестантизм, с англичанами; во-вторых, усугубило различия между шотландцами и гэлами, сохранившими католическую веру.

Англия и Шотландия независимо друг от друга проводили колониальную политику. Их интересы сталкивались неоднократно. Под влиянием английского короля шотландцы были вынуждены оставить свою колонию в Канаде; кроме того, англичане всячески противостояли развитию торговых отношений Шотландии в Африке и Индии. Все это обостряло антагонизм между двумя соседними государствами.

Для подчинения Шотландии англичане не исключали и династические методы. Так, в результате династического наследства, после казни шотландской королевы Марии Стюарт и смерти английской королевы Елизаветы, шотландский король Яков VI Стюарт стал королем английским, номинально объединив оба государства под одной короной. Тем не менее оба государства продолжали управляться отдельными парламентами, сохранялись собственные законы, торговые связи. Лишь в 1707 г. Шотландия полностью утратила свою независимость, подписав Унию, объединившую обе страны в единое государство – Великобританию. Шотландский парламент был распущен, государственным языком был объявлен английский, были введены единые налоги, деньги, меры длин и весов. Тем не менее в Шотландии сохранились своя система образования, суд и некоторые внутренние законы.

Объединение государств имело огромное значение для формирования современного шотландского этноса. Население Шотландии сразу выступило против Унии 1707 г., вспыхивали стихийные бунты. Однако национальное движение как формирующий этнический фактор, с одной стороны, вызывает сплочение народов в их противостоянии захватчикам, что, с другой стороны,

вызывает ответные репрессивные меры, направленные на уничтожение национальных признаков. Так, шотландские восстания первой половины XVIII в., особенно восстания гэлов как основной силы шотландцев, вызвали определенные меры английского парламента. В 1747 г. был принят акт, отменивший все кельтские традиции гэлов, запрещено деление на кланы, ношение традиционной одежды, исполнение народных песен и танцев, игра на волынке. Англичане стали настойчиво проводить политику вытеснения гэльского языка.

Рассматривая причины, повлиявшие на современную этническую ситуацию гэлов, нельзя не отметить важную роль, которую сыграл экономический фактор, в частности такое явление, присущее экономике Англии, как огораживания. Крупные собственники земли различными способами сгоняли мелких фермеров с их земель, расширяя свои пастбища для овец. Так, с 1771 по 1806 г. в результате огораживаний около 30 тыс. фермеров-гэлов были выселены со своих земель, что вызвало массовую эмиграцию горцев в Канаду и Америку¹⁰. Численность населения Хайленда неуклонно сокращалась.

В Шотландии XVIII–XIX вв. выделяются три тенденции этнических процессов, сложившиеся под влиянием различных факторов и сохранившиеся в наши дни: 1) англизация всех аспектов шотландской жизни, которая все более усиливается с прогрессом экономики, с укреплением экономических связей с Англией; 2) усиление противостояния насильственной ассимиляции среди шотландцев, их стремление сохранить свою самобытность, свои этнические отличия от англичан; 3) постепенная консолидация двух отдельных этносов – шотландцев и гэлов – в единый народ¹¹.

Расширение экономических отношений между Англией и Шотландией, развитие промышленности и торговли Шотландии, промышленный переворот, затронувший всю Великобританию, явились решающим фактором для ассимиляции шотландцев. Особенно наглядно процесс англизации проявился в среде высшей шотландской аристократии и буржуазии. Зажиточные шотландцы переселялись в Англию, покупали там недвижимость, посылали своих детей в английские колледжи и университеты, стремились к заключению смешанных браков. Ассимиляция в первую очередь отразилась на языке. Если еще в XVIII в. большая часть шотландцев говорила на шотландском языке, то к концу XIX в. разговорным языком Шотландии стал северный диалект английского. Естественно, ассимиляция не могла не затронуть сферы традиционной культуры.

Однако длительное самостоятельное развитие оставило свой след в национальном самосознании большинства шотландцев. В своем кельтском происхождении они видели основное отличие от англичан, стремились сохранить свою самобытность, противопоставляя англизации ценности древней кельтской культуры, сохраненные гэлами Хайленда. Уже в XIX в. многие черты культуры гэлов стали рассматриваться как общешотландские, особенно это коснулось одежды (клетчатых юбки и пледа), песен и танцев, игр. В Шотландии было номинально восстановлено деление на кланы, открывались гэлоязычные школы и церкви.

Изменилось социальное положение самих гэлов, которые исторически представляли, по сути дела, самостоятельную этническую общность, отличную от шотландцев языком, традициями, культурой. С развитием промышленности географический фактор перестал играть значимую роль. В горах прокладывались железнодорожные пути, строились шоссевые дороги. В ранее труднодоступных горных районах северо-запада стали развиваться торговля, промышленные разработки полезных ископаемых, предпринимались попытки создать хлопчатобумажную промышленность. Воздействие экономического фактора сказалось на увеличении миграции горцев в промышленные города Шотландии, что приводило к смешению гэлов и шотландцев и в то же время к резкому уменьшению населения Хайленда.

Постепенный процесс консолидации двух этнических форм в единый народ – шотландцев, осуществлялся на основе активного воздействия важнейшего фактора – взаимовоздействия двух народов. Если гэлы перенимали многие черты жизненного уклада, языка, некоторых традиций жителей промышленных районов Шотландии, то и шотландцы постепенно усваивали некоторые особенности культуры и обычаев уроженцев Хайленда.

В настоящее время на территории Шотландии, по-существу, сложился единый этнос – шотландцы. Однако на северо-западе, в трех районах, продолжают обитать и гэлы, сохранившие свои основные черты. Первая область проживания гэлов – восток Хайленда. Однако язык здесь почти не сохранился, постепенно он вытесняется английским. Вторая – западное побережье и Внутренние Гебриды. Третья – Внешние Гебриды. Большинство населения здесь говорит по-гэльски, сохраняет большинство культурных черт древних кельтов Шотландии. Тем не менее, несмотря на языковые различия, усугубляющиеся географическим, а отчасти и этнографическим разделением жителей отдельных областей Шотландии, все шотландцы считают себя единой нацией¹².

Для развития современной этнической ситуации в Шотландии имеет огромное значение и такой фактор, как национальное возрождение. Шотландцы, несмотря на многие общие с англичанами черты, сохранили сильное национальное самосознание. Они стремятся к возрождению кельтских традиций, языка и культуры, существует тенденция к возрождению родного языка. Под влиянием роста национального движения в школах и университетах усилилось внимание к изучению шотландского языка, литературы, истории. Гэльский, чтобы сохранить этот древний язык, изучают как специальный предмет.

Сегодня шотландцы стремятся не только к культурному, но и к политическому возрождению. Из 625 депутатов палаты общин лишь 71 представлял Шотландию, а в палате лордов это соотношение было еще меньше – 847 к 16. Естественно, такая расстановка сил не могла удовлетворять шотландцев, численность которых достигает 5,5 млн. Отчетливо выявились две тенденции развития национального движения: полное отделение Шотландии от Англии или установление ее автономии в рамках Великобритании. Длительная борьба привела к тому, что в сентябре 1997 г. английский парламент вынужден был признать право Шотландии на самоуправление и вынести решение о восстановлении шотландского парламента через 290 лет после его роспуска. Кроме того, идет борьба за сохранение национальных особенностей в образовании и искусстве. Шотландцы сохраняют свою пресвитерианскую церковь, а в северных районах самостоятельную гэльскую церковь, в чем видят еще одно важное отличие от англичан.

Современная жизнь шотландцев развивается по тем же принципам, что и у большинства европейских народов. Происходит модернизация быта, нивелировка некоторых национальных культурных черт. Но в Шотландии продолжают сохраняться национальные традиции в одежде, пище, жилище, а особенно в семейной и общественной жизни.

Таким образом, шотландцы в настоящее время представляют собой самостоятельный этнос, не относящийся к английскому. Они стойко сохраняют национальное самосознание и не поддаются английской ассимиляции, возрождая свои традиции и культуру.

¹ См.: Child G. Prehistory Scotland. London, 1935. P.266.

² The problem of the pict, London, 1960. P.22.

³ См.: Chadwick N. Celtic Britain. London, 1964; Henderson Y. The pict, London, 1971.

⁴ Dickinson W. Scotland from the earliest times to 1603. London, 1961. PP.23–24.

⁵ См.: Гроздова И. Н. // Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М., 1970. С.154.

⁶ См.: Гроздова И. Н. // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981. С.18.

⁷ Brown P. A short history of Scotland. Edinburgh, 1910. P.44.

⁸ Hayfield J. Tartan tapestry. Glasgow, 1960. P.66.

⁹ Гроздова И. Н. // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981. С.18.

¹⁰ Modern Scotland. London, 1963. P.6.

¹¹ Гроздова И. Н. // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981. С.20.

¹² Гроздова И. Н. // Этнические процессы в странах зарубежной Европы. М. 1970. С.152.

А.В.ФИЛИППОВИЧ

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

Гегель является ключевой фигурой на пути к современным типам философии, потому что он исчерпал возможности метафизики Нового времени и показал несостоятельность антропологических концепций субъекта картезианско-кантианского типа. Стремясь довести до предела внутреннюю логику метафизического субъекта, Гегель прежде всего критикует идею субъекта как самостоятельной сущности, сохраняющей самотождественность и идеальность по отношению к отличному от него содержанию. С одной стороны, данный подход призван расширить полномочия субъекта, устранив четкую границу между последним и его содержанием. В результате, субъект проникает в содержание в качестве его органичной структуры, и тем самым обретает дополнительный контроль над предикатом. С другой стороны, субъект теряет в этом процессе устойчивость и стабильность, которые позволяли ему сохранять метастатус по отношению к любому содержанию и тем самым оставаться источником свободной спонтанной активности.

Гегель отнюдь не случайно проводит анализ субъекта на примере структуры предложения. Метафизика с момента ее возникновения находилась в скрытой зависимости от структур обыденного языка, который служил источником спекулятивных конструкций, оставаясь при этом в тени. На первый взгляд, гегелевский анализ "спекулятивного предложения" целиком укладывается в привычные рамки отношения к языку в философии Нового времени. Тем не менее стандартный набор метафизических категорий, используемых Гегелем, создает совершенно новое понимание роли субъекта, которое намечает принципы современной философии.

Критикуя "резонерство", с помощью которого обобщаются основные характеристики картезианства и кантианства, где субъект рассматривается в качестве неподвижной субстанции, внешней по отношению к предметному содержанию, Гегель тем самым наносит значительный удар по идее свободного субъекта Нового времени. Трансцендентальный психологизм кантовского типа, против которого направлена критика Гегеля, основан на идее "вещи в себе", которая ограничивает познавательную деятельность и конституирует сознание в виде самодостаточной субстанции. Подобная трактовка репрезентирует классическую схему метафизического гносеологизма – субъект взаимодействует с объектом, получая в результате его неадекватный и приблизительный образ. Кантовское ограничение познавательных способностей вполне очевидно диктуется стремлением подвести основу под идею свободно действующего этического субъекта. Кантовская ноуменальная свобода на деле способствует не развитию этики и морали, а является оправданием и теоретической базой идеологии Просвещения и развивающегося капитализма. Именно эта идея является ключевой для понимания того, почему наполненная явными противоречиями кан-

товская философия не ушла в прошлое с появлением работ Гегеля и впоследствии послужила основой для мощного антигегельянского движения под лозунгом "назад к Канту!".

Однако метафизика стремится сохранить субъект в качестве изолированной идеальной точки, которая обладает вневременным статусом и, в силу этого, способна сохранять неизменную однозначную логическую структуру. Таков субъект у Канта, Фихте и Шеллинга. Подобное стремление к чистоте субъекта приводит в то же время к обратному результату: субъект в качестве изолированной сущности обретает антропологические характеристики индивидуального "Я", которое не может служить основой идеальности логической структуры метафизических категорий. Таким образом, ключевая категория метафизики – понятие субъективности – не соответствует ее притязаниям на строгую идеальность и логичность. Психологизм и интуитивизм догегелевской трансцендентальной философии, которая, на первый взгляд, направлена на предельную интериоризацию субъекта и обоснование его свободной спонтанной активности, формируют неустраиваемые противоречия в основаниях метафизики.

Именно поэтому одной из задач гегелевской философии является последовательное проведение принципов метафизики и создание полноценной неантропологической концепции субъекта. Тем самым сохраняется и основная идеологическая предпосылка капиталистической эпохи – свободный субъект, способный полностью контролировать себя в актах самосознания и осуществлять творческую деятельность. Последовательное осуществление догегелевски принципов метафизики приводит, на первый взгляд, к абсолютному освобождению субъекта и подавлению им любой предметности и любого иного. Такова точка зрения некоторых критиков Гегеля, которые обвиняют его в идеализме.

Действительно, с одной стороны, Гегель доводит до предела субъективистские принципы метафизики, которая более не страдает от ограничений кантовского типа или антропологических черт фихтеанства и шеллингианства. В то же время стремление к изоляции субъекта ориентировано на защиту его от любых вторжений или влияний предметности, способных действительно ограничить субъект, подорвать его идеальность и поставить под вопрос возможность его свободы. Таковы очевидные интенции кантовской философии, которая готова ограничить субъект в малом для того, чтобы обеспечить ему свободу и способность к этическим действиям. Устраняя взаимоограничения субъекта и объекта, Гегель безусловно расширяет полномочия субъекта по отношению к миру, постулируя тем самым возможность неограниченного познания действительности. В то же время данный подход не затронул современного ему естествознания, которое продолжало руководствоваться принципами кантианства и было одним из основных источников оппозиции к гегелевской философии.

Кроме того, Гегель вводит принципиально иные трактовки негативности и различия, которые являются основным условием его неантропологической концепции субъекта. Гегелевская диалектика устраняет жесткие бинарные оппозиции метафизики и превращает их в текучие ситуативные различия, где противоположность или единство зависят от изменяющихся контекстов разворачивания субъекта. Эта новая концепция различия вынуждает субъект периодически растворяться в объекте, чтобы впоследствии возродиться в ином виде. Подобный исчезающий, пульсирующий субъект, безусловно, не обладает той фиксированной стабильностью, которая была присуща его догегелевским трактовкам. Более того, субъект оказывается зависим от воздействия предметности: он фактически существует за счет того, что постоянно модифицирует себя с помощью включения иного. Безусловно, данный процесс -- это не отношение психологического "Я" кантианского типа и "вещи в себе", а совершенно иной тип взаимодействия. По сути, никакого гносеологического взаимодействия в традиционном смысле здесь не происходит, ибо отношение сознания и предмета у Гегеля – это отнюдь не отношение двух вещей. Сама традиционная терминология Гегеля, который использует категориальный аппарат метафизики, создает иллюзию, что раскрытие сознания есть очередная разновидность спекулятив-

ного идеализма. Однако гегелевское "сознание", как уже сказано, радикально отличается от предшествующих концепций картезианско-кантовского типа, которые основаны на характеристиках индивидуального сознания и включают антропологические черты. Гегель подчеркивает, что объективирующая деятельность сознания "не должна была бы больше называться сознанием: сознание заключает в себе противоположность "Я" и его предмета, а этой противоположности нет в указанной первоначальной деятельности. Название "сознание" набрасывает тень субъективности на эту деятельность еще больше, чем выражение "мышление", которое, однако, следует здесь понимать вообще в абсолютном смысле как мышление *бесконечное*, не обремененное конечностью сознания, короче говоря, под этим выражением следует понимать *мышление, как таковое*"¹. Гегелевский тип субъекта просто не может быть основан на антропологических предпосылках, не может быть изолированной сущностью, неподвижной субстанцией. По сути, гегелевская концепция субъекта основана на отношениях семантического типа, которые позволяют проводить быструю модификацию различий на основе изменений значений и контекстов. Стремление Гегеля к полноценному осуществлению принципов метафизики неизбежно выводит его за рамки классической философии и намечает переход от метафизики сознания к философии языка. Под воздействием семантического характера диалектического разворачивания субъективности она утрачивает свою самодостаточность и беспредпосылочность как условия проявления свободных актов. Субъект лишается своих качественных характеристик: неподвижности, самождественности, неизменности. В то же время субъект сохраняет ключевую характеристику – идеальность, которая также подвергается модификации. Субъект как самодвижущаяся структура возможен потому, что он существует в виде понятия, которое само указывает на связь с языком: "Так как понятие есть собственная самость предмета, которая проявляется как *его становление*, то это мышление не есть покоящийся субъект, неподвижно несущий акциденции, а есть понятие, которое само приводит себя в движение и принимает в себя обратно свои определения. В этом движении пропадает сам упомянутый покоящийся субъект"².

В "Феноменологии духа" описывается "лестница" восхождения субъекта от состояния простой непосредственности и самодостаточности к абсолютной идеальности и опосредованности. Изначальная точка разворачивания духа, определяемая традиционными характеристиками субъекта – непосредственностью, пассивностью, беспредпосылочностью, противопоставленностью предмету, – является состоянием неистинности, иллюзии. Субъект должен пройти длинную цепь актов разрушения, после каждого из которых он конституируется вновь в качестве более сложной структуры, чем предыдущая. Критерием развития субъекта выступает степень идеальности, возрастающая с каждым последующим этапом. С одной стороны, субъект обретает все более сложную и идеальную структуру за счет очищения от эмпирико-психологических характеристик, а с другой, – он вбирает в себя содержание предшествующих этапов, которое сохраняется после актов негации.

Снятие (*Aufheben*), указывает Гегель, "имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в тоже время прекратить, *положить конец*"³. Оно выражает телеологию развития субъекта, который стремится к вычленению идеальной логической структуры предмета и ее ассимиляции в собственном структурном поле. Этим самым субъект стремится заполучить абсолютный контроль над сущим путем его полной редукции к логическим связям. Но поскольку субъект не существует вне отношения к предметности, его деятельность оказывается целиком зависимой от созданной им идеальной логической структуры. С одной стороны, многоступенчатый процесс идеализации все больше расширяет полномочия субъекта, который получает в свое распоряжение различные уровни сущего. С другой, идеализация приводит к тому, что логическая необходимость накладывает жесткие ограничения на субъект, который сам оказывается лишь частью структуры. Субъект как антропологическая единица постепенно утрачивает возможности влиять на структуру, которая

вполне способна работать по собственным законам. Процесс разворачивания индивидуального сознания является его поэтапным освобождением от иллюзии собственной самостоятельности и изолированности. Снятое (идеальное – *ideelle*) теряет характеристики наличного бытия, но в то же время сохраняется в качестве идеальной структуры, момента более широкого контекста, который формируется на основе предыдущих этапов развития субъекта.

Понятие идеального, которое использует Гегель, также отличается от трактовки идеальности Нового времени. Идеальность от Декарта до Шеллинга рассматривается как нечто непосредственное и потому связывается с интуицией как единственно возможной формой осуществления непосредственности. Непосредственность, которая понимается Гегелем как иллюзия и признак неистинности, служила основой трансцендентальных моделей субъективности. Последние апеллировали к интуитивной очевидности непосредственного внутреннего восприятия, которое рассматривалось в качестве наиболее идеального и чистого опыта. Кроме того, непосредственность поддерживала изолированный, внеопытный статус субъективности, которая рассматривалась как априори, независимая от эмпирических и социальных связей. Таким образом, идеальность Нового времени оказывается тесно связанной с антропологическими характеристиками, которые несет в себе любой интуитивизм, основанный на психологических актах восприятия. Для Гегеля подобная трактовка понятия, центрального для его философии, является полностью неприемлемой. Он описывает идеальность, во-первых, как то, что возникает в результате негации, и, во-вторых, как нечто всегда опосредованное. Негация создает идеальность именно в силу того, что она сохраняет результат отрицания и тем самым вносит опосредованность. Опосредованность является центральной характеристикой идеального, которое получает логическую структуру и тем самым освобождается от антропологизма, обретая черты, которые позволяют ему стать действительно идеальным материалом формирования субъекта. Для Гегеля субъект обретает бытие только через идеальность как опосредованность, т.е. тогда, когда он артикулирует себя через некоторую предметность.

Идеальное более не принадлежит сфере сознания и интуиции, поэтому оно приобретает семантические характеристики: идеальное прежде всего является структурой ряда опосредований, которые придают ему жесткий непсихологический характер. В то же время это – подвижная, текучая структура, сам субъект, осуществляющий движение по феноменологической “лестнице”. Чем дальше субъект уходит от своего изначального состояния, тем больше степень его опосредованности, а следовательно, и идеальности, тем меньше в нем черт индивидуального сознания. Семантические колебания структуры ограничиваются логическим телосом, который является внутренним условием разворачивания субъекта. Впрочем, и логика Гегеля обретает принципиально новые черты: изменяя статус субъективности, он изменяет и характеристики логики, которые находятся в прямой зависимости от концепции субъекта.

Традиционная логика определялась как наука о законах мышления, полномочия которой не распространялись за пределы субъекта. Попытки Канта создать “содержательную” логику были направлены, в первую очередь, не на проведение революции в формальной логике, а на расширение возможностей субъекта. Однако кантовская концепция оказалась несостоятельной из-за ограничений, накладываемых “вещью в себе”. В отличие от него Гегель последовательно проводит принципы метафизики, которые требуют максимального расширения полномочий логики в качестве единой структуры сущего. По сути, Гегель завершает проект Нового времени по реформированию языка, который направляет философствование от Декарта до Витгенштейна. Этот проект направлен на устранение из языка любых характеристик обыденной коммуникации и превращение его за счет тотальной логизации в совершенный инструмент познания. В то же время Гегель скорее изменяет саму логику, стремясь придать ей характеристики единой структуры сущего. При этом он с необходимостью обращается к обыденному языку, без которого модификация логики была бы невозможна.

Поскольку объект и субъект существуют в виде единой изменчивой структуры, логика обретает онтологический статус. Она становится результатом внутреннего разворачивания единой диалектической структуры субъекта и объекта, которые фактически полностью конституируются логическими отношениями. Таким образом, Гегель создает концепцию логики, многие черты которой будут воспроизведены Витгенштейном в «Логико-философском трактате» и продолжены его последователями. В то же время новизна подхода Витгенштейна будет определяться его отчетливым кантианством, которое одновременно станет основной причиной быстрого краха программы логической реформы языка.

Стратегия гегелевской философии стремится к последовательному проведению принципов метафизики и является аналогом того, что сделают позднее Ницше, Гуссерль, Витгенштейн. Гегель осуществил жесткую деантропологизацию западной метафизики, что позволило ему отказаться от традиционных психологическо-интуитивистских моделей субъекта Нового Времени. Идеи «смерти человека» Ницше, процедура «феноменологической редукции» Гуссерля и антипсихологическая концепция идеального языка Витгенштейна направлены на освобождение философии от антропологизма и имеют свои корни в гегелевской философии, которая знаменует поворот к современным типам философствования. Витгенштейн и Гуссерль оказались ключевыми фигурами философии двадцатого века именно потому, что попытались уйти от гносеологизма и психологизма неокантианства и обосновать необходимость обращения философии к языку как единственной сфере неантропологического философствования. Эта попытка оказалась во многом стремлением вломиться в открытую дверь, так как в радикальной философской концепции Гегеля уже был предельно использован потенциал метафизики и намечен выход к иным стратегиям философствования. Не случайно поэтому структурализм и постструктурализм, а также прагматизм Д.Дьюи начинаются с обращения к Гегелю, предложившему один из первых вариантов бессубъектной философии, где субъект является структурой, а не индивидуальным сознанием.

Говоря о субъекте в терминах структуры, необходимо отметить, что эта структура, хотя и является весьма подвижной и изменчивой, но, несмотря на это, сохраняет свою определенность. В изначальном состоянии субъект здесь дан как простое единство *бытия* и *ничто*, где *бытие* – это предметное сущее, а *ничто* – собственно субъект, который полагает себя в виде изолированного индивидуального сознания. Изначальное единство *бытия* и *ничто* определяет основную единицу субъекта как структуры, которая наряду с бытием как чистой позитивностью включает в себя и негативные элементы или разрывы, обуславливающие гетерогенный характер субъекта. Включение в субъект *ничто* как необходимой предпосылки означает, что все негативные и «иррациональные» моменты сущего также становятся элементами субъекта-структуры, т. е. идеальность опять же попадает в прямую зависимость от разнообразных опосредований. В результате субъект, который рассматривался предшествующей метафизикой в качестве идеальной точки, лишенной конкретных характеристик, становится у Гегеля развернутой структурой с разнообразной топологией.

Процесс разворачивания субъекта, как указывалось выше, не является гносеологическим освоением действительности, которая представляется предметом (объектом), противостоящим субъекту. Основная предпосылка гегелевской философии заключается в том, что сущее, будучи единой логической структурой, всегда присутствует в качестве контекста любой деятельности сознания. Более того, сознание всегда является одним из элементов этой структуры и одновременно самой структурой.

Таким образом, раскрывая сущность субъекта как логической структуры, обладающей внутренним телосом для самодвижения, Гегель завершает ключевые метафизические постулаты. Тотальный логоцентризм, являясь наиболее совершенной формой метафизики, содержит в себе и антиметафизические элементы. Более того, переход от метафизики сознания к философии языка и различным моделям бессубъектного философствования возможен только через последовательное осуществление метафизических предпосылок. Абсо-

лютную логику от философии обыденного языка, что подтверждает пример Витгенштейна, отделяет лишь один шаг. Более того, чувствуя ограниченность логики, Гегель стремится к ее модификации путем придания ей *нелогических* черт. Наделение субъекта абсолютными возможностями в качестве бесконечной структуры одновременно лишает его собственно *субъективных* характеристик; в свою очередь, трактовка логики как единой структуры сущего наделяет ее характеристиками языка, которые неизбежно привносят в диалектику элементы, выходящие за пределы логического телоса.

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1970. Т.1. С.117–118.

² Он же. Феноменология духа. СПб, 1992. С.33.

³ Он же. Наука логики. Т.1. С.168.

Л.А.ЧЕБЛАКОВА

НРАВСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И ПРОБЛЕМЫ КОЭВОЛЮЦИИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

Еще в начале века В.И.Вернадский предупреждал, что человечество сможет обеспечить будущее только в том случае, если возьмет на себя ответственность за развитие биосферы и его направленность.

В этой связи сегодня в науке активно обсуждаются проблемы коэволюции природы и общества, сущности экологического императива. Обеспечение коэволюции – необходимое условие дальнейшего развития биосферы и общества, перехода биосферы в ноосферу. Экологический императив – главный рычаг приведения в действие коэволюции. Как отмечает академик Н.Н.Моисеев, экологический императив – это совокупность таких условий во взаимоотношении природы и человека, когда дальнейшее нарушение равновесия может повлечь за собой неконтролируемое изменение характеристик биосферы, сделать существование человека на Земле невозможным¹.

Нас интересует главным образом мировоззренческий, нравственный аспект проблемы, где человек рассматривается в качестве центрального звена эволюции, а его целевые установки формулируются в гуманистическом духе, непосредственно связываются с важнейшей задачей современности – сохранением жизни на Земле.

Человеческое в человеке формируется как исторически, так и индивидуально, в тесном контакте с природой. Однако мироощущение, основанное на сопричастности ко всему живому, видимо, нельзя отнести к биологически запрограммированному. Оно формируется в неразрывной связи с эволюцией сознания, и рассмотрение экосознания в антиисторическом контексте низводит человека до уровня субъекта социобиологии.

Преобразование некоторыми исследователями Запада эволюционно-биологического подхода в главный методологический принцип "новой науки о человеке" дополняется преувеличением роли генетических основ в понятии "эпигенетические правила". Последние выступают главными в концепции генно-культурной коэволюции (Ф.Александр, Е.Уилсон). "Эпигенетические правила" раскрывают механизм перехода от генов к культуре и наоборот. Как утверждают биологи, это не собственно гены, но детерминированные генами пути индивидуального развития, на которые воздействуют и внешнее культурное окружение, воспитание, обучение и культура в целом. Социобиологи считают эпигенетические правила важными для объяснения эволюции разума, этики и даже усовершенствования человеческой природы.

Правда, в последнее время многие сторонники социобиологии стали осторожнее относиться к идее биологической сущности человека, называя ее рабочей гипотезой. Некоторые из них склоняются к обоснованию коэволюционного процесса как биосоциальной эволюции человека и общества².

Проблема коэволюции действительно является ключевой в понимании природы человека, формирования его экосознания и нравственности. А био-

логическая природа человека прошла долгий путь, прежде чем появился новый вид памяти, не обусловленной генетическим кодом. Появились знания – особое свойство человека, первая форма обучения “делай, как я!”. На определенной ступени эволюции человека возникли антиагрессивные социальные запреты (табу), среди которых особое место занял принцип “не убий!”. Видимо, это была первая вечная истина, усвоив которую общество берет под защиту всех своих членов. Внутривидовая борьба постепенно затихает, а вместе с ней прекращается совершенствование генотипа. Разумеется, полностью исключить естественный отбор нельзя, но это уже отбор организационных структур.

Осознание необходимости коэволюции природы и общества тесно связано с задачами формирования нравственно-экологического императива, как важного фактора экосознания и мировоззрения в целом. Принцип общечеловеческой нравственности “не убий” неразрывно связан с основополагающим – “возлюби ближнего своего”. Его признают почти все религии мира и прежде всего христианство, но далеко не всегда следуют на практике. Национальные и религиозные конфликты – это не только уничтожение человека как целостности духа и тела, это уничтожение природной среды и нарушение экологического баланса. Нравственно-экологический императив – это качественная перестройка сознания и принципов поведения людей, сравнимая с перестройкой сознания в эпоху неолита: скачка к первым нравственным нормам. Принцип “не убий” обретает иное звучание и актуальность в наши дни. Учащение военных конфликтов, нерациональное хозяйствование могут привести, как минимум, к быстрой деградации природной среды, если не к катастрофе. Поэтому к первому условию нравственного императива можно отнести исключение войн и любых силовых воздействий для разрешения социальных противоречий.

Академик А.Д.Сахаров разработал целостную социально-экономическую концепцию гармонизации международных отношений, в сущности, – коэволюции внутри самого общества. Она предусматривает цивилизованные международные отношения: запрет на производство и использование оружия массового поражения, “экспорт революции”, выработку и соблюдение международных экологических норм эксплуатации природных ресурсов³.

Разумеется, не все страны способны активно включаться в решение проблем подобного масштаба. Но уже сегодня, как отмечают специалисты, полезно ввести понятие “рационально организованное общество”, которое характеризуется высоким уровнем технологической культуры и экологической социальной справедливости, рациональным использованием интеллекта нации, заботой о физическом и нравственном здоровье своих членов.

Для реализации принципа нравственно-экологического императива необходимо, чтобы мир без войн и насилия стал нормой жизни, а принцип общечеловеческой нравственности “не убий” стал конкретным механизмом коэволюции общества и природы. В этих условиях необходима новая форма памяти, способная передавать нравственно-экологические знания от поколения к поколению, постоянно их совершенствуя, превращая их в свое мировоззрение. Следовательно, воспитание такого человека превращается уже из национальной задачи в планетарную, что требует специальных международных программ образования.

Как отмечают исследователи, уже в эпоху палеолита возникает институт передачи знаний – система “учитель”. Она и развивается вместе с обществом, под его влиянием становится не только новой формой памяти человека, но и в огромной мере формирует человечество, стереотипы его поведения. Данной системе предстоит сыграть решающую роль в становлении новой нравственности и реализации проблем коэволюции.

Разумеется, создание программы подобного масштаба потребует многих усилий и средств для их координации с региональными программами образования и воспитания. Однако уже сегодня можно выделить главное: формирование реального учителя-человека, которому общество доверяет вос-

питание тех, кому предстоит сохранить цивилизацию. Представляется, что не в далекой перспективе, а в ближайшее время учитель всех рангов должен стать фигурой, способной сформировать устойчивый нравственно-экологический императив поколений. На наш взгляд, система "учитель" может быть основана на следующих ключевых моментах:

1. Скрупулезный отбор в педагогические колледжи и университеты молодежи по специальной системе тестов и профориентации на последних ступенях среднего образования.

2. Увеличение ассигнований на образование всех ступеней.

3. Добротное гуманитарное образование в традициях классических гимназий и реальных училищ России до 1917 г. (что уже предпринимается в системе образования Республики Беларусь).

4. Включение идей коэволюции природы и общества в государственные программы образования; строгий контроль органов образования за их исполнением.

5. Активизация роли семьи в формировании элементарных навыков гармоничных отношений человека и природы.

6. Ориентация средств массовой информации на общегуманистические и экологические проблемы как неразрывно взаимосвязанные. Последовательная научно обоснованная дифференциация телеканалов, периодических изданий по возрастным категориям населения; запрещение "агрессивной" рекламы.

7. Внедрение в сознание учащихся через программное обучение всех уровней убеждений о ценности человеческой жизни, ее уникальности и неповторимости. На ранней ступени образования осуществляется знакомство обучаемых с концепцией божественной природы человека, и в этом смысле – бесценности его как тварного существа.

В принципе, религиозный аспект системы коэволюции заслуживает особого внимания. В условиях атеистического образования мы не имели представления о ценностях христианской философии, которая содержит огромный нравственно-экологический потенциал. Так, в философии Владимира Соловьева *Природа–Человек–Бог* составляют всеединство (триединство), они существуют от века как всеобщий организм идей. Человек, как и вся природа, сотворены всевышним, следовательно, бесценны⁴. Любое посягательство на жизнь и здоровье человека, равно как и всякой твари, – величайший грех не только с церковно-конфессиональной точки зрения, это методологически обусловлено философией русского православия – софиологией.

Логическое обоснование названные идеи находят у С.Н.Булгакова в его картине мира *София–Космос–Материя*, где материя выступает как *matēria prīma* (предматерия), как условие, потенциал реализации "предвечного" человека и тварного мира, которые задолго до их появления были обусловлены божественной Софией. Через Софию достигается постижение человеком мира, его познание и преобразование. Созданный по образу и подобию божию весь род людской уже изначально нравственно сориентирован на гуманизм и совершенствование своей софийной сущности во имя Всевышнего и ближнего⁵. Таким образом, религиозно-нравственный аспект экосознания – формирование человека по образу и подобию Творца. Именно этот смысл и заложен в систему образования всех религий мира.

Вместе с тем философия русского православия в значительной мере сориентирована и на созидательную деятельность как одно из проявлений нравственно-экологической направленности. Так, согласно Софии, человеку предназначено трудиться, преодолевая нужду, возвышаясь до уровня "любовного труда". Хозяйственная деятельность человека выступает главным критерием достижения Софии, что само по себе есть главная человеческая добродетель. Софиологический аспект включает и творчество, и власть, и красоту. Он способен раскрыть в человеке высшую нравственность.

В свою очередь, в поступательном достижении человеком софийности, нравственно-экологического императива большую роль играет Церковь.

В философии всеединства она выступает как творящая сила, движитель богочеловеческого процесса, обладающая сферой культовых таинств, продуктивно воздействующих на сознание и чувства, способная через формирование веры достичь высоких воспитательных целей. Вместе с тем богочеловеческий процесс глобален, его субъект – весь мир как всеединый развивающийся организм, а значит, – коэволюционный процесс, направляемый Всевышним.

Освещение в образовательных программах нравственно-религиозного аспекта придает и определенную оптимистическую нацеленность человеческому существованию. В православно-идеалистической эсхатологии история мыслится как замкнутое целое, проникнутое смыслом Всеобщего Воскресения и Второго пришествия, что в “этой жизни” в значительной мере ориентирует на ответственность за содеянное.

Само собой разумеется, что включение церкви в систему формирования нравственно-экологического императива не решает проблему. Общество сможет значительно приблизиться к природно-культурной коэволюции усилиями науки в целом и государства на основе совместных достижений философов, естествоиспытателей, математиков, экономистов, психологов, социологов и даже поэтов, подняв эту сферу, общество на высшую научно-этическую ступень развития.

Таким образом, в настоящее время гармонизации отношений “человек – природа” нет альтернативы. Религиозное и светское направления сходятся в одном: сохранить на Земле жизнь и главную ее ценность – Человека. Поэтому формирование нравственно-экологического императива становится насущной необходимостью.

¹ Моисеев Н. Н. Экология, нравственность и политика // Вопросы философии. 1989. №5.

² См.: Рьюз М., Уилсон Е. Дарвинизм и этика // Там же. 1987. №1.

³ См.: Сахаров А. Д. // Там же. 1990. №2.

⁴ См.: Соловьев Вл. // Там же. 1989. №6.

⁵ См.: Хоружий С. С. // Там же. 1989. №12.

М.Н.МАЛИНОВСКИЙ

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОСОЗНАНИЯ В КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Проблема сохранения экостабильности на планете, формирования нового экологического сознания и достижения антропо-природной гармонии чрезвычайно актуальна для современного сообщества и научного мира. Предлагаются разнообразные подходы к решению проблемы, однако мало кто из исследователей обращается в этой связи к культурному наследию минувших эпох. Между тем в истории можно найти немало интереснейших прецедентов, когда социум культивировал такой тип экологического сознания, который в значительной степени снимал противоречия, устранял конфликт в системе “человек-природа”.

Разумеется, любой феномен культуры исторически специфичен, т.е. содержит набор атрибутивных элементов, присущих совершенно определенному уникальному историческому периоду. Однако аксиологические компоненты подобных феноменов являются инвариантными и поэтому могут быть использованы в процессе формирования современного экологического сознания.

С этой точки зрения представляется перспективным анализ скандинавского культурного феномена, охватываемого историческими рамками VIII–XIII в.в. Выбор данного объекта и временных границ исследования обусловлен следующими причинами. Скандинавские народы, будучи соседями славян на северо-западе, исторически тесно связаны с ними. Наконец, культура Скандинавии до XIII в. сохраняла достаточную степень самостоятельности и не подвергалась христианскому влиянию со стороны остальной Европы.

Хотя норманнский социум того времени был достаточно независимым от природных процессов, классическое скандинавское общество еще не утратило осознания своей взаимосвязи со средой обитания и продолжало активно

транслировать архетип погруженности в природное начало. Инструментом для этого служили мифы.

Несмотря на то, что скандинавская мифология представляет собой уникальное явление европейской культуры, она имеет общие герменевтические корни с романскими и славянскими верованиями. Скандинавская мифология выделяется из подобных ей европейских культурных традиций своим пессимистическим, трагическим характером и чрезвычайно четким звучанием военных мотивов. К тому же эсхатологичность скандинавской мифологии – явление, не свойственное больше ни одной политеистической системе в Европе. Помимо этого, она, на первый взгляд, кажется запутанной и парадоксальной. Ее космогония не разъясняет точно, откуда взялись боги и каково будущее их потомков. Боги викингов могут возвращать людей из царства мертвых и творить чудеса, но сами они смертны и далеко не всемогущи.

Совокупность названных оптимистических черт норманнской мифологии является определяющей для формирования способа трансляции и смысловой направленности скандинавского сознания. В нем проявилось уже не слепое поклонение природным явлениям, а система магического взаимодействия с ними, основанная не на противопоставлении социума природе, а на восприятии их обоих в качестве органов единого тела, организма. Скандинавы ощущали себя растворенными в природном континууме, фиксировали свою органическую включенность в экосистему и потенциальную невозможность вычленения из нее человеческого общества как самостоятельного компонента. Интенция на единство с природной средой проявлялась в течение всего процесса социализации скандинава, а социум в дальнейшем постоянно поддерживал у своих членов настоятельную потребность в экологической самоидентификации. Это достигалось средствами культуры и, прежде всего, спецификой обычаев и обрядов скандинавского общества.

Наиболее показательными в этом отношении являются обычаи, обуславливающие ритуалы погребения и заключения брака.¹ Погребения в Скандинавии, в особенности погребения знатных людей, выполняли первоначально магическую функцию воздействия на плодородие земли. Вот что говорится по этому поводу в саге о норвежском конунге Хальвдане Черном.² Во время его правления в стране не было ни одного голодного года, а после смерти конунга послы четырех норвежских областей оспаривали право захоронения его тела. В конце концов тело конунга было расчленено на четыре части и захоронено в четырех местах. Это, по убеждениям норвежцев, должно было способствовать процветанию тех областей. Аналогичное предание содержится в саге об Инглингах. Когда умер Фрейр – мифический правитель Швеции – приближенные тайно поместили его тело в курган и в течение трех лет засыпали золотом, серебром и медью. Все это время народ полагал, что Фрейр жив. Когда же узнали, что правитель давно умер, а благоденствие и мир сохраняются, уверовали, что так будет всегда, пока он остается в Швеции. Поэтому решили не сжигать его тело, а самого Фрейра назвали богом плодородия.³

В неурожайные годы, если никакие меры повысить урожайность не помогали, шведы приносили конунгов в жертву богу.⁴

С культом плодородия были связаны и почти все свадебные обряды скандинавов, которые практически без изменения сохранились до XX столетия.⁵ Дом для свадьбы украшали цветами. Перед ним ставили обвитую цветами арку, под которой должны проходить молодые. Цветами украшали и самих молодых. Считалось, что новобрачные обладают способностью повышать приплод скота, поэтому они первым делом заходили в хлев, где невеста доила корову. После этого молодые шли в дом по дорожке, устланной новым холстом, а гости и родные осыпали их зерном.

На свадебный пир обязательно готовили кашу из злаков, которая называлась "невестиной кашей". Угощение ею являлось кульминацией свадьбы. После этого ритуала невеста считалась замужней женщиной. Она присоединялась к гостям и съедала ложку каши, подтверждая этим свое новое

положение. Котел с "невестиной кашей" гости передавали друг другу под столом. Часто он мог оказаться в соседнем доме. В таком случае за него полагалось давать выкуп. "Невестиной кашей" одаривали отъезжавших гостей для передачи тем, кто не мог побывать на свадьбе. Обычай угощения "невестиной кашей" выполнял у шведов функцию магического приобщения к силе божества плодородия.

В свадебных обрядах тесно переплелись социальные и экологические ритуалы. Иносказательный характер сватовства, прятанье невесты подтверждают, что личности жениха и невесты рассматривались как сакральные. Прикосновение жениха к оброненной невестой вещи рассматривалось как сакральное предзнаменование, дурной признак, следовательно, невеста для жениха была табуированной. В этом проявлялись не столько социальные роли жениха и невесты, сколько магические отношения, связанные с эзотерическими силами, которые поселяются в них в соответствии со свадебным статусом. Эту мысль подтверждает и то, что их имена до свадьбы вообще не упоминались, а произносились первый раз только в новолуние. Если свадьба рассматривалась как ритуал, посвященный культу плодородия, то жених и невеста были в них богами плодородия, что подтверждает обычай одаривания гостей "невестиной кашей". Если подарки молодым и обмен подарками между родней новобрачных можно объяснить социальными предпосылками, то обязанность невесты раздавать всем гостям орнаментированные шерстяные носки можно интерпретировать, связав этот обычай с древними магическими ритуалами. Шерстяные носки в холодной Скандинавии, без сомнения, имелись в каждом доме, поэтому такой подарок, полученный на свадьбе, важного бытового значения не имел. Но зато орнамент в древней Скандинавии был магическим. Вероятно, по структуре орнамент на носках сочетался с украшениями из цветов, которые были на невесте. Раздача невестой орнаментированной одежды может быть истолкована как передача божеством своей силы в обмен на жертвоприношение, которое олицетворяли подарки гостей молодым (а это были скот и зерно, из которого приготавливали пиво – "священный напиток Одина").

Каждый древний норманн обладал совокупностью знаний императивного характера о программах действий в той или иной жизненной ситуации: рождение ребенка, заморский поход, свадьба, сельскохозяйственные работы или предсказание погоды. Все эти программы так или иначе коррелировались с природным фактором, и у каждого скандинава набор знаний об этих программах был одинаков.

Скандинавским феноменом, уникальным для Европы явлением называют исследователи звериный стиль.⁶ Для декора скандинавских языческих и христианских храмов, орнамента бытовых и специальных предметов характерен мотив переплетающихся частей тел животных и стеблей растений. На большинстве из них нельзя выделить ни лиц, ни голов, ни тел как таковых: звери так скрючены и переплетены, что по большей части можно различить лишь невероятно экспрессивный клубок из лап. Примечательно еще и то, что мастера варьировали структуру орнаментальных построений, но всегда оставляли неизменным сюжет. Очевидно, применение вполне определенных символов в орнаменте производилось не по прихоти мастера, а регламентировалось четко установленными ассоциациями, которые должны были возникать у норманнов во время просмотра. Мастер не претендовал на изменение содержания орнамента, вследствие чего авторство было анонимным. На эту мысль наводит характер изображаемых существ: мастера-орнаменталисты IX–XII в.в. стремились подчеркнуть в переплетении рук и ног преобладание их функциональной роли, не прибегая к изображению лиц. Все это говорит о коммуникативной магической функции скандинавского орнамента, в символической форме репрезентировавшего взаимодействие природного и антропогенного факторов.

В числе причин, определивших весомое положение экологической составляющей среди приоритетов коллективного сознания норманнов, можно

назвать следующие. В IX–XII в.в. наблюдается культурный подъем Скандинавии. На это время приходится и новый виток развития скандинавской мифологии, реформа рунического алфавита, расцвет орнаментики и скальдической поэзии. В этот период социум сам практически не производил промышленных изделий, а существовал за счет торговли и военной добычи, что значительно замедляло темпы развития технократического сознания норманнов. К этому времени относят и так называемую языческую реакцию в Скандинавии, проявившуюся в возрождении и широком распространении в обществе традиций и обычаев языческой мифологической парадигмальной сущности. Языческая реакция оказалась стихийным негативным ответом скандинавских народов на христианское влияние извне.

С распространением в Скандинавии европейской культуры экологическая проблематика из сакральной (доминирующей) области переместилась в бытовую: в народные предания, обычаи и обряды, ремесла, где она в неэксплицированном виде транслировалась вплоть до XX в. Сплетаясь с социальными традициями, экофильные мотивы скандинавской мифологии прочно закрепились в сознании норманнов, в их материальной и духовной культуре. Устойчивое восприятие этих мотивов в качестве значимых моментов повседневной жизни любого скандинава превратило их со временем в один из приоритетов национальной культуры.

¹ См.: Davidson H. R. *Gods and Myths of Northern Europe*. Harmondsworth, 1986.

² См.: Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990.

³ См.: Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Л., 1985.

⁴ См.: Петрухин В. Я. // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1976. №21.

⁵ См.: Старшая Эдда. М., 1963.

⁶ См.: Foote P. G., Wilson D. M. *Wikingowie*. Warszawa, 1975.

Паліталогія, Сацыялогія

Н.А.АНТАНОВИЧ

ОКРУЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Модели политической системы, используемые в современной политологии, позволяют анализировать политику различных стран. Однако наличие сходных политических институтов не означает, что характер функционирования политических систем будет одинаковым. Политические институты и нормативы всегда национальны, несут отпечаток самобытности. Большинство различий в политических системах зависит от характера их окружения.

К политическому окружению относятся все факторы, влияющие на функционирование политической системы. Политическое окружение включает в себя историю страны, ее экономику, гражданское общество и культуру¹.

Американские политологи Л.Джонс и Э.Олсон считают, что культурное окружение имеет чрезвычайное, даже "революционизирующее" значение для политической системы, ибо в основе политической культуры лежат принципы свободы, равенства и справедливости, организации согласия в обществе, основные принципы конституционализма. "История показывает, что от того, какой смысл вкладывается в понятия равенства, справедливости, уравнивания интересов, в значительной степени зависит и проектируемое государственное устройство, и реальная политика"².

Принцип равенства ставит перед политической системой ряд вопросов: как обеспечить равенство граждан, какой смысл вкладывается в само понятие равенства. В юридической и политологической литературе выделяют следующие типы равенства: индивидуальное, социальное и гражданское. Индивидуальное и социальное равенство – утопичны. Индивидуальное равенство невозможно, так как люди не равны по способностям от рождения. А социальное равенство на практике скорее всего означало бы уравниловку³.

Идея уравнительности нашла теоретическое отражение в программных установках марксистов о социально однородном обществе. Советская власть, а еще раньше Парижская коммуна столкнулись с противоречием между декларируемой уравнительностью и необходимостью стимулирования труда. Социальная дифференциация – это необходимый, органический продукт общественной жизни, возникающий на базе разделения труда, различия индивидов, культур. Для общества опасна не сама дифференциация, а ее чрезмерные формы (например, обогащение отдельных лиц путем нарушения закона).

Основная цель социальной политики и обязанность государства – достижение гражданского равенства, понимаемого как равенство перед законом, независимо от национальности, партийности, общественного статуса. Осознание необходимости наличия в обществе гражданского равенства – важное достижение демократического развития. Для политической культуры граждан Беларуси этот вывод актуален. Стереотипы уравнительного равен-

ства у нас все еще сильны. Целью социальной политики должно быть осознанное регулирование процессов стратификации, а не формирование мифологической однородности.

Понимание равенства тесно связано с осознанием социальной справедливости, которая может выступать в обществе генератором добра, трудолюбия, стимулом общественной деятельности. Оценка общества (строения, режима) как справедливого или несправедливого является интегральной, итоговой оценкой, в которой выражено лояльное или нелояльное отношение к нему.

Конечно, в обществе утверждаются различные понятия справедливости. Так, сторонники либеральных взглядов связывают справедливость с возможностью реализации личной инициативы и действием рыночных механизмов. Коммунистическая идеология основана на представлениях об индивидуальном и социальном равенстве. Справедливость – это конкретная категория, имеющая свои виды. Выделяют различные виды справедливости: распределительный, компенсаторный, замещающий, карающий. Подмена в общественном сознании одного вида справедливости другим вызывает отрицательные последствия. Например, когда место распределительной справедливости (в оплате труда) занимает компенсаторная (надбавки за вредность) или замещающая (бесплатное жилье)⁴.

Справедливость – это мера, увязывающая противоположные стороны и такие векторы общественной жизни, как равенство, свобода, права и обязанности, связанные с оформлением согласия в обществе.

Оформление согласия в обществе – следующий составной элемент окружения политической системы. Согласие означает, что правительство может существовать и управлять только с согласия управляемых.

Создатели американской конституции писали, что устойчивость демократического правления требует тонкого балансирования между наделением граждан суверенитетом и недопущением их прямого воздействия на работу государственного механизма.

Существует точка зрения о возможности выражения государством “общей воли”: “В целях организации управления делами общества в целом, хотя состоящего из отдельных личностей, создаются специальные управленческие модели и структуры, процедуры и механизмы, объективное назначение которых состоит в формулировании воли большинства, а также ее реализации”⁵. На практике этого трудно добиться из-за отсутствия механизма регулярного выявления этой воли, форм устойчивой связи граждан и государственных органов различных уровней. Правительство должно управлять, учитывая интересы различных социальных групп, не сводя понимание общества к упрощенной классовой структуре. Общество не может управляться простой волей большинства, так как это ведет к политической нестабильности.

В бывшем СССР общественный консенсус по вопросам социалистического строительства обеспечивался на основе жесткой централизации государственного управления. Функции КПСС были огосударствлены, а другие элементы политической системы оказались лишены возможности влиять на государственную политику. Абсолютизация общего социалистического интереса на вершине управленческой пирамиды привела к тому, что местным подразделениям политической системы практически было отказано в праве осуществления местной политики.

Полную стабильность на какое-то время может обеспечить только диктатура. Это положение обосновал Кеннет Эрроу своей “теоремой невозможности” (Impossibility Theorem), которая гласит, что абсолютную гарантию политической системы от нестабильности может обеспечить только полная диктатура в принятии решений. Различия в общественной организации влияют на причины нестабильности, но никакие процедуры – демократические или недемократические – не могут гарантировать от нестабильности. Однако если политическая система открыта для взаимодействия с обществом, то ее институциональные формы корректируются, что свидетельствует о способности открытого общества к самонастройке⁶.

Следующая составная политического окружения – принципы конституционализма. Принцип конституционализма ставит ряд вопросов: как развивается конституционное устройство во времени, насколько оно эффективно как ограничитель от вмешательства в жизнь индивидов, обеспечивает ли нынешнее конституционное устройство возможность решать проблемы общества.

В настоящее время распространено мнение, что американская конституция “самая лучшая”, поскольку существует с 1787 г. Однако сторонники этой точки зрения не учитывают ее специфику. Если современные страны Восточной Европы при создании конституций в качестве основной задачи выдвигают закрепление быстро меняющихся базисных экономических отношений, то целью “федералистов” были не радикальные изменения в стране, а лишь фиксация уже сложившихся социальных и экономических отношений через установление конституционной демократии. Американская конституция создала и закрепила такой политический механизм, который позволяет правительству эффективно проводить внутреннюю и внешнюю политику в условиях равновесия всех составляющих политической жизни страны. В странах же Восточной и Центральной Европы процессы преобразования экономики, утверждения конституционной демократии, на которые другим странам понадобились века, осуществляются одновременно и в кратчайшие сроки.

В настоящее время основным легитимирующим признаком, который провозглашают практически все конституции, является принцип верховенства народа. Кроме того, многие конституции берут на себя задачу очертить в своем тексте социальные права, а также правила функционирования социальных институтов как необходимых, но зачастую недостаточно развитых элементов общества.

Американский исследователь У.Пройсс называет в связи с этим современные конституции постсоветских государств телеологическими: “Существует значительная связь между отсутствием прочных конституционных традиций и предпочтением, отдаваемым телеологическим конституциям.” Телеологические конституции служат восполнением гражданского общества и заменителем “устойчивого развития страны в качестве государства-нации”⁷.

Итак, мы попытались рассмотреть роль принципов равенства, справедливости, организации согласия, конституционализма в функционировании политической системы. Можно заключить, что политическая культура в политической системе выполняет роль тезауруса (внутренней памяти системы), который определяет ее сопротивляемость внешнему воздействию. Политическая культура тесно связана с системой норм и ценностей.

В тоталитарных и авторитарных обществах нежелательные ценности и целевые ориентации подавляются политическими методами. Кроме того, проявляется тенденция к унификации ценностей и интересов, восходящая как снизу – из стремления самого общества к консервативным традициям, так и нисходящая сверху – для поддержания однородности и стабильности социальной системы, ее более легкой управляемости.

Общество в процессе модернизации, т.е. перехода из одного состояния в другое, из традиционного или частично модернизированного в современное, находится в драматической ситуации: единство ценностей и интересов нарушено, нарождается плюрализм новых ориентаций, но нет согласия по поводу базовых ценностей и интересов. Одна часть общества стремится назад, к прежнему единству, другая – к большей плюрализации жизненных позиций. В странах бывшего СССР возникли культурные, экономические, политические конфликты, ибо плюрализм ценностей складывается быстрее, чем плюрализм интересов. В России, Беларуси общество переходного периода слабо структурируется на основе различных интересов: социальные группы и слои складываются недостаточно активно, средний класс размыт. Господство в обществе нерациональных мотивов препятствует достижению социального согласия. Сложившаяся социальная система в условиях трансформации оказывает сопротивление отходу от прежних ценностей.

Консенсус и компромиссы трудно достижимы в переходный период не из-за многообразия интересов, а из-за их несформированности, отсутствия единого понимания как частных интересов, так и национально-государственных.

В период перестройки господствовала иллюзия, что ценности легко меняются. Были декларированы "общечеловеческие ценности" и провозглашен переход от коммунизма к демократии. Однако в постсоветском обществе оказались невоспринятыми трудовые аспекты жизни западных обществ. Это подтверждает, что успех политики реформ зависит от учета факторов окружения политической системы.

Збигнев Бжезинский, изучая опыт стран Восточной и Центральной Европы, пришел к выводу, что быстрая и всеохватывающая трансформация (шоковая терапия) возможна только при наличии как объективных, так и субъективных условий. Польша – хороший пример комбинации таких условий. Хотя польский "большой рывок" может быть признан за образец, но при отсутствии определенных политических элементов, связей, экономической мобильности шоковая терапия скорее всего породит политические конфликты и экономический хаос, когда монополии получают выгоду от либерализации цен, запросто нагнетая инфляцию⁸.

Существуют страны, в которых комбинация рыночных механизмов и правительственного планирования является необходимой по историческим причинам. И Беларусь принадлежит к числу таких стран.

Правительственная интервенция необходима в тех странах, где отсутствуют традиции существования свободного рынка, соответствующий опыт и политическая культура. Это положение подтверждает опыт Японии и Кореи. Согласно отчетам Всемирного банка (1993 г.), с начала 60-х годов правительства этих стран тщательно планировали и направляли развитие реформ, использовали финансовый сектор для распределения кредитов в предпочтительные отрасли экономики и способствовали тому, чтобы отдельные фирмы подчинили свою деятельность национальным целям⁹.

В марксистской литературе немало внимания уделялось социокультурным факторам жизнедеятельности политической системы. Однако только собственно системный подход (основой которого является деление на систему и ее окружение) позволяет, выделив основополагающие принципы окружения политической системы, выйти на исследование трансформирующихся систем, определить пути их развития и выхода из кризисных ситуаций.

¹ См.: Political Science Research. A Handbook of Scope and Methods. New York, 1996. P.68.

² Шавель С. А. // Беларусистика. Мн., 1993. Т.3. С.70.

³ Там же. С.72.

⁴ Там же. С.75.

⁵ Матусевич А. В. // Личность. Общество. Государство. Серия: Правоведение. Мн., 1995. С.36.

⁶ Ордешук П. К. // Свободная мысль. 1991. №14. С.54.

⁷ Пройсс У. // Полис. 1996. №4. С.128,129.

⁸ Brzezinski Z. // Democracy in the 1990s. A Special Number of Global Issues in Transition. New York, 1994. №6. P.40.

⁹ Там же. С.42.

Н.Н.БЕЛЯКОВИЧ

ЛЕВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: СТЕРЕОТИПЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

В политической лексике постсоциалистических обществ широкое распространение получили понятия "правые", "левые", "центристы", "ультралевые" и "ультраправые". Более того, лево-право-центристская партийная характеристика вышла за пределы собственно политической сферы: на правых и левых стали подразделять работников науки и культуры, избирателей, общественные объединения и движения.

Между тем содержание понятия "правые", "левые", "центристские", "ультра-левые" и "ультраправые" прямо зависит от того, кто его толкует. Представители левых сил говорят, что правые плохие, правые, наоборот, считают реакционерами левых. Центристы же, которых марксисты традиционно называли "болотом", заявляют: плохие и левые, и правые. Самые хорошие, дескать, они, центристы.

Не менее запутанным и неопределенным является вопрос о правых, левых, центристских силах и в современной политической науке¹. Так, российский политолог Д.Н.Зеркин утверждает, что в пестрой партийно-политической палитре современного российского общества обозначились три группы политических движений и партий: 1) партии правого толка в основном неоллиберальной, антикоммунистической направленности; 2) демократические партии центристского характера; 3) партии левого крыла политических сил – коммунистической, социалистической ориентации.

Первые – за капитализацию России, вторые мало чем отличаются от первых, они "всеядны", выступают за модернизацию экономической и политической системы России по западноевропейскому образцу. Левые же силы, по мнению Д.П.Зеркина, выглядят "достаточно весомо" в России и "берут высоты одну за другой"².

Аналогичной точки зрения придерживается и белорусский политолог В.А.Мельник. "Весьма распространенным, – пишет он, – является способ классификации партий по принципу прогрессивности или консервативности политических программ. Те партии, которые отстаивают более или менее прогрессивные общественно-политические цели, принято называть левыми; защищающие существующие, устоявшиеся общественные порядки получили название правых, а те партии, которые занимают промежуточное положение, нередко называют партиями центра"³.

Приведенная традиционно марксистская теоретическая схема разделения на левые, правые и центристские силы по линии "социализм – капитализм", "прогресс – регресс", во-первых, не вскрывает объективных критериев определения их содержания, во-вторых, как это уже очевидно, не соответствует действительности, в-третьих, не является в мировой науке "единственно верной".

В западной политической литературе преобладает другое, причем принципиально иное, нежели в марксистской, представление о правых и левых политических силах. Прогрессивными, наоборот, считаются правые силы, которые придерживаются принципов капиталистического способа производства и организации общественной жизни. Проявление же экстремизма в правом движении квалифицируется как ультралевые или крайне правые течения.

Левые политические силы ассоциируются в общественном сознании с призывами к разрушению традиционных основ человеческого бытия, выработанных на протяжении столетий. Частную собственность левые считают источником всех зол: угнетения и порабощения наемных работников, социального неравенства и социальной несправедливости. Изменить существующее положение вещей они считают возможным только путем революционного насилия. Большинство западных политиков позицию левых сил считает реакционной и опасной для всего человечества.

Небезынтересно, что дискуссии между левыми и правыми силами о том, кто из них "прогрессивнее", ведутся уже на протяжении столетий. Но никому из них так и не удалось убедить другую сторону в своей правоте. Им невдомек, что этот спор уже разрешила общественно-историческая практика. Левые коммунистические силы, находясь у власти в социалистических странах в течение десятилетий, так и не смогли внедрить в жизнь свои, на первый взгляд, очень привлекательные для широких масс, но, увы, изначально во многом утопические идеалы и ценности. Правые же силы во многих государствах продемонстрировали преимущества своей политики.

В этом отношении достаточно показателен политический опыт правых сил послевоенной ФРГ. В политике правых правящих сил, последовательно

проводимой федеральным канцлером К.Аденауэром, доминировали три элемента: 1) консервативно-либеральные идеи свободного предпринимательства, конкуренции и социальной защиты работника; 2) сокращение до минимума военных расходов и 3) активное использование иностранных кредитов и инвестиций. Такая жесткая и решительная политика позволила правым всего за шесть лет достигнуть довоенного уровня производства, создать благоприятные условия для труда и быта всего народа.

Представляется, что в условиях перехода от конфронтации к сближению и конвергенции современных обществ на основе общечеловеческих ценностей исследователям нужно по-новому взглянуть на проблему лево-правоцентристского измерения политической действительности. Конечно, придется преодолеть множество искусственно сконструированных догм, политических мифов и утопий. Речь идет, по существу, о создании новой концепции дифференциации политических сил на левые, правые и центристские. Старый подход, основанный на дихотомии "прогресс – регресс", адекватно не отражает все многообразие политических сил, действующих как в каждом конкретном обществе, так и на мировой политической арене.

Анализ теоретических источников и исторической литературы показывает, что возникновение левых и правых как самостоятельных идейно-политических течений связано с развитием буржуазных революций XVII–XVIII вв. в ряде западноевропейских стран. Первым классическим примером четкого размежевания политических сил на "левые – правые" явилась Великая французская революция 1789–1794 гг. В тот период левые силы действительно начали борьбу против изжившего себя феодального способа производства, политической системы абсолютизма и духовного господства церкви. В числе приоритетных ценностей объявлялись свобода, равенство всех перед законом и благополучие каждого человека. Правые выступили защитниками традиционных методов и способов организации общественной жизни. Представители первых сил по стечению обстоятельств во французском парламенте расположились слева, а представители вторых – справа. С тех пор понятия "левые" и "правые" вошли в мировую политическую лексику.

Левые, правые и центристские течения имеют социально-политическую природу, обусловленную системой общественных отношений конкретного общества. Они оформились в самостоятельные движения в ходе борьбы за власть и переустройство общественной жизни. Именно стремление к власти заставляет политические силы думать о своей самобытности, своих идеях и принципах, искать наиболее эффективные пути экономического, политического, социального и духовного развития общества.

Все это находит отражение в соответствующих теоретических концепциях, программах, способах и методах политической деятельности левых, правых и центристских сил. В политических целях они иногда могут отходить от своих декларированных позиций, сдвигаться либо влево, либо вправо. Поэтому границы между левыми, правыми и центристскими силами подвижны и изменчивы. Они сосуществуют одновременно и постоянно соперничают между собой в борьбе за власть и влияние на политическую жизнь общества.

Первоначально носителем левизны выступило либеральное движение нарождающейся буржуазии, возглавившей борьбу революционных сил против отжившего, сковывавшего общественный прогресс феодального строя. Между тем в марксистской литературе процесс возникновения левизны почему-то связывается исключительно с коммунистическим движением, которое, кстати, идейно и организационно оформилось позже буржуазно-либерального.

Философскую основу левых политических движений раннего периода составили либеральные учения английских и французских мыслителей XVII–XVIII вв. (Локк, Бентам, Монтескье, Констан, Гизо и др.). Эти учения характеризовались резко оппозиционным отношением к политической и религиозной власти. Критика, опирающаяся на разум, должна была внести ясность в человеческие представления о существующем социальном мире, о месте и роли в нем человека. Либералы отвергли как богоданную власть церкви, так и абсолютную власть государства, ибо они угнетали индивида.

Либеральные учения провозгласили естественное происхождение прав и свобод человека, которые никто не вправе у него отнять. Либералы верили в неограниченные возможности человеческого разума, способного не только осмыслить общественные процессы, но и предложить новую, более рациональную модель общественного устройства. Причем важное место в учениях раннего либерализма занимает социальная революция. Она рассматривалась как наиболее радикальное средство ликвидации произвола монархических режимов и организации общественной жизни на новых принципах. Важнейшими либеральными ценностями объявлялись право индивида на собственность, равенство людей, их безопасность и суверенитет. Предназначение государства и политической власти видели в защите собственности человека, его свобод и достоинства.

В XVII–XVIII вв. лево-либеральное политическое течение было господствующим в политической жизни Англии, Франции, США и ряде других стран Запада. Его идеи нашли официальное закрепление в английском “Билле о правах” (1689). Позже левые либералы активно проявляют себя во Франции и добиваются принятия “Декларации прав человека и гражданина” (1789). Успехом завершается борьба левого либерального движения в США принятием “Билля о правах” (1791).

В конце XIX в. лево-либеральное буржуазное движение вступило в период кризиса. Практика показала, что безграничная экономическая свобода создает сложные социальные проблемы. Не контролируемые государством рыночные отношения и конкуренция усиливают господство монополий и эксплуатацию наемных работников, способствуют торжеству законов джунглей. Огромный разрыв между богатством и бедностью вызывает массовое недовольство и стихийные выступления обнищавших людей. Так, в 1868 г. развернулось массовое забастовочное движение в Бельгии, в 1869 – во Франции.

В этих условиях на передний план политической борьбы выходит социалистическое течение, которое отодвигает буржуазно-либеральное течение с левого фланга в центр. Новые левые (социалисты) резко критикуют либеральную модель социального развития, обвиняют либералов в том, что они оставили человека труда в рыночной системе без социальной защиты, что провозглашенные ими высокие идеалы для большинства людей остались недостижимыми.

Социалисты XIX в. поставили цель: провести в обществе коренные изменения, сделать его более справедливым, гуманным, соответствующим принципу социального равенства. Одни социалисты достижение этой цели связывали с революционным насилием (Бланки, Маркс, Энгельс), другие – с реформами (Блюм, Бернштейн, Жорес). Социалисты отказались от идеи рынка, который позволяет богатому меньшинству угнетать бедное большинство. Неоднородными были взгляды социалистов и на роль государства в обществе. Бланки, Лассаль рассматривали государство как важнейшее средство изменения общества и улучшения жизни людей, а Прудон, Бакунин, Кропоткин считали, что оно угнетает человека и подавляет его свободу. Поэтому государство нужно уничтожить.

В начале XX в. (1914) единое до сих пор мировое левое социалистическое движение раскололось на два самостоятельных течения – социал-демократическое и коммунистическое. Они разошлись во взглядах на сущность, пути и способы построения социалистического общества. Социал-демократы эволюционировали в сторону либеральных ценностей, а коммунисты остались на марксистских позициях. В результате в левом социалистическом движении возникли два течения – лево-центристское и ультралевое. Носителями левого центризма выступили социалистические и социал-демократические партии, а ультралевизны – коммунистические и другие партии, верные идеям Маркса, Энгельса и Ленина.

Каковы же основные признаки ультралевого коммунистического движения? Современное мировое ультралевое по своей сущности коммунистическое движение очень сложное и разнообразное. Оно включает много идей и цен-

ностей, характерных для других политических течений. Но многие позиции позволяют выделить коммунизм в специфическое политическое движение. Для него характерны: неприятие и резкая критика капитализма как системы экономического, социального, политического и духовного порабощения трудящихся; приверженность общинным, коллективистским формам организации всех сфер жизнедеятельности общества; монополизм на истину и политическую власть. Лидеры ультралевого коммунистического движения объявляют марксизм-ленинизм первой подлинно научной и единственно верной теорией, объясняющей развитие истории и общества. Воинственность и нетерпимость к инакомыслию и другой позиции – также существенная черта коммунистического политического кодекса. Коммунисты постоянно “воюют” не только с буржуазными элементами, но и с близкими к ним по духу и образу мысли людьми. Поиск врагов и борьба с ними до победного конца – закон их существования. Стремление к гегемонизму и мировому господству – также неотъемлемая черта стратегии коммунистов. Атрибутивное свойство ультралевого коммунистического движения – интернационализм. Коммунисты признают только революционный способ преобразования политической и социальной действительности.

Носителями ультралевизны могут выступать различные объединения, движения и партии, независимо от их названия. Это могут быть коммунистические, социалистические, либерально-демократические, народные, трудовые и другие политические партии. Сами себя они могут считать центристами или прогрессистами. Однако названные нами критерии в том или ином наборе позволяют характеризовать их как ультралевые и реакционные.

Общественно-историческая практика подтвердила правильность этой оценки ультралевого коммунистического движения. Коммунистические партии на протяжении семи десятилетий находились у власти в бывших социалистических странах и пытались претворить в жизнь свои идеалы и программы. Однако они оказались неосуществимыми, потому что противоречили естественному ходу общественного развития и, прежде всего, самого человека. Коммунистическое обобществление подавляло свободу, а значит, и творчество индивида. Поэтому социалистическое общество оказалось в состоянии глубокого кризиса.

¹ См.: Дэбаш Шарль, Пант'е Жан-Мары. Уводзіны ў палітыку / Пер. з франц. Мн., 1996.

² Зеркин Д. П. Основы политологии. Ростов-н/Д., 1996. С. 297, 298.

³ Мельник В. А. Политология. Мн., 1996. С.129.

В.Е.ГЛУШАКОВ

МЕТОДОЛОГИЯ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Период кардинальных социокультурных трансформаций, в который вступило наше общество, выявил множество проблем, без решения которых невозможно рассчитывать на успех начатых преобразований. В области управления экономикой как на макроуровне, так и на уровне отдельных субъектов хозяйствования по сравнению с передовыми странами Европы мы оказались на уровне сороковых годов. Для нашей республики возникла реальная угроза навсегда выключиться из динамичных процессов, происходящих в практике и теории менеджмента передовых стран, особенно США¹. Не случайно поэтому в последние годы на государственном уровне приняты дополнительные меры по созданию и развитию сферы подготовки управленческих кадров и системы повышения их квалификации. В негосударственном секторе экономики проблема недостаточно высокого уровня культуры, квалификации управленческого труда стала актуальной еще раньше. Возникла потребность в расширении сети учебных заведений, способных готовить высококвалифицированных предпринимателей, экономистов, менеджеров. Данный социальный заказ был сравнительно быстро удовлетворен, но только

с количественной стороны, государственными и коммерческими вузами. Качественному же решению поставленных задач препятствовала наша традиционная система управления, которая сформировалась в период командно-административного воздействия на экономику. Будучи по своей сути консервативной, отечественная школа управления игнорировала реалии функционирования рыночной экономики на информационной стадии общественного развития. Характерная для нашей экономики механистическая, иерархическая система управления с присущей ей жесткой командно-исполнительской направленностью не вписывалась в рыночные механизмы. Это выражалось в привычных попытках реагировать на следствия (принцип "реактивного управления"), а не на причины, в ставке на централизацию, планирование сверху, а не на творчество, инициативу низов. Все эти особенности ее воспроизводились до недавнего времени и в учебном процессе. В результате многие выпускники управленческого профиля оказались неспособными работать в новых условиях хозяйствования.

Нынешние динамичные условия хозяйствования резко изменяют процесс выработки и принятия управленческих решений. Известно, что большую часть своего рабочего времени руководитель проводит в процессе делового общения со своими начальниками, коллегами, подчиненными. Авторы учебного пособия "Основы менеджмента" приводят такой перечень расходования рабочего времени руководителя: 1) Запланированные заседания и встречи – 59%; 2) Работа с документами и деловыми бумагами – 22%; 3) Незапланированные встречи – 10%; 4) Разговоры по телефону – 6%; 5) Деловые поездки и осмотры – 3%.

Научно-техническая революция позволяет ускорить смену технологий в передовых странах до трех-четырёх лет. Эти изменения затрагивают и наши экономические отношения, что обуславливает необходимость внимательно изучать динамику развития внешней среды организации, которой руководит менеджер. Умелые управленческие действия позволяют обеспечивать эффективность функционирования организации, ее устойчивость в конкурентной борьбе. Интенсивность труда менеджера характеризуется сегодня неизвестными прежде параметрами и категориями. Годовые программы работы современных руководителей подразделений содержат, как правило, 10–15 основных целей. Если же учесть, что высшие руководители организации пытаются точно знать о ходе деятельности 30–100 своих управленцев, то число целей как объекта контроля возрастает до 1500.

В результате чрезвычайно распространенной становится ситуация, когда руководитель буквально "тонет" в лавине информации и оказывается в ситуации выбора. У него есть два пути. Либо рациональным путем вычленив из всего массива данных релевантную информацию и на основе ее анализа принять решение, либо довериться собственной интуиции. Причем оба варианта имеют как достоинства, так и недостатки. Первый вариант гарантирует тщательное продумывание возможных альтернатив, но не дает гарантии, что какой-либо важный момент, фактор, обстоятельство не будут упущены. Второй вариант экономит время, но не дает стопроцентной уверенности в том, что решение принято оптимальное. Хотя, как свидетельствует практика, до 40% успешных решений опытные управленцы принимают на основе интуиции. Непрерывно дискуссии ученых и практиков "за" и "против" одного из названных методов принятия управленческого решения свидетельствуют скорее всего об отсутствии однозначного преимущества какого-либо из них. Забегая вперед, отметим, что в последнее время получает все большее распространение ситуационный подход, интегрирующий достоинства обоих методов. Тем не менее рассмотрим механизм выработки управленческих решений, базирующийся на рациональном анализе информации и тщательном продумывании альтернатив. Он должен включать в себя следующие взаимосвязанные этапы:

- сбор, обработка и анализ информации;
- выявление и четкое формулирование проблем (несоответствия, противоречия, диспропорции) и их оценка ;

- обоснование направлений воздействия, постановка конкретных целей и задач, выявление реальных возможностей их достижения;
- разработка вариантов решения, отсеивая явно нерациональные;
- определение количественных значений показателей, характеризующих варианты в зависимости от обстановки;
- сравнение альтернатив (вариантов) по показателям, отбор наиболее предпочтительных;
- анализ ожидаемых результатов и возможных последствий реализации альтернатив;
- выбор альтернативы, в наибольшей степени соответствующей поставленным задачам и целям.

Информация, используемая для выработки решений, должна быть достоверной, достаточно сжатой, легко воспроизводимой, своевременной и оперативной.

При решении сложных управленческих проблем руководитель обязан уяснить:

- правильно ли выбрана система, в рамках которой может быть решена проблема;
- верно ли определено то, что должно быть изменено в системе (цели, функции, методы);
- какие изменения могут возникнуть в подсистемах в результате решения проблемы и к чему они могут привести;
- какие решения диктует анализ ситуации;
- чего можно достичь путем расчленения сложных задач на более простые.

Учитывая, что значительное число управленческих решений принимается в ситуации неопределенности, когда действия руководителя порождают множество частных, труднопредсказуемых исходов, необходимо использовать заключения экспертов, имеющих опыт решения близких проблем, совещаний руководителей, выражающих мнения всех подразделений, опираясь на интуитивный подход. Как видим, опять возникает проблема недостаточности одного лишь рационального подхода. В связи с этим рассмотрим детальнее, в чем же состоит специфика интуитивного принятия управленческих решений. Понять механизм интуитивного решения нам помогут результаты исследования нобелевского лауреата в области "искусственного интеллекта" Герберта Саймона². Согласно его исследованиям, в краткосрочной памяти мы можем удерживать, ничего не забывая, самое большее шесть или семь групп данных. Но мир деятельности менеджера – это десятки решений, принимаемых в условиях огромного количества рассеянной информации и постоянно возрастающего фактора неопределенности.

Изучение Г. Саймоном деятельности шахматистов дало интересную пищу для размышлений. Оказалось, что лучшие гроссмейстеры после десятисекундного просмотра партий, где оставалось по 20 фигур, впоследствии могли точно воспроизвести по памяти их положение на доске. Когда же подобному испытанию подвергли шахматистов на уровне мастеров, результаты оказались несколько худшими. И тем не менее эти эксперименты совершенно не согласовывались с известной теорией краткосрочной памяти. Трудность разрешения возникшего "противоречия" заключалась в следующем: ни мастера, ни лучшие гроссмейстеры не могли вспомнить расположение фигур на доске, когда они расставлялись случайно, а не в реально играющихся партиях. Объяснение этому было найдено позже. Оказалось, что лучшие гроссмейстеры имеют гораздо более развитую долгосрочную память, которая принимает форму подсознательно запоминаемых стереотипов или того, что Саймон назвал "шахматными словарями". Если игрок-мастер имеет словарь около двух тысяч стереотипов, то лучшие гроссмейстеры около 50 тысяч. Выяснилось, что шахматисты пользуются мышлением типа дерева решений в очень ограниченном смысле, т.е. редко имеют схематичное представление о проблеме принятия решений. Они, как правило, начинают перебирать следующие стереотипные конструкции: встречал ли я это раньше? в каком контексте? что работало прежде?

Выводы Г. Саймона оказались универсальными. Так, признаком профессионализма в любой отрасли является богатый словарь стереотипов, сформировавшийся на основе длительного формального образования, и особенно практического опыта. Все профессионалы закрепляют в памяти свои словари стереотипов, функционирующие по схеме, аналогичной рассуждениям шахматистов.

Вот почему опытный руководитель, обладающий развитым профессиональным чутьем и богатым словарем стереотипов, практически мгновенно решает сложные проблемы. Он поступает так или иначе, руководствуясь особенностями конкретной ситуации и понимая всю сложность и неоднозначность внешних и внутренних переменных, способных изменить обстановку. Он рискует, опираясь на опыт, знания, интуицию. Именно эта триада позволяет рассчитывать на успех.

Назовем еще один современный метод принятия управленческих решений, в основе которого лежит использование банка данных о всех эффективных тактических и стратегических решениях организации со времени ее возникновения. Компьютерное обеспечение позволяет быстро проанализировать и отобрать оптимальные решения, сузив тем самым коридор поисков. Одновременно формируется многоуровневая модель оптимальных подходов к управлению ресурсами, что позволяет четко формулировать стратегические цели и задачи развития организации (предприятия, учреждения).

По мере усложнения рыночной инфраструктуры и нарастания потока информации как основного сырья и конечного продукта современного производства в управлении начинают превалировать "скоростные", масштабные методы решения проблем. Речь идет о своеобразном сочетании интуитивных механизмов и компьютерного обеспечения при реализации проблем со многими неизвестными, когда последствия решений трудно предсказуемы.

¹ См.: Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992. С.44.

² См.: Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникации в организациях. М., 1980. С.112.

Н.В. ЧЕРЧЕНКО, А.В. ПЕТРАШЕВСКАЯ

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В настоящее время Республика Беларусь поставлена, в сущности, перед исторической дилеммой: либо оказаться на обочине мирового экономического развития, либо "повторить" путь таких новых индустриальных стран, как Южная Корея или Тайвань, и за сравнительно короткий исторический период превратиться в одну из передовых высокотехнологичных и конкурентоспособных "малых держав".

Решение дилеммы объективно предопределено, как минимум, двумя фундаментальными обстоятельствами. Так, с одной стороны, почти все основные фонды белорусской промышленности морально и физически устарели. Капиталовложения в народное хозяйство в 1995 г. по сравнению с 1990 г. сократились в 6 раз, в наукоемкой отрасли промышленности – в 30 раз.¹

Без качественного обновления основных фондов и реструктуризации отечественного производства, естественно, выпуск конкурентоспособной на мировых рынках продукции практически невозможен. Однако внутренние источники инвестиций в реконструкцию и оздоровление производства могут удовлетворить лишь малую часть его потребностей, а прямые инвестиции в модернизацию уже существующих предприятий, как правило, ориентируются на то, чтобы освоить сборку зарубежной техники, изготовление отдельных узлов и деталей для нее.

С другой стороны, в современных условиях Республика Беларусь обладает благоприятными объективными предпосылками для ускоренного индустриального развития. В их числе высокий уровень фундаментальной и прикладной науки, квалификации научных, научно-технических, инженерных и рабочих кадров. По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь, численность работников основной научно-технической деятельности в 1995 году составила 39,3 тысяч человек, в том числе 712 докторов наук, 4405 кандидатов наук. Из них специалистов, выполнявших научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы, – 26902 человека, в том числе 712 докторов наук и 4403 кандидата наук.²

Кроме того, геополитическое положение Беларуси выгодно отличается как своей близостью к европейским научным и промышленным центрам и достаточно развитыми транспортными инфраструктурами, так и связями с обширными рынками стран СНГ, прежде всего России, а также с российской и украинской наукой и индустрией.

И, наконец, положительным фактором является компактность территории нашей республики, наличие в ней исторически сложившихся и неразрывно взаимосвязанных научно-технических и индустриально развитых центров.

Как показывает мировой опыт второй половины XX в., эффективным орудием технико-технического и технико-технологического прогресса является создание технопарков, технополисов и других разновидностей зон новой

и высокой технологии со статусом (как правило, "точечных" или локальных) экономических зон. Например, в американской экономике это "Силиконовая долина" и десятки других зон высокой технологии, в Японии – свыше 20 технополисов, в Китае основу научно-технического подъема страны ныне создают более 50 зон развития новой и высокой технологии, главными из которых выступают "Шэньчжэнь" и Пекинский технопарк.

Очевидно, что в экономике, управлении и укладе жизни стран СНГ происходят глобальные изменения, обусловленные отказом от административно-командной модели экономики и формированием рыночной. Этот процесс в различных постсоциалистических странах имеет свои особенности. Так, в Республике Беларусь изменения охватывают: отношения собственности (разгосударствление предприятий и организаций, акционирование, приватизация и др.), методы и средства управления; достижение рыночного равновесия; организационные формы бизнеса; структурную перестройку производства, "подстраивающегося" под рынок.

Проблемы, возникающие в связи с этими изменениями, усложняются по мере либерализации внешнеэкономической деятельности и нередко вызывают противоречия в системе экономических интересов. В масштабе государства при кризисном состоянии экономики оперативно решить все эти противоречия собственными усилиями не представляется возможным. Выход следует искать на региональном уровне: с одной стороны, там легче создать *механизм согласования интересов*, развивая внешнеэкономическую деятельность и совместное предпринимательство, а с другой, – менее рискован – переход страны к открытой для инофирм экономике отдельных районов (регионов). Предоставление некоторым регионам статуса свободной (специальной) экономической зоны (СЭЗ) с особыми условиями организации предпринимательства и ведения хозяйства позволит отработать механизмы разрешения противоречий и на макроуровне.

Выделим основные черты свободной зоны как *механизма согласования интересов*. Для этого рассмотрим систему экономических интересов субъектов (участников) совместного предпринимательства: инвесторов и государства.

Мотивация инвестирования частного капитала в менее развитые страны охватывает: стремление овладеть частью рынка в принимающей стране; снижение издержек производства на одном из этапов производственного цикла (например, за счет привлечения дешевой рабочей силы); перенос устаревающих технологий за рубеж с целью продления их жизненного цикла; возможность доступа к местным научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам в передовых отраслях национальной экономики; наличие уникальных ископаемых и других природных ресурсов.

Особо отметим, что основной побудительной причиной инвестирования капитала является перенос стареющих технологий за рубеж и высокий спрос данного рынка на продукцию, которая в достаточном количестве имеется на мировом рынке.

Для зарубежных фирм необходима система гарантий по репатриации прибыли, ее свободной конвертации в валюту и комплекс налоговых льгот. Инофирмы тяготеют прежде всего к сфере посреднических, консалтинговых и инжиниринговых услуг, в которые не нужно вкладывать большие инвестиции. Эта сфера не только быстроокупаемая, но и позволяет получать реальную информацию о состоянии местной экономики. И только там, где сложилось стабильное политико-экономическое положение и устоявшееся законодательство, транснациональные корпорации начинают уделять все больше внимания производству.

Государство заинтересовано в совместном предпринимательстве, так как оно позволяет: привлечь иностранный капитал в свою экономику, расширить экспортные возможности, ускорить освоение новой техники и новых технологий.

К тому же в условиях Беларуси иностранные инвестиции содействуют ускорению социально-экономического развития территорий; созданию усло-

вий для обеспечения населения продовольствием, жильем, медицинскими услугами, развитию образования и культуры; развитию отсталых районов; повышению занятости населения и подготовке квалифицированных кадров; росту доходов граждан; улучшению структуры общественного производства; повышению качества социальных услуг; внедрению эффективных методов управления и повышению роли территориальных органов в управлении хозяйством (в том числе социальной сферы); высокому социально-инфраструктурному обустройству территорий.

В числе специфических социальных задач, которые предполагается решить в республике на основе развития СЭЗ, выделяются: 1) снижение уровня безработицы; 2) расширение пожертвований на благотворительные цели; 3) охрана окружающей среды и снижение вредного технологического воздействия на природу; 4) создание предпосылок для приумножения культурно-исторических традиций путем организации охраны и восстановления памятников культуры, развития инфраструктуры туризма.

Названные социальные задачи отражают, по существу, прогнозируемые социальные последствия, вернее, позитивные составляющие таких последствий.

Анализ тенденций развития СЭЗ за рубежом показывает, что они наряду с положительными результатами порождают и негативные последствия. Поэтому государство и местные органы должны предпринимать действенные меры по предотвращению и устранению негативных последствий. Из числа негативных моментов социального характера, возникновение которых выявила практика развития некоторых СЭЗ за рубежом, что необходимо учитывать и у нас, можно выделить: обострение социальной напряженности в стране; усиление диспропорций территориального развития страны; злоупотребление статусом СЭЗ, спекулятивные операции, в том числе спекуляции валютой; углубление социально-экономических диспропорций внутри СЭЗ; рост инфляции и удорожание стоимости жизни, социальные осложнения, вызванные банкротством предприятий, ростом цен, безработицей, оживлением теневой экономики; рост недовольства населения других частей страны, вызванный тем, что в "избранных" районах созданы более благоприятные социально-экономические условия.

В связи с этим направленность социальной политики государства при создании и развитии СЭЗ можно охарактеризовать как максимизацию их позитивных и минимизацию негативных социальных последствий.

В настоящее время как в Республике Беларусь, так и на всем пространстве бывшего Советского Союза отношение к свободным зонам, как правило, двойственное, противоречивое. Одни исследователи видят в наличии СЭЗ на территории страны "панацею" от всех бед. Другие утверждают, что в этой форме происходит "продажа Родины", идет "ползучее" проникновение иностранного капитала в страну. Как представляется, и та, и другая точки зрения являются неверными, что присуще всем крайностям. По мнению авторов, специальные свободные экономические зоны призваны инициировать деловую и финансовую активность, в первую очередь внешних инвесторов в конкретном (как правило, экономически отсталом) регионе страны, и стать источником новых рабочих мест для местного населения. Ожидается, что по мере развития зоны будет происходить волнообразное распространение производственной, технологической, предпринимательской и финансовой активности на всю территорию государства. Другими словами, создание свободной зоны на территории нашего государства должно сыграть роль катализатора для отечественных и зарубежных инвесторов, вынуждая их по мере развития деловой активности в зоне размещать необходимые производственные мощности в иных, индустриально развитых регионах страны. При этом незыблемым должно оставаться единственное, принятое во всем мире право инвестора: *право репатриации прибыли* и, как следствие, отсутствие двойного налогообложения.

Итак, на территории Беларуси целесообразно создать несколько, жестко ограниченных размерами, геополитически правильно размещенных свободных экономических зон ("анклавов"). При этом целесообразно выделить *приоритетные отрасли*, являющиеся *стратегически важными* для Республики, определить *конкретные предприятия*, на которые будет распространяться государственный протекционизм, обеспечивающий в итоге выпуск *конкурентоспособной на мировом рынке продукции*.

Одной из наиболее приемлемых протекционистских способов для Республики Беларусь можно считать разрешение создавать **свободные точечные зоны (СТЗ)** на отдельных предприятиях. СТЗ предполагает льготное налогообложение предприятия или полное освобождение его от налогов на какой-то промежуток времени, что, естественно, должно отразиться на цене изделия. Это тем более важно, если конечное изделие данного предприятия является комплектующим для продукции другого предприятия. Создав СТЗ на одном или нескольких технологических переделах, можно при исключении двойного налогообложения добиться в процессе производства существенного снижения цены на конечную продукцию, что сделает ее конкурентоспособной на внешнем и внутреннем рынках.

Указ Президента РБ № 114 от 20 марта 1996 г. "О свободных экономических зонах на территории Республики Беларусь" дал импульс проектированию СЭЗ на территории страны. Специальные свободные экономические зоны создаются с целью "обеспечения благоприятных условий экономического развития регионов РБ, привлечения зарубежных инвестиций, создания новых рабочих мест, ускорения научно-технического прогресса, развития торгово-экономического сотрудничества с другими государствами. В СЭЗ государство обеспечивает инвесторам защиту инвестиций, доходов и гарантирует беспрепятственное осуществление предусмотренных законодательством прав и свобод."³ Сегодня на территории Республики Беларусь уже создана и функционирует СЭЗ "Брест". Создание других специальных свободных экономических зон, в том числе и в регионе Минска, находится на стадии проектирования.

¹ См.: Программа социально-экономического развития Республики Беларусь до 2000 года. Мн., 1996. С.265.

² См.: Население Республики Беларусь: Статистический сборник. Мн., 1996. С.129,130.

³ См.: Сборник Указов Президента и Постановлений Кабинета Министров. №24. 20 марта 1996 года.

А.А.РАКОВЕЦ, М.Л.ЗЕЛЕНКЕВИЧ

РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В условиях перехода к рынку одной из важнейших является проблема достижения макроэкономической стабилизации экономики, направленной прежде всего на преодоление кредитно-денежной и налогово-бюджетной диспропорциональности. В экономической теории рассматриваются различные механизмы стабилизации (ортодоксальный, гетеродоксный), но при всем их различии одной из главных общих стабилизационных мер является формирование и развитие рынка ценных бумаг как составной части финансового рынка страны. Кроме того, рынок ценных бумаг наряду с кредитным и валютным является тем связующим звеном, которое соединяет рынок капитала и производство – фирмы, производящие национальный доход. Рынок ценных бумаг призван стабилизировать финансовое положение в отдельных фирмах, отраслях, регионах и в экономике в целом за счет оперативного перераспределения средств на те направления и объекты, где в них ощущается наибольшая потребность и ожидается наибольшая прибыль. Именно через рынок ценных бумаг идет основной поток инвестирования и формирование эффективной структуры экономики. В связи с этим важной теоретической и

практической задачей становится анализ современного состояния рынка ценных бумаг Республики Беларусь, выявление недостатков его функционирования и определение путей развития и совершенствования.

Наиболее крупным сегментом рынка ценных бумаг являются государственные краткосрочные облигации (ГКО). Начавшиеся в феврале 1994 г. выпуски ГКО министерства финансов, дополненные в июне 1995 г. краткосрочными обязательствами (КО) национального банка, заняли к настоящему времени достойное место среди других видов инвестиций. Первоначально все выпуски имели период погашения три месяца, но с марта 1995 г. стали выпускаться также и одномесечные облигации. В 1994 г. государственные ценные бумаги по прибыльности, как правило, не выдерживали конкуренции с такими видами финансовых вложений, как свободно конвертируемая валюта, коммерческие ценные бумаги и межбанковские кредиты. Так, в 1994 г. простая покупка долларов приносила 1445% годовых, а покупка марок – 1630%. В то же время покупка ГКО с инвестированием дохода обеспечивала максимум 792% годовых. Кроме того, отрицательно сказывалась и низкая активность на вторичном рынке национального банка и министерства финансов как гарантов ликвидности облигаций. Поэтому немногочисленные владельцы облигаций в основном держали их до погашения, будучи не в состоянии продать по приемлемой цене из-за низкой ликвидности. Начиная с августа 1995 г. министерство финансов и национальный банк предприняли энергичные меры, чтобы сократить денежную массу в обращении и покрыть 20% дефицита государственного бюджета путем выпуска ГКО. К концу 1995 г. произошёл некоторый рост активности инвесторов в сфере государственных ценных бумаг, наблюдалось и соответствующее оживление вторичного рынка. Все это – следствия стабилизации обменных курсов белорусского рубля к иностранным валютам, введения национальным банком положительных ставок рефинансирования и усиления ограничений на рынке межбанковских кредитов, а также повышения резервных требований к коммерческим банкам и роста доходности ГКО. В результате возросла популярность ГКО среди прочих финансовых вложений. Так, с момента первого выпуска ГКО (март 1994 г.) по октябрь 1995 г. относительно доходными (при темпе инфляции 40,2 раза) оказались инвестиции в коммерческие бумаги (в межбанковские кредиты) – темп роста капитала составил 27,17 раза; вложения в ГКО обеспечивали рост максимум в 24,8 раза и только на последующих местах оказались немецкая марка (14,67) и доллар США (12,6 раза). Однако к началу 1996 г. доходность ГКО постепенно снизилась, отражая уменьшение ставок рефинансирования и соответствующее снижение рыночных ставок, как и стабильность национальной валюты. К началу 1997 г. министерством финансов было проведено 56 аукционов по размещению ГКО, объем эмиссии каждого выпуска составлял от 100 до 500 млрд бел. рублей, что в эквиваленте равнялось от 4 до 20 млн долларов США. Цель выпуска ГКО – покрытие дефицита государственного бюджета и привлечение средств, необходимых для погашения предыдущих выпусков. К настоящему времени доходность размещаемых выпусков составляет 40–42% годовых для шестимесячных выпусков и 43% – для годовых бумаг. Среднедневной оборот ГКО на вторичном рынке составляет 180–200 млрд бел. рублей. Национальный банк выпускает собственные ценные бумаги – краткосрочные облигации (КО). Уже проведена эмиссия 17 выпусков, имеющих сроки обращения от двух недель до трех месяцев. Кроме того, министерство финансов планирует осуществить выпуск в обращение и погашение государственных долгосрочных облигаций с купонным доходом.

Сегмент муниципальных займов в Беларуси представлен облигациями первого минского целевого жилищного займа, данные облигации являются купонными и размещаются траншами в зависимости от потребности финансирования строительства жилых домов. Купонная ставка по муниципальным облигациям составляет 2/3 ставки рефинансирования Национального банка РБ, однако текущий объем проведенной эмиссии незначителен.

Развивающимся элементом на рынке ценных бумаг РБ является рынок акций приватизируемых предприятий. Процесс приватизации начался в республике в 1991 г., однако до 1993 г. она не имела законодательной базы и проводилась низкими темпами. В 1993 г. парламент и правительство РБ приняли закон "О разгосударствлении и приватизации государственной собственности", "Программу приватизации", в соответствии с которыми должны быть приватизированы 2/3 государственных фондов. Преобразование государственной собственности в негосударственную может происходить двумя способами: 1) преобразование государственных и арендных предприятий в открытые акционерные общества, 2) приватизация в форме передачи права собственности от государства частным лицам посредством: а) продажи через аукционы, б) продажи государственной доли акций приватизируемых предприятий, в) выкупа арендными предприятиями арендуемых фондов. Оплата приватизируемой собственности осуществляется в денежной форме и именными приватизационными чеками "Имущество", как правило, в равных долях.

Для содействия процессу приватизации и структурной перестройки экономики были созданы специализированные инвестиционные фонды (СИФ). Они аккумулируют приватизационные чеки, принимая их у населения в обмен на собственные акции, а затем инвестируют в приватизируемую собственность. По состоянию на 1 апреля 1995 г. работали 38 СИФов, однако с апреля 1995 г. деятельность СИФов была приостановлена из-за допускаявшихся ими нарушений законодательства РБ и возобновлена лишь в августе 1995 г. В 1996 г. продолжал деятельность всего 31 СИФ из 56, зарегистрированных в инспекции по ценным бумагам, в течение всего 1996 г. был образован только один инвестиционный фонд. СИФы практически не имели возможности работать, так как государство продавало на аукционах незначительное количество акций. Они попали в ситуацию, когда из-за заниженной рыночной цены чеков по отношению к их номинальной стоимости выгоднее приобретать чеки за деньги, а не в обмен на акции. Осуществляя эмиссии в обмен на чеки, акционерные общества теряют собственный капитал, поэтому некоторые инвестиционные фонды покупают чеки и акции за деньги. Крупнейшими инвестиционными фондами по размеру зарегистрированного уставного фонда на рынке Республики Беларусь являются: "Дайнова-Инвест" – 17,5 млрд руб., "Реформа-Траст" – 8,426 млрд руб., "Осмос-Инвест" – 5,332, "ПРИФ" – 3,922 млрд руб.

До середины 1996 г. приватизация объектов республиканской собственности была приостановлена, и только после внесения ряда изменений в законодательство началось их акционирование. Приватизация в республике имеет ярко выраженную отраслевую структуру. В наибольшей степени приватизирована лесная и деревообрабатывающая промышленность. Это объясняется тем, что Мировой банк реконструкции и развития еще в 1994 г. выделил кредит на необходимые для приватизации работы и развитие этих отраслей. В 1996 г. началась работа по акционированию предприятий концерна "Белнефтепродукт" и министерства транспорта. Приватизация стимулирована тем, что из-за особенностей оценки имущества акции многих предприятий такого типа дешевы и покупка их выгодна.

В отличие от России в Беларуси до сих пор приватизируются в основном предприятия небольших и средних размеров, а крупнейшие производства остаются государственными. Однако в 1996 г. начались подготовительные работы и на белорусских гигантах. К тому же и Россия требует акционирования предприятий типа "Белтрансгаз", объединения "Азот" (азотные удобрения) и ряда других, представляющих интерес для российского бизнеса. В 1997 г. намечено начать приватизацию Минского автозавода, телевизионного и тракторного заводов, нефтеперерабатывающих заводов. По планам мингосимущества в 1997 г. должно быть приватизировано больше предприятий, чем за все предшествующие годы.

В 1996 г. принадлежащие государству акции приватизируемых предприятий распродавались на денежных и чековых аукционах и конкурсах, в обмен на чеки "Имущество" через отделения сберегательного банка и членам трудовых коллективов АО. Отдельно шла приватизация предприятий пищевой промышленности, акционированных в 1996 г. Пакеты акций этих предприятий продаются в первую очередь производителям сельскохозяйственной продукции.

Объем продажи акций трудовым коллективам в 1996 г. резко сократился, так как цена акций рассчитывалась на основе оценки стоимости имущества АО по состоянию на 1 января 1996 г., которая чаще всего намного выше их рыночной цены.

На аукционах и конкурсах продавались акции предприятий, созданных в процессе первой волны приватизации 1994–1995 гг.

В 1996 г. был утвержден ряд документов, регламентирующих порядок проведения конкурсов и аукционов по продаже государственной собственности. Было разрешено снижать цену продажных объектов в случае отсутствия спроса на них. Это несколько оживило приватизацию, главным образом объектов коммунальной собственности.

В течение 1996 г. в Минске проведены три чековых аукциона. К участию в них были допущены только специализированные чековые инвестиционные фонды. Самыми заметными участниками аукционов оказались инвестиционные фонды, связанные с российским капиталом, – "Славнефть" и "Славянский союз". Увеличение обменного курса акций на приватизационные чеки на третьем аукционе до 2,8 раза по сравнению с 1,5 на двух первых аукционах объясняется тем, что в нем участвовали два крупных инвестиционных фонда Беларуси – "ПРИФ" и "Осмос-Инвест", которые получили возможность работать только накануне проведения третьего аукциона. В Гомеле и Бресте состоялись аукционы по продаже акций ряда крупных магазинов и предприятий пищевой промышленности. "За чеки" практически все акции были проданы, "за деньги" спросом пользовались только акции некоторых торговых предприятий (приобретение акций в обмен на чеки обходится примерно в 10 раз дешевле, чем их покупка по номинальной стоимости).

Вторичный рынок акций практически отсутствовал, несмотря на то, что некоторые компании пытались выставлять заявки на их покупку и продажу. Одна из причин такой пассивности – отсутствие в Беларуси крупных предприятий, которые осуществили бы эмиссии акций, способные насытить рынок. Подобную политику пытались проводить коммерческие банки, но в 1996 г. они от нее отказались из-за трудностей финансового характера.

Ко вторичному рынку можно отнести только скупку акций, обмениваемых на чеки "Имущество" в отделениях сберегательного банка, которую проводили несколько компаний по заказам в основном российских инвесторов.

Рост курса доллара, высокая инфляция и налогообложение доходов по акциям сделали практически невозможным привлечение капитала посредством размещения акций среди посторонних для эмитента физических и юридических лиц. Эмиссии проводились, как правило, когда уже были известны инвесторы, приобретающие пакеты акций.

На рынке ценных бумаг Беларуси обращаются также именные приватизационные чеки "Имущество". Со второй половины 1994 г. проводилась довольно активная торговля чеками, их курс (при номинале 2,5 тыс.руб.) повысился с тысячи рублей в конце 1994 г. до 1,6 тыс.руб. к концу 1995 г. В 1996 г. чеки у населения покупали по 1–2 тыс.руб. за штуку, а компании готовы были продавать пакеты чеков за 1–2,5 тыс.руб. за чек. Интерес к покупке чеков в начале 1996 г. практически отсутствовал. С началом акционирования предприятий в октябре 1996 г. отмечен рост курса чека до 3–5 тыс.руб. Однако здесь проявилось скорее ожидание роста цен, чем их реальный рост, так как объем сделок остался незначительным. К настоящему времени из 7,8 млн человек, имеющих право на получение чеков, обратились за начислением 5,8 млн человек.

Из-за задержки приватизации образовался дисбаланс между количеством чеков у населения и предприятий и стоимостью государственного имущества, которая предлагается в обмен на них. Стоимость чеков занижена. Скорее всего предложение и в дальнейшем будет незначительным, так как, согласно изменениям в законодательстве, Мингосимущество РБ получило право выбирать, какие предприятия приватизировать за чеки, а какие за деньги. В составленном в начале 1997 г. списке предприятий, акции которых по решению мингосимущества полностью или частично будут обмениваться на приватизационные чеки, практически нет перспективных предприятий. Тем не менее в настоящее время цена приватизационных чеков уже преодолела минимальный уровень, и они могли бы стать в будущем самым доходным вложением средств.

Вексельное обращение на рынке ценных бумаг республики развивается слабо. С 1996 г. практически прекратилось использование векселя как средства обналичивания, и он стал применяться как долговое обязательство. Банковские векселя распространения не получили, и единственная схема развязки неплатежей основана на товарных векселях субъектов хозяйствования. Сумма неплатежей, "развязанных" с помощью вексельной программы в городе Минске за 1996 г., составила 1557 млрд руб., при этом векселедателями выступили 50 предприятий. Доля платежей векселями в городской бюджет за год составила примерно 200 млрд руб., что соответствует установленному ограничению в 5% городского бюджета.

Будущее вексельной программы не ясно, так как многие специалисты национального банка и министерства финансов выступают против нее на том основании, что выпускаются "квазиденьги", городской бюджет не получает реальных денег и т.п.

Таким образом, рынок ценных бумаг в Беларуси пока только формируется, что отрицательно сказывается на темпах роста финансовой сферы и экономики в целом. Теоретически доказано, что снижение инфляции и уменьшение давления денежной массы на экономику напрямую связано со степенью развития рынка государственных ценных бумаг. На российском рынке ценных бумаг с 1995 г. наряду с ГКО появился новый инструмент – облигации государственного сберегательного займа сроком на год. Развитие адекватного направления в Беларуси должно оживить интерес у белорусских и зарубежных инвесторов к рынку ценных бумаг, инфраструктуру которого и законодательную базу необходимо развивать и совершенствовать.

Е.С.ГАЛЕЦКАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА СЧЕТА ТЕКУЩИХ ОПЕРАЦИЙ ПЛАТЕЖНОГО БАЛАНСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одной из важнейших проблем экономики Беларуси является возрастание дефицита счета текущих операций платежного баланса. В связи с этим необходимо исследовать на белорусской практике зависимость сальдо текущего счета от движения капитала, а также рассмотреть возможность применения теории стадий платежного баланса к странам с неблагоприятным инвестиционным климатом.

Приток капитала в страну тесно связан с процессом ее экономического роста. Многие страны в начале этого процесса активно пользовались иностранными инвестициями, достигая преобладания внутренних инвестиций по сравнению с уровнем внутренних сбережений. Такого рода политика сопровождается дефицитом счета текущих операций платежного баланса, что, однако, не свидетельствует о глубоком экономическом кризисе. Теоретически можно предположить, что по мере экономического роста норма инвестирования значительно снизится, а уровень сбережений значительно возрастет, что приведет к исчезновению дефицита счета текущих операций.

Согласно такой логике, была создана общая теория жизненного цикла займов и выплат (теория стадий платежного баланса), которая до сегодня является предметом оживленных дискуссий. Чаще всего рассматривается шесть основных стадий платежного баланса, которые различаются по состоянию счета текущих операций (CA), торгового баланса (TB), баланса услуг (SA) и чистой позиции по иностранным инвестициям (NIIP). Для наглядности представим эти стадии в виде таблицы (см. табл.1).

Таблица 1

Стадии платежного баланса¹

Стадии	CA	TB	SA	NIIP
1.Юный дебитор-заемщик	-	-	-	-
2.Зрелый дебитор-заемщик	-	+	-	-
3.Дебитор одалживающий и дебитор выплачивающий	+	+	-	-
4.Юный кредитор	+	+	+	+
5.Зрелый кредитор	+	-	+	+
6.Кредитор и заемщик	-	-	+	+

В данной таблице отражены характеристики основных стадий платежного баланса. На первой стадии (юный дебитор-заемщик) страна привлекает иностранные займы и начинает аккумулировать долги – чистая позиция по иностранным инвестициям отрицательная. На второй стадии (зрелый дебитор-заемщик) экспорт страны уже превышает импорт, но она все еще остается чистым дебитором, и сальдо счета текущих операций является отрицательным. Другими словами, выплаты процентов по обслуживанию внешнего долга превышают положительный чистый экспорт, так как:

$$TB = X - IM = Q - Ad - IM = Q - A,$$

где X – экспорт, IM – импорт, Q – объем производства, A – объем поглощения, Ad – объем внутреннего поглощения (поглощение (A) – совокупные расходы внутренних резидентов и государства, которые распределяются между поглощением на базе внутренних товаров (Ad) и поглощением на базе импорта (IM));

$$CA = Y - A,$$

где Y – доход.

Разница между торговым балансом и сальдо текущих операций даст нам величину чистой позиции по иностранным инвестициям (NIIP). При обычных обстоятельствах величина NIIP, которая в данной теории рассматривается как выплата процентов на зарубежные чистые активы, незначительна относительно торгового баланса. Однако если доходы от зарубежных чистых активов сравнительно высоки, то складывается ситуация, присущая второй стадии платежного баланса, когда при пассивном сальдо текущих операций наблюдается активное сальдо торгового баланса.

Рассмотрим остальные стадии. На третьей стадии (дебитор одалживающий и дебитор выплачивающий) сальдо счета текущих операций становится активным, однако страна все еще является дебитором: чистая позиция по иностранным инвестициям отрицательная. На четвертой стадии (юный кредитор) положительный чистый экспорт становится достаточно велик, страна достигает положительной величины NIIP и становится кредитором. Пятая стадия (зрелый кредитор) характеризуется тем, что страна использует средства, полученные от положительного сальдо иностранных инвестиций и чистый экспорт опять становится отрицательным (т.е. наблюдается дефицит торгового баланса). На последней, 6-й, стадии (кредитор и заемщик) дефицит торгового баланса начинает превышать положительное сальдо баланса услуг и счет текущих операций сводится с дефицитом, при этом страна остается кредитором – чистая позиция по иностранным инвестициям положительная.

Теория, согласно которой жизненные циклы займов и выплат являются долгосрочными, хорошо подтверждается практикой развития США за сто

лет – начиная с 1870 г. Однако вопрос об общей применимости теории остается дискуссионным.

Анализ экономического развития Беларуси и счета текущих операций за последние пять лет позволяет отнести положение страны к стадии юного дебитора-заемщика, который финансирует свое будущее экономическое благополучие. Для убедительности рассмотрим счет текущих операций, торговый баланс и чистую позицию по иностранным инвестициям в Республике Беларусь за период 1992–1996 гг. (см. табл.2).

Таблица 2

Счет текущих операций РБ (млн USD)

Годы	СА	ТВ	НИИР
1992	131,0	43,1	-3,2
1993	-403,9	-504,5	-7,4
1994	-505,7	-556,3	-27,9
1995	-373,7	-659,7	-54,4
1996*	-821,0	-1387,3	-113,0

* – оценочные данные

В таблице отражено возрастание дефицита счета текущих операций и дефицита торгового баланса (особенно значительное – более чем в 2 раза – в 1996 году), а также увеличение процентных выплат по внешнему долгу. Однако заметим, что величина выплат по долгу на порядок меньше, чем дефицит торгового баланса.

Итак, формально статистика действительно свидетельствует о том, что экономика страны переживает первую стадию платежного баланса. Однако, проанализировав величину отрицательных значений торгового баланса (ТВ) и чистой позиции по инвестициям (НИИР), обнаруживаем, что дефицит счета текущих операций обусловлен в большей степени превышением импорта над экспортом, нежели иными причинами. Следовательно, данный дефицит следует объяснять непоследовательной валютной и торговой политикой, а не значительными внешними инвестициями. Пугающий же рост пассивного сальдо текущего счета свидетельствует не об аккумулировании внешних долгов, а о вымывании внутренних резервов иностранной валюты.

Исходя из вышесказанного, данная ситуация четырехлетнего роста дефицита текущего счета никак не предполагает перехода в обозримом будущем к следующим стадиям платежного баланса и не свидетельствует о притоке в страну капитала для финансирования экономического роста республики.

¹ Jeffrey D. Sachs, Felipe Larrain B. "Macroeconomics In The Global Economy", New York, 1993. P.575.

Е.Б.ЛЕАНОВИЧ

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО ВОПРОСАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Международное сотрудничество по вопросам интеллектуальной собственности является очень специфической и сложной областью межгосударственного общения. Его систему составляют международные соглашения и международные организации, созданные для обеспечения соблюдения их положений.

Организационной основой осуществления и развития международного сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности являются универсальные и региональные международные организации, главной из которых является Всемирная Организация Интеллектуальной собственности (ВОИС). Эта международная организация обладает статусом специализированного учреждения ООН и отвечает за осуществление международного сотрудничества по всем многочисленным проблемам интеллектуальной собственности. Остальные международные организации, занимающиеся интеллектуальной собственностью, рассматривают только ее отдельные проблемы. В частности, к компетенции ЮНЕСКО относятся вопросы авторского права, МОТ – охрана интересов субъектов смежных прав, ЮНКТАД и ЮНИДО – некоторые аспекты промышленной собственности. Всемирная Торговая Организация (ВТО – новая международная организация, созданная на основе ГАТТ – Генерального соглашения по тарифам и торговле), хотя и рассматривает неограниченное количество проблем интеллектуальной собственности, но только применительно к международным торговым отношениям. Деятельность региональных организаций по вопросам интеллектуальной собственности, как правило, ограничена проблемами промышленной собственности, поскольку основной причиной создания таких организаций является межправительственная патентная кооперация для облегчения процедуры предоставления и поддержания прав на патенты и другие охраняемые документы. К таким региональным организациям относятся, в частности, Европейская Патентная Организация (ЕПО) и Евразийская Патентная Организация (ЕАПО).

Республика Беларусь участвует в различных формах международного сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности как на универсальном, так и на региональном уровнях (в рамках СНГ). В частности, Республика Беларусь является членом ВОИС и участвует в нескольких международных соглашениях, находящихся в ведении этой организации. К этим соглашениям относятся: Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.), Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886 г.), Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (1891 г.), Договор о патентной кооперации (1970 г.) и Найробский договор об охране олимпийского символа (1981 г.)¹. Республика

Беларусь заявила также о правопреемстве в отношении Всемирной конвенции об авторском праве 1952 г.²

Можно назвать и ряд других соглашений универсального характера, к которым наша республика присоединилась, но они для нее еще не вступили в силу, и соглашений, к которым Беларусь собирается присоединиться. Так, республикой подписан, но еще не вступил в силу Договор о законах по товарным знакам (1994 г.)³. Кроме того, Республика Беларусь участвует в разработке проектов следующих соглашений: Договора по урегулированию межгосударственных споров по вопросам интеллектуальной собственности, Договора о патентных законах, Договора по авторскому праву и Договора по исполнению и фонограммам⁴. Возможно, после принятия текстов этих соглашений Республика Беларусь присоединится к ним.

Помимо новых соглашений Беларуси было бы целесообразно присоединиться к международным соглашениям, которые закладывают основы сотрудничества в области интеллектуальной собственности и по своей значимости именуются "базовыми" или "основными"⁵. К таким соглашениям относятся: Римская конвенция об охране интересов исполнителей, производителей фонограмм и органов радио и телевидения (1961 г.), Международная конвенция об охране селекционных достижений (1961 г.), так называемая Конвенция ЮПОВ и Вашингтонский договор об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем (1989 г.).

Расширению форм участия Республики Беларусь в международном сотрудничестве на универсальной основе будут содействовать вступление в ВТО и присоединение к Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). С 1992 г. Республика Беларусь имеет статус наблюдателя при ГАТТ, который после создания ВТО в 1994 г. был преобразован в статус наблюдателя при этой организации. В 1995 г. Генеральному директору ВТО вручен Меморандум о торговом режиме Республики Беларусь и начат переговорный процесс о вступлении в члены этой организации. В ходе дискуссии по Меморандуму был поднят вопрос о необходимости пересмотра ряда наших законодательных актов, в том числе и по интеллектуальной собственности. В соответствии со ст.П.2 Соглашения, учреждающего ВТО, членство в этой организации обусловлено присоединением к ТРИПС⁶. Поэтому Республика Беларусь должна гарантировать охрану прав интеллектуальной собственности с учетом требований этого соглашения.

Среди региональных форм сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности для Республики Беларусь важное значение имеет сотрудничество в рамках СНГ. Республика Беларусь участвует в Евразийской патентной конвенции (1994 г.) и является членом ЕАПО⁷. Кроме того, Беларусь участвует в Соглашении о сотрудничестве в области авторского права и смежных прав (1993 г.)⁸.

Проблемы интеллектуальной собственности регулируются также специальными двусторонними соглашениями. Например, в 1993 г. Республика Беларусь заключила двусторонние соглашения с Украиной и Российской Федерацией о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности. Кроме того, положения по вопросам интеллектуальной собственности включаются в двусторонние соглашения республики с разными государствами о торгово-экономическом сотрудничестве, об избежании двойного налогообложения и о содействии и взаимной охране инвестиций.

Как видим, система международного сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности многоаспектна. Однако чем разнообразнее формы участия в международном сотрудничестве, тем разнообразнее и международные обязательства, возникающие в результате этого. Наиболее важные международные обязательства Республики Беларусь в области интеллектуальной собственности применительно к национальному законодательству заключаются, во-первых, в обеспечении необходимого уровня охраны интеллектуальной собственности, во-вторых, в охране прав иностранцев.

Белорусское законодательство по вопросам интеллектуальной собственности довольно обширно. К этой сфере относятся следующие законы: "О патентах на изобретения и полезные модели", "О патентах на промышленные образцы", "О товарных знаках и знаках обслуживания", "О патентах на сорта растений", "Об авторском праве и смежных правах". Положения об интеллектуальной собственности содержатся также в Гражданском кодексе, Уголовном кодексе, Кодексе об административных правонарушениях и в некоторых законах по иным проблемам, например в законе "О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции", законе "О рекламе", законе "О семенах" и законе "О научной деятельности". Вопросы интеллектуальной собственности регулируются также рядом нормативных актов правительства. Наиболее важные из них: постановления Совета Министров "Об утверждении Положения о коммерческой тайне", "Об утверждении Временного положения о патентных поверенных", "О регистрации лицензионных договоров и договоров об уступке прав на патенты (удостоверения)", постановления Кабинета Министров "О мерах по реализации Закона Республики Беларусь "О патентах на сорта растений" и "Об утверждении Положения о патентных пошлинах и сборах".

Названные нормативные акты учитывают международные обязательства Республики Беларусь, закрепленные международными соглашениями, однако расширение форм участия Республики Беларусь в международном сотрудничестве по вопросам интеллектуальной собственности потребует совершенствования национального законодательства. Так, предстоящее присоединение республики к Римской конвенции, Конвенции ЮПОВ, Вашингтонскому договору и ТРИПС обязывает внести изменения в белорусское законодательство.

Закон Республики Беларусь "Об авторском праве и смежных правах" содержит положения, в целом соответствующие требованиям Римской конвенции. Необходимость присоединения к этой конвенции признана республикой уже давно. В частности, согласно ст.3 Соглашения о сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав, государства-участники должны принять законы на уровне требований Римской конвенции.

Закон "Об авторском праве и смежных правах" Республики Беларусь учитывает требования Римской конвенции по составу смежных прав, пределам их ограничений и срокам охраны, а также содержит положения, учитывающие тенденции международного сотрудничества на повышение стандартов охраны. В частности, в соответствии с этим законом охраняется право на вознаграждение в случае воспроизведения произведения, зафиксированного на фонограмме в личных целях (ст. 17), которое относится как к авторским, так и смежным правам; существенно продлены сроки охраны смежных прав по сравнению с Римской конвенцией (ст.37), а также установлена охрана прав производителей фонограмм на уровне требований Женевской конвенции об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизведения их фонограмм (1971 г.), в которой были пересмотрены соответствующие положения Римской конвенции (ст.31 закона)¹⁰. Таким образом, уровень охраны смежных прав по закону "Об авторском праве и смежных правах" позволяет Беларуси присоединиться не только к Римской и Женевской конвенциям, но и к соглашениям, которые могут быть приняты в качестве дополнения и развития их положений. Если же сопоставить положения белорусского закона "Об авторском праве и смежных правах" с требованиями ТРИПС в отношении смежных прав (п.4 ст.14 соглашения), то в случае присоединения к нему потребуются дополнить смежные права правом производителя фонограммы сдавать ее во временное пользование (прокат)¹¹.

Конвенция ЮПОВ посвящена охране сортов растений – объекта интеллектуальной собственности, который, как правило, не охраняется по законам о патентах на изобретения и в отношении которого создается особый правовой режим. Закон Республики Беларусь "О патентах на сорта растений" разработан с учетом положений этой конвенции и полностью соответствует

ее требованиям в отношении условий патентоспособности сортов растений, перечня прав селекционера и сроков их охраны. Кроме того, ст.ст.12 и 38 этого закона сформулированы с учетом перспективы присоединения Республики Беларусь к Конвенции ЮПОВ.

Основное же изменение, которое должно претерпеть законодательство Республики Беларусь в случае присоединения к Конвенции ЮПОВ, касается числа охраняемых видов растений. По постановлению Кабинета Министров "О мерах по реализации Закона Республики Беларусь "О патентах на сорта растений" в нашей республике охраняются восемь видов растений, сорта которых могут быть запатентованы: картофель, люпин желтый, люпин узколистный, пшеница мягкая, ячмень, горох посевной и клевер луговой, тогда как, согласно ст.3 Конвенции ЮПОВ, государства-участники должны охранять не менее пятнадцати родов или видов растений¹². ТРИПС не содержит положений об особенностях правового режима охраны сортов растений. Единственное упоминание об этом объекте интеллектуальной собственности содержится в ст.27, в соответствии с которой государства-участники должны охранять сорта растений либо по патентным законам, либо по законам *suí generis*. Следовательно, белорусский закон "О патентах на сорта растений" удовлетворяет требованиям ТРИПС.

Обязательства охранять такой объект интеллектуальной собственности, как топологии интегральных микросхем, вытекает из Вашингтонского договора и положений ТРИПС, хотя международно-правовые стандарты правового режима охраны недостаточно четко определены. Вашингтонский договор содержит перечень действий, которые запрещено осуществлять без разрешения уполномоченного лица, устанавливает основания для выдачи принудительной лицензии и минимальные сроки охраны¹³. ТРИПС дополняет эти требования ситуациями, которые не нарушают права интеллектуальной собственности на топологию, а также продлевает сроки охраны, установленные Вашингтонским договором. Таким образом, ни Вашингтонский договор, ни ТРИПС не конкретизируют основания для предоставления правовой охраны, оставляя на усмотрение государств-участников вопрос о необходимости регистрации топологий. В Республике Беларусь топологии интегральных микросхем охраняются законом "Об авторском праве и смежных правах" как научные произведения (ст.6)¹⁴. Следовательно, на топологии интегральных микросхем должны распространяться авторские права, и срок их охраны должен быть таким же, как и для остальных произведений (пятьдесят лет после смерти автора) – ст.21 закона. Кроме того, поскольку в Республике Беларусь авторские права охраняются без выполнения каких-либо формальностей, то регистрация топологий интегральных микросхем не является условием предоставления охраны (ст.8 закона). В целом охрана топологий интегральных микросхем по закону "Об авторском праве и смежных правах" отвечает требованиям Вашингтонского договора и положениям ТРИПС. Однако, на наш взгляд, такой подход к решению проблем правового регулирования этого объекта интеллектуальной собственности не совместим с задачами экономического развития Республики Беларусь и повышения ее научно-технического потенциала, поскольку слишком высокие стандарты охраны прав интеллектуальной собственности ограничивают доступ к информации. В частности, белорусские сроки охраны значительно превышают требования международных соглашений. В соответствии со ст.38 ТРИПС, топологии интегральных микросхем должны охраняться в течение десяти лет с даты подачи заявки на регистрацию, а если регистрация не требуется, то в течение того же срока с даты первой коммерческой эксплуатации, либо в течение пятнадцати лет после создания топологии. Государства-участники ТРИПС могут выбрать один из этих трех вариантов. В других государствах топологии интегральных микросхем обычно охраняются законами о промышленной собственности, что подразумевает необходимость соответствия топологии определенным критериям охраноспособности и осуществления регистрации для предоставления охраны. Такой подход представляется более целесообразным, чем авторско-правовая охрана.

Закон Республики Беларусь "О товарных знаках и знаках обслуживания" в основном соответствует требованиям ТРИПС, однако присоединение к ТРИПС потребует некоторой конкретизации его положений. В соответствии с п.1 ст.16 ТРИПС владелец охраняемого знака должен иметь право запрещать использование не только зарегистрированных знаков для товаров и услуг, для которых была произведена регистрация, но и использование схожих знаков для схожих товаров и услуг. Большое значение уделено вопросам охраны общеизвестных знаков. В отличие от ст.6bis Парижской конвенции положения ТРИПС прямо устанавливают критерий для отнесения знака к общеизвестному. Согласно п.2 ст.16, в регистрации знака должно быть отказано, а регистрация должна быть признана недействительной, если этот знак пользуется известностью у отдельной части общества (группы потребителей) в результате размещения товаров или услуг, маркируемых им, или их рекламы на национальном рынке. Кроме того, ТРИПС значительно расширяет права владельцев общеизвестных знаков. В соответствии с п.3 ст.16, общеизвестный знак не должен использоваться не только в отношении товаров или услуг, идентичных или схожих с товарами или услугами, для которых этот знак был зарегистрирован, но и для других товаров или услуг, если такое использование позволит сделать вывод о наличии связи между товарами или услугами и владельцем знака, а его интересы в таком случае будут ущемлены. Соответствующие дополнения потребуются внести в законодательство Республики Беларусь.

ТРИПС регулирует также вопросы охраны такого объекта интеллектуальной собственности, как географические указания. Следует отметить, что в Республике Беларусь нет специального нормативного акта, посвященного этой проблеме, и в данном случае можно говорить не об изменении национального законодательства, а о создании правового режима охраны этого объекта интеллектуальной собственности. Статья 22 ТРИПС содержит основные требования охраны. Под географическими указаниями подразумеваются указания, идентифицирующие товар как происходящий с определенной территории, если качество, репутация или другие характеристики товара определяются географическим происхождением. Государства-участники ТРИПС должны охранять право заинтересованных лиц запрещать использование любых средств обозначения или представления товара, которые вводят потребителя в заблуждение относительно подлинного места происхождения товара, а также любое использование географических указаний, которые являются актом недобросовестной конкуренции. В ст.23 ТРИПС уточняются требования охраны географических указаний для вин и спиртных напитков. В частности, должны быть запрещены ложные географические указания, даже если они сопровождаются децентрализирующими выражениями "тип", "вид", "стиль", а также переводятся с языка оригинала. Для реализации положений ТРИПС в отношении охраны географических указаний потребуются принятие специального закона.

Большое значение в ТРИПС уделено вопросам пресечения недобросовестной конкуренции, которую иногда относят к объектам промышленной собственности, хотя пресечение недобросовестной конкуренции – это та основа, на которой базируется вся правовая конструкция интеллектуальной собственности. ТРИПС требует охранять конфиденциальность информации. В 1992 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь было утверждено "Положение о коммерческой тайне", которое регулирует вопросы охраны конфиденциальной информации¹⁵. Этот нормативный акт соответствует положениям ст.39 ТРИПС, однако присоединение к этому соглашению потребовало бы законодательно урегулировать вопросы предотвращения раскрытия, приобретения или использования конфиденциальной информации, находящейся на законных основаниях в ведении физических или юридических лиц, без их согласия способами, противоречащими честной деловой практике. ТРИПС учитывает и другие ситуации недобросовестной конкуренции, поскольку лицо, обладающее правами интеллектуальной собственности,

может злоупотреблять ими и ограничивать тем самым свободу конкуренции. Согласно ст.40 ТРИПС, государства-участники признают, что положения лицензионных соглашений могут носить ограничительный характер. К таким положениям относится требование возврата улучшений и достижений, полученных в ходе использования лицензированного объекта интеллектуальной собственности. Принудительное включение в лицензионное соглашение обязательств лицензиата, не имеющих отношения к лицензируемому объекту интеллектуальной собственности, также может ограничивать конкуренцию. ТРИПС не содержит строгих требований по введению в национальные законы государств-участников соответствующих положений, однако его рекомендательные положения следовало бы учесть в законодательстве Республики Беларусь и конкретизировать соответствующим образом положения закона "О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции", либо принять специальный закон о пресечении недобросовестной конкуренции.

Часть третья ТРИПС определяет обязанности государств-участников по обеспечению эффективных процедур и средств защиты в случае нарушения прав интеллектуальной собственности. Государства-участники не должны создавать специальные судебные системы для этого, вместе с тем механизмы гражданского, административного и уголовного производства подлежат совершенствованию. В принципе, положения Уголовного кодекса РБ (ст.138 и 152), Кодекса об административных правонарушениях (ст.167) и закона "Об авторском праве и смежных правах" (ст.ю38—40) отвечают требованиям ТРИПС. Однако в случае вступления Республики Беларусь в ВТО обязательства по ТРИПС потребуют не столько пересмотра соответствующего белорусского законодательства, сколько обеспечения его строгого соблюдения.

Наряду с необходимостью обеспечить в национальном законодательстве определенный уровень охраны прав интеллектуальной собственности, основу международного сотрудничества составляет также распространение национально-правовой охраны на иностранцев. Права на тот или иной объект интеллектуальной собственности признаются и действуют на территории того государства, где они возникли, и не имеют силы за его пределами. Территориальный характер прав интеллектуальной собственности снимается путем заключения международных соглашений. Поэтому после присоединения к Бернской конвенции, Римской конвенции, Вашингтонскому договору и ТРИПС у Республики Беларусь возникнут обязательства по искоренению практики "пиратства" прав интеллектуальной собственности граждан государств-участников этих соглашений. В частности, Республика Беларусь должна будет пресекать незаконные ввоз, распространение и использование объектов интеллектуальной собственности, на которые эти лица имеют права. С другой стороны, участие Республики Беларусь в международных соглашениях по вопросам интеллектуальной собственности обеспечит охрану прав белорусских граждан в других государствах.

Основной движущей силой процесса развития международного сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности является взаимная заинтересованность государств в обеспечении прав своих граждан. Поэтому расширение форм участия Республики Беларусь в этой области международного сотрудничества должно основываться на четком осознании потребностей страны в технических, научных и культурных достижениях и тех выгод, которые она получит в результате присоединения к международным соглашениям и членства в международных организациях по вопросам интеллектуальной собственности.

¹ СП РБ. 1993. №8. Ст.126, 132.

² Там же. №16. Ст.311.

³ Док. ВОИС. АВ/XXIX/2. Деятельность ВОИС в 1995 году: Отчет Генерального директора. С.117.

⁴ Там же. С.116, 122.

⁵ Там же. Общая информация. Женева, 1992. С.5.

⁶ См.: International Legal Materials. 1994. V.33. №4. P.1144.

⁷ См.: Ведомости ВС РБ. 1995. №28. Ст.364.

⁸ См.: Рэспубліка. 1993. 7 кастрычніка. С.2.

⁹ См.: Ведомости ВС РБ. 1992. №35. Ст.554.

¹⁰ См.: Там же. 1996. №19. Ст.366.

¹¹ International Legal Materials. 1994. V.33. №4. P.1197.

¹² См.: Собрание указов Президента и Постановлений правительства РБ. Мн., 1995. №27. Ст.669.

¹³ См.: Договор об интеллектуальной собственности в отношении интегральных микросхем. Женева, 1989.

¹⁴ См.: Ведомости ВС РБ. 1996. №19. Ст.366.

¹⁵ См.: СП РБ. 1992. №32. Ст.570.

ВИКТОР АНДРЕ

ДОСТИЖЕНИЯ АНГОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Ангола расположена в юго-западной части африканского континента, в субэкваториальных и тропических широтах южного полушария. Площадь Анголы 1246700 тыс. км². Это значит, что на каждого жителя республики приходится 5 км² территории, поскольку все ее население составляет около 8 млн человек, а с учетом богатых природных ресурсов страны без преувеличения можно сказать, что каждый ее гражданин мог бы существовать без «особого труда». Но, к сожалению, этому препятствуют военные действия на территории страны. На севере и северо-востоке Ангола граничит с Республиками Конго и Заир, на юго-востоке — с Замбией, на юге — с Намибией; западное побережье Анголы омывает Атлантический океан.

В течение 500 лет эта многострадальная страна была колонией Португалии и только в 1975 г. обрела политическую независимость после 14 лет ожесточенной войны против оккупантов.

Распад португальской колониальной империи и победа народа Анголы оказались в центре внимания мирового общественного мнения, став предметом правового обсуждения в ООН и ОАЕ.

После свержения фашистского режима Салазара новое правительство Португалии заявило о намерении предоставить народам бывших португальских колоний независимость. В январе 1975 г. между правительством Португалии и лидерами трех движений (МПЛА, ФНЛА и УНИТА) было заключено соглашение, которое намечало условия поэтапного перехода Анголы к независимости. Соглашение предусматривало создание переходного правительства, которое должно было подготовить страну к выборам в Учредительное Собрание. Однако идеологические разногласия между лидерами партий и внешнее империалистическое влияние способствовали перерастанию этих противоречий в гражданскую войну.

В центре внимания дипломатической деятельности ангольского правительства буквально с первых дней его самостоятельного существования оказалось, с одной стороны, стремление перестроить отношения с бывшей метрополией (Португалия) на основе равноправия, соблюдения взаимных интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга; с другой, — намерение Португалии во что бы то ни стало сохранить свои позиции в распадавшейся колониальной империи, придав своей колониальной политике лишь внешне новую форму.

Положение молодой ангольской дипломатии в тот период осложнялось тем, что внутрисполитическая обстановка характеризовалась резким обострением классово-политической борьбы, на некоторых руководящих государственных постах продолжали оставаться ставленники колонизаторов. Поскольку в это время ангольская дипломатия почти не имела подготовленных национальных кадров, в Министерство иностранных дел продолжали привлекаться иностранные эксперты и советники.

Правительство исходило из того, что одним из негативных явлений, тормозящих развитие любого народа, является неграмотность. После провозглашения политической независимости 11 ноября 1975 г. молодое правительство

столкнулось с проблемами подготовки кадров для всех отраслей народного хозяйства. Спустя несколько лет в Анголе началась постепенная замена кадров, в том числе дипломатических. В обновлении кадров главное, на наш взгляд, правильно распределять молодых специалистов в соответствии с профессиональным профилем каждого.

После провозглашения независимости в дипломатической деятельности правительства оформилась «двойная направленность»: внутренняя и внешняя. Внутренняя дипломатия осуществлялась с помощью оружия. Когда в середине 1975 г. стало ясно, что МПЛА с помощью кубинских войск успешно овладевает территорией страны, ЮАР и Заир стали сосредоточивать войска на ангольской границе, готовясь активно вмешаться в гражданскую войну в стране.

Обострение обстановки в Анголе вызывало обеспокоенность Организации Африканского Единства. В повестке дня 12-й сессии Ассамблеи ОАЕ, состоявшейся в июле–августе 1975 г., вопрос «о положении в Анголе» был одним из главных. Но из-за серьезных разногласий между делегациями ОАЕ не смогла принять действенных мер по эффективному решению ангольской проблемы.

Под энергичным воздействием ангольской дипломатии 26-я сессия Совета Министров ОАЕ, состоявшаяся в феврале–марте 1976 г., наконец приняла резолюцию о немедленном и безусловном выводе южноафриканских агрессивных сил с оккупированной территории. Резолюция призвала все государства-члены ОАЕ сотрудничать с правительством Республики Ангола в целях защиты ее независимости, территориальной целостности и национального суверенитета. Участники сессии потребовали срочного созыва чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН для рассмотрения положения, сложившегося в связи с агрессией ЮАР против Республики Ангола.

В своих выступлениях в Совете Безопасности ангольские дипломаты решительно осудили агрессивные действия ЮАР, потребовали немедленного и безусловного вывода войск ЮАР с территории Анголы и возмещения ущерба, нанесенного стране южноафриканской интервенцией.

Надо отметить, что после завоевания политической независимости ангольской дипломатии пришлось выдержать острую борьбу, чтобы отстоять законное право своего государства стать равноправным членом Организации Объединенных Наций. В 1976 г. правительство страны обратилось с просьбой о приеме в ООН. США, игнорируя волю подавляющего большинства членов ООН, использовали право вето, чтобы воспрепятствовать принятию Анголы в ООН. Только на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 1 декабря 1976 г., Республика Ангола была принята в члены Организации Объединенных Наций. При рассмотрении этого вопроса в Совете Безопасности ООН США воздержались от голосования.

Ангольская дипломатия активно добивалась все большего признания республики в мире. Первым признал Анголу как суверенное, независимое государство бывший СССР. Газета «Правда» сообщила: «11 ноября 1975 года в Луанде состоялись переговоры между делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Народной Республики Ангола... учитывая признание Народной Республики Анголы Советским Союзом, а также основываясь на принципах Устава ООН и Венской конвенции, регулирующей дипломатические отношения между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Ангола на уровне посольств».¹ Большинство же западных стран в это время воздерживались от признания Республики Ангола. Однако международные позиции республики быстро укреплялись. В феврале 1976 г. Ангола была юридически признана уже 25 африканскими государствами, а в конце 1977 г. ее признали почти все государства континента.

Важным достижением ангольской дипломатии можно считать результаты межправительственных переговоров в июле 1988 г., когда было подписано соглашение между Анголой, ЮАР и Кубой, предусматривающее вывод с территории страны войск ЮАР и Кубы, обеспечение выполнения резолюции Совета Безопасности ООН № 435 о свободных выборах в Намибии под контролем ООН, предоставление ей независимости. Соглашение включало 14 пунктов, в

которых детализировалась «технология» сотрудничества ЮАР и Анголы с ООН по выполнению положений названной резолюции, в том числе соглашения между Анголой и Кубой.

Эти документы предусматривали: уважение суверенитета, суверенного равенства и независимости государств, их территориальной целостности и неприкосновенности границ; невмешательства во внутренние дела; запрет применения силы или ее угрозы против территориальной целостности и независимости государств; принятие государствами ответственности за то, чтобы не разрешать использование ее территории в качестве плацдарма для агрессии или каких-либо посягательств против другого государства; подтверждение права народа юго-западной Африки на самоопределение, независимость и равные права; контроль и рассмотрение всех претензий о нарушениях обязательств по соглашению; обязательство разрешать все споры путем переговоров; признание роли постоянных членов Совета Безопасности как гарантов осуществления соглашений; подтверждение права каждого государства на мир, развитие и социальный прогресс; необходимость африканского и международного сотрудничества для решения проблем развития Юго-Западной Африки; признание посреднической роли правительства США.

Необходимо отметить еще один важный момент: пока задачи правительства были сосредоточены на внешней дипломатии, внутренняя нуждалась в оздоровлении. Уже в конце 80-х годов правительственные усилия были направлены на решение проблем «хозяйственной дипломатии». В связи с этим в 1989 г. в Заире состоялась встреча между президентом Анголы Жозе Эдуарду Душ Сантушем с лидером оппозиции д-ром Савимби с целью заключения договора о перемирии. Однако через некоторое время оружие вновь заменило дипломатию.

Благодаря дипломатическим усилиям правительства Анголы при посредничестве России, США и Португалии и с помощью международного сообщества 31 мая 1991 г. в Лиссабоне был заключен договор о перемирии. В 1992 г. в стране состоялись свободные выборы. Хотя после опубликования результатов выборов возобновились военные действия, попытки восстановить мир не прекратились. И в результате 20 ноября 1994 г. в Лусаке (Республика Замбия) был подписан Протокол о перемирии между ангольским правительством и оппозицией. Знаменитый «Лусакский протокол» не утратил юридического значения до сих пор. Основной смысл этого протокола – формирование совместного нового правительства с учетом предложений оппозиции (УНИТА).

Нужно отметить немаловажную роль Организации Объединенных Наций в установлении мира на ангольской земле. Примером принципиальных миротворческих акций могут служить многократные резолюции Совета Безопасности ООН о прекращении военных действий в Анголе (рез. №804 от 29 января 1993 г.; №811 от 12 марта 1993 г.; №823 от 30 апреля 1993 г.; №834 от 1 июня 1993 г.; №851 от 14 июля 1993 г.; №864 от 15 сентября 1993 г.)².

На наш взгляд, больше всего восстановлению мира в стране способствовали дипломатические усилия правительства Анголы, которое в 1993 г. наконец добилось от США юридического признания и установления дипломатических отношений между двумя государствами.

Однако молодая республика остро нуждается в национальных кадрах. И, на наш взгляд, усилия нового правительства необходимо концентрировать на подготовке национальных дипломатических кадров, ибо известно, что дипломаты решают сложные задачи, и чтобы справиться с ними нужно обладать особой подготовкой, о которой говорится уже в древнеиндийских законах Ману: «Мир и его противоположность (война) зависят от послов, ибо только они создают и ссорят союзников. В их власти находятся те дела, из-за которых происходят мир или война»³. Кстати, подготовка дипломатов с древности и до сих пор ведется преимущественно в специальных учебных заведениях.

Чтобы успешно решать задачи, стоящие перед ангольской дипломатией, необходимо, на наш взгляд, открыть высшую школу или институт при Министерстве иностранных дел для подготовки кадров, необходимых в этой сфере. Роль дипломатического права в мире как непосредственного регулятора контак-

тов между субъектами международного права будет все время возрастать. Внешняя политика удовлетворяет строго определенные потребности государства. Суть их заключается в том, что интересы государства могут быть наиболее полно реализованы, если его внешняя политика будет наиболее объективно отражать потребности развития и интересы общества.

Итак, дипломатическая деятельность правительства Республики Ангола с момента ее провозглашения в 1975 г. направлена прежде всего на защиту своей независимости, государственного суверенитета и создание благоприятных условий для развития национальной экономики. Основные усилия дипломатической службы в последнее время были сосредоточены на "внутренней дипломатии", направленной на прекращение гражданской войны. Для укрепления авторитета молодой республики на международной арене немаловажное значение будет иметь качество и уровень подготовки национальных дипломатических кадров.

¹ Правда. 1985. 12 ноября.

² Protocolo de Lusaka. Lusaka, 1994. P.28.

³ Законы Ману / Пер. Эльмановича. СПб., 1913. Гл. VI. §67 (царь).

А.В.ШАВЦОВА

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАРОДА, НАЦИИ, ГОСУДАРСТВА

Как феномен, отражающий определенное состояние государства, народа, нации, суверенитет складывается в ходе исторического развития, приобретая на разных этапах свои особенности.

В научной правовой литературе недавнего прошлого проблеме суверенитета уделялось немало внимания. Однако в этих работах анализировались главным образом проблемы государственного суверенитета СССР, его сочетания с суверенитетом союзных республик, модели реализации суверенитета в зарубежных государствах.

Новые очертания проблема суверенитета приобрела в конце 80-х – начале 90-х гг., когда развернулась дискуссия о методах реализации союзными республиками права на выход из состава Союза ССР и обретения государственной самостоятельности и независимости.

Сегодня суверенитет является важнейшим, кардинальным институтом конституционного права. Однако, обсуждая проблему суверенитета в ее государственно- и международно-правовом аспектах, нельзя не обратить внимания на тенденцию, получившую распространение в практике нашего государственного строительства. Речь идет о фактическом игнорировании в парламентской, законотворческой, иной государственной деятельности фундаментальных научных обоснований проблемы суверенитета отечественной и зарубежной наукой. Вместе с тем понятие "суверенитет" часто стало употребляться и юристами не в подлинном его значении. Научные дискуссии способствовали уточнению этого понятия. В современных определениях суверенитета выделяются две его общие характерные черты – верховенство государственной власти внутри страны и независимость во внешних отношениях. Несмотря на это, некоторые особенности формулировок позволяют выделить ряд концепций в понимании суверенитета.

Концепция таких авторов, как И.П.Траинин, А.Я.Вышинский, Л.А.Моджорян, Н.П.Фарберов, Е.А.Коровин, А.И.Лепешкин, Б.Л.Манелис, представляла собой юридическое понимание суверенитета, под которым подразумевалось свойство государственной власти. Характерно, что тезис отождествления государственного суверенитета с государственной властью получил распространение в бывшем СССР эпохи сталинизма, когда понятие суверенитета государства без достаточных оснований переносилось на государственную власть, точнее – на ее высшее звено.

Естественно, что переход к демократическим формам правления в нашей республике знаменует значительное расширение сферы носителей государственной власти как по горизонтали, так и по вертикали. В современном белорусском демократическом государстве, практически реализующем принцип разделения властей по вертикали, не только возрастает количество носителей власти, но и достаточно четко разграничиваются их полномочия. Создается система, в которой каждый орган осуществляет государственные полномочия по строго определенным вопросам. И только вся система в своей совокупности реализует государственную власть в целом. Государственная власть реализуется системой, в которую входят ее органы – законодательные, исполнительные и судебные.

Власть и олицетворяющие ее органы не обладают суверенитетом, поскольку он сопоставим только с государством. Применительно к органам государства можно говорить лишь об объеме властных полномочий. Объем полномочий государственного органа зависит от того, как определены его границы.

В политической системе современного белорусского демократического общества регулирование общественных отношений осуществляют не только органы государства, но и общественные формирования.

Суверенное государство обладает всей совокупностью властных полномочий и свободно их использует. Это значит, что оно имеет возможность в соответствии с установленной им самим процедурой, без вмешательства извне, определять свою внутреннюю и внешнюю политику, но не предполагает отождествления государственного суверенитета с властью, и тем более ее свойствами.

Концепцию "расщепленного" суверенитета выражают парламентские документы, выступления депутатов, публикации в прессе, которые заостряют внимание на "экономическом", "законодательном", "международном", "финансовом" и прочих "суверенитетах". Еще Ж.-Ж.Руссо отмечал, что "из суверена делают какое-то фантастическое существо, составленное из различных кусков". Подобного рода подход, оживший в конце 80-х годов нашего столетия, несостоятелен как в теоретическом, так и в практическом плане. Создается иллюзия о возможности изолированного решения проблемы суверенитета путем обретения его по частям.

Более аргументирована сложившаяся в науке государственного и международного права точка зрения, согласно которой – суверенитет един, хотя верховенство, самостоятельность и независимость государства и его власти могут проявляться в различных сферах государственной и общественной жизни (экономика, законодательство, внутренняя и внешняя политика и др.).

Еще одна концепция признает суверенными только некоторые административно-территориальные единицы. Здесь суверенитет из государственно-правового переместился на административно-территориальный уровень, когда уже областям, районам, поселкам и даже отдельным селам дозволено провозглашать свой суверенитет.

"Парад суверенитетов", выразившийся в принятии некоторыми национально-государственными образованиями и даже властными органами деклараций о государственном суверенитете, часто не согласованных с конституционным и текущим законодательством, как бы юридически санкционировал неисполнение законов и тем самым нарушил систему установленных в государстве правоотношений, способствовал произволу и нарушению прав граждан. Имеются основания утверждать, что несанкционированный "парад суверенитетов" в значительной мере способствовал резкому всплеску межнациональных конфликтов и многочисленным человеческим жертвам на территории бывшего СССР.

Прочно укореняется в общественном сознании и представление о суверенитете личности. С теоретической точки зрения подобное явление вызвано подменой понятий.

Вместо суверенитета административно-территориальных единиц речь должна идти о местном самоуправлении; "суверенитет личности" не должен

заменять общепризнанную концепцию прав человека. Увеличение числа субъектов суверенитета таит в себе немалую опасность для практики государственного строительства, как верно отметил Ю.М. Скуратов: "это ведет к девальвации (утрате смыслового значения) суверенитета, потере им своей определенности, а значит, и ценных политико-правовых свойств"¹.

Согласно устоявшемуся и общепринятому в науке государственного права подходу, субъектами суверенитета могут быть народ, нация и государство. Так, в вузовском учебнике "Советское государство и право" под редакцией профессора А. И.Лепешкина дается определение суверенитета как понятия общего, интегрирующего в себе такие социальные общности, как государство, народ, нация: "К наиболее значительным формам исторической общности такого рода в современный период относятся государство, народ и нация. Каждая из них связывает людей сложными и многочисленными общественными отношениями. Отсюда три разновидности суверенитета, которые действуют одновременно"².

Вопрос о соотношении национального государства, народного и государственного суверенитета в научной и учебной литературе трактуется, по преимуществу, так, будто различие между суверенитетом государственным, народным и национальным сводится к различию субъектов, т.е. соответственно государства, народа и нации. Исходя из этого, различают несколько видов суверенитета: государственный суверенитет, суверенитет нации, суверенитет народа. М.А.Биндер считает, что различные виды суверенитетов взаимосвязаны и поэтому находятся в единстве, но в то же время нельзя отрицать и существование большого количества специфических черт, следовательно, справедливо выделение трех видов суверенитета – народного, национального и государственного³.

Хотелось бы выделить позицию А.И.Лепешкина, который подчеркивает неделимость суверенитета народа, а о суверенитете национальном и государственном говорит лишь как о формах его проявления. "Народный суверенитет воплощается в государственном и в национальном суверенитете. Государственный суверенитет – это не особый суверенитет, параллельно действующий с суверенитетом народа, принципиально отличный от него и имеющий свой особый источник. Государственный суверенитет выступает как бы государственно-правовой формой осуществления народного суверенитета. Формой выражения суверенитета народа в нашем государстве является национальный суверенитет"⁴.

А.И.Лепешкин различает два понятия: суверенность и суверенитет нации, признавая суверенность неотъемлемым свойством нации, а суверенитет – практической реализацией суверенности в конкретных государственно-правовых формах⁵.

Многие авторы согласны с А.В.Матусевичем, который утверждает, что "необходимо разграничить "народный" и "национальный" суверенитеты, приняв за основу факт наличия народа как совокупности людей, существующей под юрисдикцией обладающего суверенитетом государственного образования, и одновременно существования наций как специфических образований, объединяемых общностью языка, культуры, традиций и обычаев"⁶.

Утвердилось в нашей литературе и представление о национальном суверенитете, как о каком-то свойстве или качестве, изначально и неотъемлемо присущем нации как таковой, т.е. нация или народность суверенны всегда, безотносительно к конкретно-историческим условиям ее существования, без суверенитета нет нации или народности. "Национальный суверенитет как определенное свойство присуще каждой нации в силу самого факта ее существования, – пишет С.Р.Вихарев. – Оно неотъемлемо, его нельзя ни придать, ни упразднить, можно только нарушить или восстановить путем лишения или признания самостоятельности нации. Право же на самоопределение – что, в сущности, как уже указывалось, лишь свобода самоопределения, которую нация, как и всякую иную свободу, может использовать, а может и не использовать. Национальный суверенитет возник одновременно с воз-

никновением наций и отомрет вместе с их отмиранием. Как определенной качественной стороной им располагают все без исключения нации, большие и малые, независимо от уровня их развития, а также от того, определилась ли данная нация как отдельное политическое и национальное целое или она находится в составе общего государства с другими нациями"⁷.

Этого же взгляда придерживается М.Б.Садыков. "Национальный суверенитет, – пишет он, – обуславливается всеми объективно свойственными нации внутренними и внешнеполитическими связями. Это качество присуще как уже свободным и полноправным, так и угнетенным нациям. Национальный суверенитет – не внешнее по отношению к нации, не приобретаемая "со стороны" черта, а внутренне присущее ей качество"⁸. Отрицание данного положения неизбежно приведет к выводу о том, что национальный суверенитет должен неразрывно сочетаться с государственным суверенитетом, что не соответствует действительности. Реальным суверенитетом, включающим все необходимые признаки, обладают только те народы, которые в ходе своего самоопределения создали самостоятельные суверенные государства.

Признавая же суверенитет (или суверенность) неотъемлемым свойством нации или народа, необходимо иметь в виду следующие объективные признаки нации: 1) это социальная этническая взаимосвязанная общность людей, достаточно значительная в количественном отношении и способная к самостоятельному историческому существованию и действиям; 2) единый национальный язык как важнейшее средство общения; 3) устойчивая общность экономической жизни; 4) обусловленная этими связями замкнутая территория; 5) общие черты национального характера, проявляющиеся в менталитете людей, в особенностях быта, культуры и традиций нации. На процессы образования нации, народа воздействуют и иные общественные факторы. Понятие нации как определенной социальной общности предполагает наличие всех указанных признаков. Однако ни одно из известных определений нации не включает суверенитет в число ее объективных признаков; неотъемлемое право наций, народов на самоопределение закреплено во всех общепризнанных международно-правовых актах.

Если бы суверенитет действительно представлял собой свойство нации, народа, являлся обязательным признаком понятия нации, то пришлось бы с необходимостью прийти к логическому выводу о том, что все нации, независимо от их фактической свободы и самостоятельности, всегда суверенны. В зависимости же от конкретных государственно-политических, социально-исторических условий нация может быть суверенной или несуверенной.

Таким образом, научное понимание национальных потребностей никак не согласуется с истолкованием национального суверенитета как неотъемлемого свойства, присущего нации. Предпосылкой развития нации выступает потребность в свободе национальной жизни, в освобождении от национального гнета, в политическом самоопределении, предполагающем право на отделение и создание собственного национального государства. Не нация, а вся общественная среда порождает потребность и интересы, которые определенным образом трансформируются в конкретные действия, требования путем реализации в той или иной форме права на самоопределение как органической составной части суверенитета. Она охватывает область политического, государственно-правового самоопределения и имеет действенное, решающее значение во всей системе национальных отношений.

Итак, понятие суверенитета используется в правовой науке, во внутригосударственном и международном праве для характеристики особых, специфических свойств, присущих только государству. Оно отражает наиболее общие черты и особенности любого государства, большого или малого, развитого или развивающегося, унитарного или федеративного, независимо от его политического строя.

¹ Советское государство и право. 1991. №5. С.11.

² Советское государство и право. М., 1971. С.102.

³ См.: Биндер М.А. Конституционные основы национально-государственного устройства СССР. Алма-Ата, 1984. С.64.

⁴ Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. М., 1961. Т.1. С.252–253.

⁵ Он же. Советский федерализм. М., 1977. С. 254.

⁶ Матусевич А.В. Политическая система. Состояние и развитие. Мн., 1992. Т.1. С.112.

⁷ Вихарев С.Р. В.И. Ленин о суверенитете союзных республик. Мн., 1969. С.56.

⁸ Садыков М.Б. Единство интернациональных и национальных интересов в Советском многонациональном государстве. Казань, 1975. С.45–46.

В.Н.САТОЛИН

БРАК И СЕМЬЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Первым известным документом, в котором упоминаются брачно-семейные обычаи восточных славян, является "Повесть временных лет". Древний летописец, говоря о полянах, древлянах, вятичах, радимичах и северянах, указывает на существование у них следующих форм бракосочетания: 1) приведение невесты в жилище жениха ("привожаху вечерь"); 2) похищение в собственном смысле этого слова ("умыкиваху у воды девица"); 3) похищение или увод по предварительному сговору ("и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съ вешашеся").¹

Приведение как форма брака, судя по летописи, первоначально была известна только полянам. Суть этой формы заключалась в "приведении" невесты к жениху, причем вместе с невестой приносили в жилище жениха и приданое.² Можно полагать, что происхождение этой формы брака у полян не чуждо христианского влияния, так как поляне гораздо раньше других восточных славян познакомились с христианством.³

Что же касается непосредственных предков белорусов, то у них, по мнению Н.М.Никольского, наиболее часто бракосочетание совершалось либо путем похищения, либо в форме купли-продажи невесты. Установить с полной определенностью, какая из этих форм древнее, нельзя, хотя в литературе предпочтение отдается точке зрения, согласно которой похищение было первой формой бракосочетания, а покупка – последующей.⁴

Существование браков у восточных славян с использованием похищения невест подтверждается не только древней летописью, но и более поздними свидетельствами. Так, А.Терещенко писал в середине прошлого века о белорусских свадебных обрядах: "Между некоторыми расколами брак не считался действительным, доколе жених не похитил девушку с ее согласия. Такое обыкновение было в употреблении еще недавно в некоторых уездах Витебской губернии: Динабургском, Режицком, Люценском и проч. между раскольниками".⁵

На существование у некоторой части белорусов вплоть до конца XIX в. обряда похищения невест как пережитка, запрещенного церковью, указывает и Н.М. Никольский.⁶

Этнографические данные убеждают, что похищение, "умыкание" не было основным способом заключения браков у наших предков.⁷ Уже в языческую эпоху у них преобладало заключение брака в форме "купли-продажи". Суть этой формы бракосочетания заключалась в передаче (за соответствующую плату) молодой женщины из-под власти родителей или родственников под власть будущего мужа. Процесс бракосочетания четко подразделялся на два действия: 1) "сватовство", т.е. осмотр невесты посторонними лицами и 2) "рукобитие" – заключение "сделки" сторонами, в качестве которых выступали родители жениха или сам жених и родители невесты. Содержание покупки составлял устный договор о величине выкупа и о сроках совершения брака. Плата за невесту была и реальной, которую обычно получал отец невесты, и обрядовой ("выкуп"), которая передавалась либо брату невесты, либо ее подругам, но и обрядовая форма лишь маскировала реальную продажу. С течением времени плата за невесту утрачивает истинное значение и превращается в символический обряд.

В языческую эпоху в семейной жизни восточных славян имело место многоженство. Это подтверждает и летопись: "И Радимичи, и Вятичи, и Север... имяху по две и по три жены..."⁸ Правовое положение всех жен в семье было, по-видимому, одинаковым. Дети от разных жен также пользовались одинаковыми правами, прежде всего в наследовании отцовского имущества.⁹

Известно также, что некоторые, наиболее знатные и могущественные выходцы из славянских племен, кроме жен, имели еще и наложниц. Особенно много наложниц было у князя Владимира: "Бе же Володимир побежден похотью женьскою, быша ему водимая: Рогнедь... от Грекине... от Чехине... а от другое... а от Болгарыни... а наложниц бе у него 300 в Вышгороде, а 300 в Белгороде, а 200 на Берестове в сельци, еже зовуть ныне Берестовое", — указывалось в древней летописи.¹⁰

Сам факт бракосочетания у славян сопровождался различными сопутствующими обрядами. У полян, например, существовал обряд, по которому невеста в знак будущей покорности супругу должна была разуть жениха. Так, когда князь Владимир, плененный красотой Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогволода, уже ранее "сговореной" за князя Ярополка, через послов попросил ее руки, она отвечала: "не хочу розути робичича" (не хочу разувать сына рабыни), потому что мать Владимира была ключницей княжны Ольги. Дядя его, Добрыня,¹¹ "понося надменность" Рогнеды, посоветовал взять ее силой и жениться.

Заканчивалось бракосочетание пиром, "с плясанием и гудением". Обязательная принадлежность брачных пиршеств, как, впрочем, и всех "игриц", — скоморохи, гусли, трубы.

Выходя замуж при жизни отца, братьев, девушка получала от них приданое, величина которого зависела от достатка ее семьи.

После свадьбы молодая жена получала от мужа или от другого главы семьи, в которую она входила, выкуп, так называемое "вено", игравшее роль своеобразного материального обеспечения.¹²

При отсутствии прочной связи между мужем и женой, при наличии многоженства у славян в дохристианский период существовала ничем не ограниченная свобода развода: мужья попросту оставляли своих жен по односторонней своей воле.¹³ Каких-либо законных поводов и оснований для развода тогда не требовалось. Правда, не только мужья оставляли своих жен, но и жены покидали мужей.¹⁴

Отношения между супругами в индивидуальном браке первоначально строились в соответствии с принципом, по которому муж являлся владыкой жены, а жена — его рабой. По древнему обычаю, известному не только у славян, но и в Индии, Греции, у древних германцев, женщин, оставшихся после смерти мужей вдовами, умерщвляли, поскольку считалось, что жена должна была следовать за мужем-владыкой везде, даже на тот свет.

Вместе с тем исследователи отмечают любовь и привязанность славянских жен к своим мужьям, да и вообще супружескую верность славян во времена язычества. Добряков А., например, описывает случай, когда архиепископ Германии св. Бонифаций в письме английскому королю Альфреду, упрекал его в "порочной жизни", а в качестве примера приводил семейную жизнь славян. "У них муж и жена ревностно хранят взаимно супружескую любовь, что жена, по смерти своего мужа, отказывается жить, и та хвалится особенно, которая сама себя убивает, чтобы сгореть с мужем на одном костре".¹⁵

Принятие христианства, утверждение церковной организации существенно изменили сферу брачно-семейных отношений восточных славян и их правовое регулирование. Брачные союзы, заключавшиеся путем похищения или покупки невест, с точки зрения христианства были уже немыслимы. Церковь учила, что брак есть таинство, следовательно, установление божественное. Поэтому вводился новый, церковный порядок совершения бракосочетания, в соответствии с которым жених или его родители обращались к епархиальному архиерею с просьбой о совершении венчания предстоящего брака. После этого архиерей выдавал просителю специальный указ на имя соот-

ветствующего священника с предписанием ему совершить венчание, предварительно "обыскав", т.е. убедившись, нет ли каких-либо препятствий к заключению предполагаемого брака. Этот указ назывался венечной памятью и без него ни один священник не имел права венчать браки. За выдачу венечной памяти взималась пошлина, размер которой зависел от того, в который по счету брак вступали жених и невеста.¹⁶

Однако церковное оформление браков у восточных славян приживалось очень долго и трудно. По свидетельству митрополита Иоанна II (1080–1089), в XI веке церковные браки заключали лишь представители высших слоев общества – бояре и князья; простые люди по-прежнему обходились без благословения и венчания, они устраивали свадьбы с плясанием, гудением и плесканием.

Свадьбе предшествовала помолвка, сговор, закреплявшиеся трапезой у родителей невесты, где обязательными блюдами были пирог-каравай и сыр. Отказ жениха от брака после сговора считался позором для невесты и компенсировался денежной суммой, к которой церковная власть добавляла еще и штраф в свою пользу: "Если из-за девушки будет разрезан сыр, а потом сделают не так, за сыр гривну, а за оскорбление ей 3 гривны, а что потеряно, то ей заплатить, а митрополиту 6 гривен", – читаем в ст.32 Устава князя Ярослава.

Вступив в посредничество при заключении браков, церковь установила ряд условий для признания брачного союза состоявшимся и законным. Священнослужителям запрещалось венчать браки между близкими родственниками. Право на брачный союз имели лишь их дети. Для лиц мужского пола устанавливался брачный возраст с 15 лет, для женщин – с 13–14 лет. Однако эти нормы не всегда соблюдались.

Служители церкви запрещали браки христиан с иноверцами, а также с некрещеными местными жителями. Запрещалось многоженство и ограничивалось количество последовательно заключенных браков. Согласно существовавшим тогда канонам, можно было заключать не более двух браков; даже смерть одного из супругов во втором браке не давала права оставшемуся в живых вступать в третий брак. Языковых и государственных различий брачное право раннего средневековья не учитывало.¹⁷

Принятие христианства и последовавшие в связи с этим изменения в регламентации брачно-семейных отношений самым тесным образом касались и института развода. В церковном уставе Владимира, в Уставной грамоте Смоленского князя Ростислава Мстиславовича к юрисдикции церкви отнесены "ропусы", т.е. разводы, однако не названы конкретные причины расторжения брака, как это было сделано в греческом Номоканоне. "Молчание об этом нашего первого церковного устава и уставных грамот, – отмечает Д.Дубакин, – совершенно естественно объясняется специальной целью и задачей устава и уставных грамот: определить только круг и границы церковного суда; причем руководящим кодексом при решении дел в границах, указанных церковным уставом и уставными грамотами Всеволода и Ростислава, все-таки оставался греческий Номоканон".¹⁸

В церковном уставе Ярослава, в его пространной редакции, уже указаны заимствованные преимущественно из Номоканона причины или основания для расторжения брака. Это: 1) не сообщение женой мужу о ставшем ей известным готовящемся посягательстве на власть и жизнь монарха; 2) прелюбодеяние жены, за которым ее застал муж или подтвержденное слухами; 3) покушение жены на убийство мужа или недонесение о готовящемся его убийстве; 4) общение жены с чужими людьми, в частности ночевка вне своего дома и без разрешения мужа, что может угрожать ее чести; 5) посещение женой без сопровождения мужа, днем или ночью, игрищ и несоблюдение соответствующего запрета, сделанного мужем; 6) участие в обворовании мужа или самостоятельное похищение его имущества или другое воровство, в частности из церкви (ст.53).

Не трудно заметить, что институт развода у восточных славян в правовом аспекте был неразрывно связан с виновностью одного из супругов (жены) в распадении брака. Это была санкция или кара за совершение определенного правонарушения, не всегда даже связанного с браком.

Церковный устав Ярослава, перечисляя причины, по которым муж мог развестись с женой, не содержит, однако, указаний, когда жене позволяется расторгнуть брак с мужем, вопреки даже тому, что в византийском законодательстве (Номоканон) права женщины и мужчины на вступление в брак и на развод были равными.¹⁹

Почему составители Устава Ярослава выделяют мужчину, односторонне наделяя его в отличие от женщины соответствующими правами, мы не знаем. Можно предположить, что главенствующее положение мужа в семье, которое он занимал в языческий период, с принятием христианства не могло сразу измениться. Потребовалось достаточно длительное время, чтобы преодолеть старые взгляды на правомочия супругов в семье, в том числе и бракоразводные.

С другой стороны, нельзя отвергать мысль о том, что невключение в церковный Устав Ярослава причин, при наличии которых жена могла расторгнуть брак с мужем, объясняется тем, что такие нормы имелись в греческом Номоканоне, а он, как известно, применялся в качестве одного из основных источников законодательства о браке и семье, действовавшего в то время.

Отсутствие единых норм, регулирующих порядок расторжения браков, было характерным для данного периода, Местные христианские обычаи существовали наряду с противоречивыми нормами переводных, заимствованных из Византии памятников права, и выбор тех или иных диктовался конкретными условиями, взглядами или знаниями местного иерарха или составителя правового свода.²⁰

Право решать внутрисемейные вопросы, касавшиеся отношений между мужем и женой, а также жены с окружавшим ее миром, как и право наказания за проступки, принадлежало мужу. Устав князя Ярослава определял мужчине наказание только в тех случаях, когда он оскорблял или бил чужую жену. Подобные же действия по отношению к собственной жене расценивались не как преступление, а как выполнение долга.

После принятия христианства под влиянием канонических предписаний и византийского законодательства личные и имущественные права жены в семье возрастают. Кроме прав "на признание в ней индивидуальности, личности, а не вещи, и полной неразрывной принадлежности мужа",²¹ она получает право на приданое, которое являлось ее личной собственностью, и некоторые права на общесемейное имущество. Женщины из привилегированных сословий – княжны, боярыни – становились собственницами сел, даже городов.

Уже тогда оформлялись обязанности супругов о взаимной поддержке. Ни муж, ни жена не имели права оставить друг друга, если один из них был тяжело болен: "Если будет у жены тяжелый недуг, или слепота, или долгая болезнь, то ее нельзя оставить. Также и жена не может оставить мужа", – гласят ст.ст.11 и 12 Устава Ярослава.²² Здесь, очевидно, речь идет не о формальном разводе, после которого супруг имел право вступить в новый брак, а лишь об оставлении супруга без помощи.

Молодая жена, входя в семью мужа, должна была уважительно и почтительно относиться к старшим членам этой семьи. Церковный устав Владимира квалифицирует неуважительное отношение снохи к свекрови как проступок, подлежащий духовному суду.

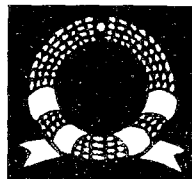
Родители по отношению к своим детям имели большие права и обязанности. В соответствии с Уставом Ярослава, они могли даже заставить свою дочь вступить в брак вопреки ее желанию, поскольку отвечали перед публичной властью за невыдачу дочерей замуж. Эта норма, неизвестная византийскому законодательству, отражала закрепление в церковном законодательстве древнего обычая восточно-славянского общества, согласно которому старшие члены семьи несли ответственность за обеспечение младших и устройство

их в жизни. Традиционное наследственное право материально не обеспечивало дочерей (в отличие от сыновей) после смерти родителей. В силу этого общинная организация, а с XI в. и церковь, обязывали родителей устраивать будущее дочерей и наказывать их за нарушение такой обязанности. Невыдача дочери замуж каралась штрафом в пользу митрополита: «Если девушка из великих бояр не выйдет замуж, родители платят митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр – гривна золота, а нарочитых людей – 12 гривен серебра, а простой челяди – гривна серебра.²³

Таковы были семейно-брачные отношения восточных славян в период раннего средневековья. Эти отношения, с одной стороны, регулировались старыми, не везде одинаковыми, но всюду авторитетными и уважаемыми обычаями, а, с другой, – ранее не известными, не всем доступными и поэтому с трудом приживавшимися нормами византийского законодательства. Несомненно, однако, что эти новые нормы (переработанные и приспособленные к местным условиям) оказали в целом благоприятное воздействие на брачно-семейные отношения и весь семейный уклад восточно-славянского общества. В дальнейшем влияние церкви и религиозных предписаний на брачно-семейные отношения будут усиливаться, а значение норм обычного права – ослабляться.

- ¹ Повесть временных лет. Материалы по практич. занятиям по истории СССР. М., 1979. С.18.
- ² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995, С.406.
- ³ Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». СПб., 1880. С.21.
- ⁴ Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Мн., 1956. С.51.
- ⁵ Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848, С.28.
- ⁶ Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. С.51.
- ⁷ См: Юркевич Н. Г. Заключение брака по советскому праву. Мн., 1965. С.24.
- ⁸ Неволин К. История российских гражданских законов. СПб, 1851. С.136.
- ⁹ Добряков А. Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864. С.27.
- ¹⁰ Цит. по: Неволин К. История российских гражданских законов. С.136.
- ¹¹ Терещенко А. Быт русского народа. С.35.
- ¹² Добряков А. Русская женщина в домонгольский период. С.24.
- ¹³ Владимирский-Буданов М. Ф. Черты семейного права западной России в половине XVI в.: Чтения в Киевск. Историч. Общ. Нестора-летописца. Киев, 1890. С.55.
- ¹⁴ Шпилевский С. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869. С.40.
- ¹⁵ Добряков А. Русская женщина в домонгольский период. С.24.
- ¹⁶ Павлов А. С. Курс церковного права. М., 1902. С.370.
- ¹⁷ Шапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопр. истории. 1970. С.217.
- ¹⁸ Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества... С.57.
- ¹⁹ Там же. С.59.
- ²⁰ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1972. С.248.
- ²¹ Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества... С.92.
- ²² Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. / Под общ. ред. О.И.Чистякова. М., 1984. Т.1: Законодательство Древней Руси. С.190.
- ²³ Шапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси С.218.

Нашы юбіляры

СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ ДРОБЯЗКО

Исполнилось 75 лет со дня рождения Степана Григорьевича Дробязко, доктора юридических наук, профессора кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, заслуженного юриста Республики Беларусь. Родился он в селе Выюнице Сосницкого района Черниговской области в крестьянской семье. В 1940 г. закончил Сосницкую среднюю школу и в этом же году был призван в Советскую Армию.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. В 1945 г. поступил в Минский юридический институт, по окончании которого был зачислен в аспирантуру. Защитив в 1953 г. кандидатскую диссертацию, С.Г.Дробязко работает в том же институте преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры теории и истории государства и права. В 1969 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по общей теории права, а в 1970 г. ему присвоено ученое звание профессора. С 1973 по 1988 г. заведовал кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета БГУ, а с 1988 г. по настоящее время работает профессором этой же кафедры.

Степан Григорьевич – опытный педагог и активный исследователь. Им опубликовано 127 научных работ, в том числе монографии, брошюры, статьи, учебные пособия. Он участвовал во многих научных и научно-практических конференциях. Читал лекции в зарубежных государствах, принимал участие в первом международном конгрессе по правам человека. Внес заметный вклад в развитие учения о сущности государства, понятия правового государства и его принципов, современного правопонимания, принципов и закономерностей права, теории совершенствования законодательства. Читает курс истории политических и правовых учений, общей теории права, ведет спецкурс по правовому государству.

Под руководством профессора Дробязко С.Г. выполнен и защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций.

Педагогическую и научную деятельность С.Г.Дробязко успешно совмещает с участием в разработке законодательных актов и с общественной деятельностью. Являлся членом конституционной комиссии Верховного Совета БССР и его рабочей группы.

В настоящее время С.Г.Дробязко является членом двух ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций при БГУ, сопредседателем совета при Конституционном суде Республики Беларусь, председателем Государственного совета по социально-экономическим проблемам и проблемам развития государственности при Госкомитете по науке и технологиям, членом Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов.

Свое 75-летие Степан Григорьевич встретил в расцвете творческих сил. Деканат юридического факультета, коллеги и ученики юбиляра желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в педагогическом и научном труде.

ИЗАБЕЛЛА ИВАНОВНА МАРТИНОВИЧ

Исполнилось 70 лет со дня рождения известного белорусского ученого, доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белгосуниверситета, заслуженного работника высшей школы, заслуженного юриста Республики Беларусь Изабеллы Ивановны Мартинович.

Научная деятельность Изабеллы Ивановны началась в Минске, в юридическом институте, который она окончила в 1951 г. с отличием.

После успешной защиты кандидатской диссертации И.И. Мартинович преподает в Минском юридическом институте, а после его упразднения – на юридическом факультете БГУ. В 1969 г. успешно защищает докторскую диссертацию и становится первой в Белоруссии женщиной профессором права.

За период почти 45-летней научно-педагогической деятельности Изабелла Ивановна участвовала в подготовке нескольких поколений юристов. Ее учеников сегодня можно встретить в каждом суде, прокуратуре, в любом правоохранительном учреждении республики. Ее любят и уважают студенты, коллеги, она пользуется известностью за пределами республики.

Многогранна научная деятельность профессора И.И. Мартинович. Ею опубликовано более 100 научных работ по таким дисциплинам, как судостроительство, уголовный процесс и прокурорский надзор. Она является автором монографий, учебных пособий, статей в Белорусской энциклопедии и энциклопедии истории Белоруссии, соавтором учебников и научно-практических комментариев.

Большой вклад Изабелла Ивановна внесла в разработку Концепции судебно-правовой реформы, принятой Верховным Советом Республики Беларусь 22 апреля 1992 г. Была экспертом-разработчиком проекта Конституции Республики Беларусь и многих других юридических актов.

Изабелла Ивановна гордится учеными-юристами, которых она подготовила как научный руководитель: среди них четыре кандидата и один доктор юридических наук.

Разносторонняя и ее общественная деятельность. Она член специализированного Совета по присуждению ученых степеней и званий; избиралась депутатом Минского городского Совета, более 10 лет (1975–1987) была членом Комитета советских женщин.

Свое семидесятилетие Изабелла Ивановна встречает в расцвете духовных сил и научного таланта. Неиссякаемость ее творческой энергии, научного потенциала и смелых замыслов вызывает восхищение.

Поздравляем Изабеллу Ивановну с юбилеем, желаем ей крепкого здоровья, личного счастья и новых творческих свершений.

Деканат юридического факультета БГУ

В.Н.Ватыль, Д.В.Ермашов, А.А.Ширинянц. **Социально-политическая и правовая мысль России XIX – начала XX века: Очерки истории и теории.** Учебное пособие по одноименному курсу для студентов специальности Г 0901 – Правоведение. Ч.1. Гродно, 1997. 194 с.

Есть веские основания надеяться, что учебное пособие "Социально-политическая и правовая мысль России XIX–начала XX века", выполненное коллективом авторов (В.Н.Ватыль, Д.В.Ермашов, А.А.Ширинянц), займет достойное место в ряду учебной и научно-популярной литературы по истории русской социально-политической и правовой мысли. Появление такого пособия отвечает требованиям времени и имеет очень актуальный характер. Это связано с тем, что большая часть написанной ранее литературы по данной проблеме отражает условия ограниченного доступа к информации и источникам, идеологическое давление и монополизм марксистской методологии.

Современный этап развития социально-политической и правовой мысли, необходимость демократизации и общества, и науки требуют нового, расширительного, взгляда на данную проблему, освещения ее с различных методологических позиций, включения новых источников. Обращение к истории русской социально-политической и правовой мысли будет способствовать формированию идеологического плюрализма, организационному оформлению политического плюрализма и политической многопартийности в нашем современном обществе.

Учебное пособие рассматривает с историко-теоретических позиций особенности проявления в российской действительности таких политических идеологий, как консерватизм, радикализм, либерализм, теоретические источники и исторические предпосылки формирования русского консерватизма, радикализма и либерализма, оформление их в политические и правовые теории.

Раздел I учебного пособия посвящен исследованию консерватизма, который рассмат-

ривается авторами как универсальное явление, включающее в себя трактовку консерватизма и как способа (стиля) мышления, и как политической идеологии, и как комплекса поведенческих установок. В этом же разделе авторы анализируют исторические предпосылки и особенности формирования консерватизма в России, его основные этапы: от концепции Н.М.Карамзина и "Теории официальной народности" С.С.Уварова до этапа пореформенной России (Н.Я.Данилевский, К.Н.Леонтьев).

В разделе II пособия рассматриваются проблемы радикализма. Авторы показывают феномен русского радикализма в его различных проявлениях. Это нигилизм как явление общественной жизни и мысли; народничество и его роль в формировании социалистической доктрины и обоснования необходимости революции; анархизм, его типология и особенности. Особое внимание уделяется анархистской концепции М.А.Бакунина, ее теоретическим источникам и специфическим чертам.

Русский либерализм и его особенности как политической идеологии определяет содержание III раздела пособия. Авторы выявляют его идейные источники, главные ценности, основные этапы формирования, роль либерализма в оформлении таких политических ценностей и институтов, как парламентаризм, разделение властей, гражданское общество, правовое государство. Рассматриваются особенности формирования либеральной идеологии в России, ее концептуальные основы, специфика проявления в российской политической мысли и правовых теориях концепции правовой защищенности личности.

Авторы использовали обширную литературу по проблеме, в том числе многие источники, ранее недоступные для исследователей в силу их закрытости.

Пособие выполнено на высоком методическом и научном уровне, отвечает всем требованиям, предъявляемым к учебной литературе.

С.В.Решетников, Е.Ф.Гречнева

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

МИХАИЛ ГЕРАСИМОВИЧ ЕЛИСЕЕВ

После тяжелой болезни скончался известный историк-германист, доцент кафедры новой и новейшей истории Белгосуниверситета, кандидат исторических наук Михаил Герасимович Елисеев.

М.Г.Елисеев родился 17 января 1940 г. в д.Кошелево Буда-Кошелевского района Гомельской области в крестьянской семье. После окончания средней школы в 1956 г. поступил на исторический факультет Белгосуниверситета. С 1961 по 1963 г. выпускник БГУ работает учителем истории Сороговской средней школы Слуцкого района. В 1963 г. поступает в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории БГУ.

Успешно защитив кандидатскую диссертацию, М.Г.Елисеев с 1967 г. работает на кафедре новой и новейшей истории: ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. Много времени и сил отдает работе со студентами и аспирантами, искреннюю признательность и уважение которых он заслужил своей принципиальной требовательностью и чуткостью. Преподавательскую работу Михаил Герасимович успешно сочетал с научно-исследовательской деятельностью. Им опубликовано свыше 40 научных работ, в том числе две монографии. Многолетняя творческая разработка проблем новейшей истории Германии выдвинула

М.Г.Елисеева в число крупнейших специалистов республики в сфере германистики.

М.Г.Елисеев активно участвовал в общественной жизни вуза. Неоднократно избирался секретарем партийного бюро исторического факультета, три года был секретарем партийного комитета университета. В 1982 г. его педагогический и научный труд был отмечен Почетной грамотой Верховного Совета БССР.

Михаил Герасимович останется учителем в памяти нескольких поколений выпускников истфака. Коллеги помнят его не только как высококвалифицированного специалиста, но и как отзывчивого товарища, друга, который всегда мог дать дельный совет, поддержать в трудную минуту. С ним легко работалось: он мог предложить неординарный подход к той или иной проблеме, умел выслушать и понять оппонента.

Светлый образ Михаила Герасимовича Елисеева, человека большой души и обаяния, навсегда сохранится в сердцах и памяти всех, кому довелось его знать и работать вместе с ним.

**Деканат исторического факультета БГУ,
коллектив кафедры новой и новейшей истории**

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАТВИЕНКО

После тяжелой и продолжительной болезни 2 сентября скончался бывший заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ профессор Евгений Александрович Матвиенко.

Е.А.Матвиенко родился 15 апреля 1925 г. в г.Абакане Красноярского края. После окончания средней школы был призван на службу в армию и направлен на учебу в Ленинградское авиационное училище, которое окончил в 1943 г.

С августа 1943 по 9 мая 1945 г. воевал в составе 7-го гвардейского Гатчинского, а затем 111-го Берлинского авиаполков дальнего действия в качестве механика и стрелка-радиста, участвовал в боях за Кенигсберг, в освобождении Польши.

За боевые заслуги Е.А.Матвиенко награжден восемью орденами и медалями.

После окончания войны Евгений Александрович поступил учиться в Алма-Атинский юридический институт, который окончил в 1948 г., затем была аспирантура в институте права Академии наук СССР. 19 октября 1951 г. ему присуждается ученая степень кандидата юридических наук, а

в 1978 г. он становится профессором.

С 1951 г. жизнь Е.А.Матвиенко неразрывно связана с юридическими высшими учебными заведениями Минска. Он работает доцентом юридического института, а затем с 1974 по 1986 г. возглавляет кафедру на юридическом факультете БГУ. Он автор более 60 научных работ, среди которых 4 монографии. Одна из них — "Судебная речь" — и сегодня является настольной книгой прокуроров и адвокатов.

Почти в каждом правоохранительном органе республики сегодня работают ученики профессора Е.А.Матвиенко. Под его руководством подготовлено несколько кандидатов юридических наук.

Его любили студенты и уважали коллеги.

Евгений Александрович вел большую общественную работу, он был членом научно-консультативных советов Верховного суда и прокуратуры республики, членом совета по защите диссертаций, членом правления общества "Знание". Всегда проявлял себя как способный организатор, принципиальный, требовательный к себе и другим ученый.

Светлая память о Евгении Александровиче Матвиенко сохранится в сердцах всех, кто знал его и работал вместе с ним.

УКАЗАЛЬНИК

артыкулаў, апублікаваных у "Весніку Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта", серыя 3 (гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права) у 1997 г.

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

Шалькевич В.Ф. Общественно-политическая мысль Беларуси конца XVIII–60-х гг. XIX в. 1 3

ГІСТОРЫЯ

<i>Бенчева Катя (Болгарія).</i> Социальное положение и права мусульманских общин в современных Греции и Болгарии	1	14
<i>Болсун Г.А.</i> Фашистская пропаганда на оккупированной территории Белоруссии (1941–1943 гг.)	3	3
<i>Бригадина О.В.</i> Интеллигенция и советская власть: проблемы взаимоотношений (1917–1922 гг.)	1	8
<i>Глушак Н.А.</i> Канцэпцыя эканамічнага адраджэння Беларусі ва ўяўленні Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (1918–1924)	3	14
<i>Гусакова Г.В.</i> Некоторые этапы этнической истории Великобритании	2	10
<i>Гусакова Г.В.</i> Факторы, определяющие развитие этнических процессов в Шотландии	3	18
<i>Загорнов А.А.</i> Брестская таможня в первой половине XIX в.	1	11
<i>Келлер О.Б.</i> Отражение немецких правовых норм и традиций в "Саксонском зеркале" (ок. 1224 – ок. 1235 гг.)	2	15
<i>Климентьева А.Ф.</i> Восточный вопрос в середине XVIII века	2	19
<i>Коршук У.К.</i> БСГ і праблемы нацыянальнай дзяржаўнасці Беларусі	2	3
<i>Петров К.А.</i> "Большие периоды" в развитии мировой исторической мысли	2	22
<i>Пурышева Н.М.</i> Белорусская государственно-партийная политика в сфере культуры первых лет советской власти (1921–1925)	3	7
<i>Сервачынскі І.Ю.</i> Беларуская народная самапомач (з гісторыі калабарацыянізма на Беларусі)	3	11
<i>Харичкова Л.В.</i> Религиозная политика Аврелиана	2	7

ФІЛАСОФІЯ

<i>Баранчик Ю.В.</i> Феноменология языка Г.Гийома и ее значение для современной философии	1	23
<i>Барковская А.В.</i> Природа как текст: варианты прочтения	1	32
<i>Екадумов А.И.</i> Становление культуроцентристской парадигмы и проблема экологизации сознания	1	43
<i>Логвинов С.Л.</i> Проблема рациональности в феноменологической социологии Альфреда Шюца	1	20
<i>Малиновский М.Н.</i> Система экологических ценностей традиционной культуры в контексте современного экосознания	1	39
<i>Малиновский М.Н.</i> Становление экосознания в культуре Северной Европы	3	32
<i>Наливайко И.М.</i> Проблема морального должностования в философской традиции Запада и России	1	26
<i>Пекарский Ф.В.</i> Преломление идеи "сверхчеловека" в философских концепциях футуризма	1	17
<i>Поваляева Н.С.</i> Влияние философии фрейдизма на формирование сюрреалистической концепции художественного творчества	1	29
<i>Румянцова Т.Г.</i> Западная философия: от классики к современности (два этапа, два типа философствования)	2	27
<i>Филиппович А.В.</i> Проблема субъекта в философии Гегеля	3	24
<i>Фурс В.Н.</i> Экологический кризис и концепция "всемирной истории"	1	36
<i>Чеблакова Л.А.</i> Нравственно-экологический императив и проблемы коэволюции природы и общества	3	29

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Антановіч Н.А.</i> Окружение политической системы как детерминанта ее функционирования	3	36
<i>Белякович Н.Н.</i> Левое политическое движение: стереотипы и новые подходы	3	39
<i>Глушаков В.Е.</i> Методология принятия управленческих решений	3	43
<i>Дайняк Е.Н.</i> Перспективная модель политического лидерства (постановка проблемы)	1	46
<i>Достанко Е.А.</i> Проблемы расширения Европы: Основные задачи и концепции европейской интеграции	2	32
<i>Дудко Е.А.</i> Процесс принятия решения: его структура	1	53
<i>Кечина Е.А.</i> Статистика личности в социологических исследованиях	2	44
<i>Купчинова Т.В.</i> Экономическое поведение как научная категория	2	40
<i>Курбыка Т.И.</i> Конфликты и сотрудничество в американской демократии	2	35
<i>Кучко Е.Е.</i> Социологическое обеспечение нововведений как фактор оптимизации инновационной деятельности	1	56
<i>Мартынаў С.Н., Шмыгаў І.Ф., Елсукоў А.Н., Ухванова І.Ф.</i> Дыялог як жыватворная крыніца развіцця і адухаўлення навуковай думкі (да заснавання фонда імя Я.Пятроўскага)	1	51
<i>Мельников А.П.</i> Иеремия Бентам: политолог и человек (1748–1832)	1	48

ЭКАНОМІКА

<i>Галецкая Е.С.</i> Теоретические аспекты анализа счета текущих операций платежного баланса Республики Беларусь	3	54
<i>Ермалович Л.П.</i> Управление персоналом как фактор конкурентоспособности	2	55
<i>Зеленкевич М.Л., Максименко Т.В.</i> Проблемы формирования рынка ссудных капиталов в странах с переходной экономикой	2	48
<i>Каштанова Е.Г.</i> Налоговое регулирование в макроэкономической модели Республики Беларусь	2	58
<i>Клюня В.Л., Новикова И.В.</i> Формирование агропромышленного комплекса и его сущность	2	51
<i>Раковец А.А., Зеленкевич М.Л.</i> Рынок ценных бумаг Республики Беларусь: проблемы и пути решения	3	50
<i>Святліцкі І.С.</i> Два бакі і дзве тэорыі вартасці	1	59
<i>Скирко Н.И.</i> Особенности современной макроэкономической нестабильности и государственная политика на рынке труда	2	63
<i>Черченко Н.В., Петрашевская А.В.</i> Свободные экономические зоны в современной рыночной экономике	3	47

ПРАВА

<i>Андре Виктор.</i> Достижения ангольской дипломатии после провозглашения независимости	3	63
<i>Бибилло В.Н.</i> Судебное усмотрение при осуществлении правосудия по уголовным делам	2	69
<i>Воробьев И.Г.</i> О некоторых проблемах совершенствования законодательства и практики отстранения от работы	1	63
<i>Здрок О.Н.</i> Правосубъектность несовершеннолетних и ее содержание в законодательстве Республики Беларусь	2	73
<i>Леановіч Е.Б.</i> Участие Республики Беларусь в международном сотрудничестве по вопросам интеллектуальной собственности и перспективы совершенствования национального законодательства	3	57
<i>Леценко С.К.</i> Деятельность органов государства по устранению двойного налогообложения	2	66
<i>Савченко М.И.</i> Залог и ипотека по международному морскому праву	2	76
<i>Сатолин В.Н.</i> Брак и семья у восточных славян	3	70
<i>Шацова А.В.</i> Взаимосвязь народа, нации, государства	3	66